

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ (ЕСУ)

Ежемесячный научный журнал

№ 2 (59) / 2019

4 часть

Редакционная коллегия:

д.п.н., профессор Аркулин Т.В. (Москва, РФ)

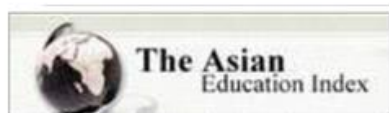
Члены редакционной коллегии:

- Артафонов Вячеслав Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права (Москва, РФ);
- Игнатъева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических, преподаватель кафедры менеджмента (Москва, РФ);
- Кажемаев Александр Викторович, кандидат психологических, доцент кафедры финансового права (Саратов, РФ);
- Кортун Аркадий Владимирович, доктор педагогических, профессор кафедры теории государства и права (Нижний Новгород, РФ);
- Ровенская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз (Москва, Россия);
- Селиктарова Ксения Николаевна (Москва, Россия);
- Сорновская Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии;
- Свистун Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, советник при ректорате (Москва, Россия);
- Тюменев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук (Киев, Украина)
- Варкумова Елена Евгеньевна, кандидат филологических, доцент кафедры филологии (Астана, Казахстан);
- Каверин Владимир Владимирович, научный сотрудник архитектурного факультета, доцент (Минск, Белоруссия)
- Чукмаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права (Астана, Казахстан) (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор

д.п.н., профессор Каркушин Дмитрий Петрович (Москва, Россия)

Международные индексы:

Ответственный редактор:

Главный редактор:

Завальский Яков Андреевич (Россия), доктор психологических наук, профессор

Международный редакционный совет:

Научный редактор: Игнатьев Сергей Петрович (Россия), доктор педагогических наук, профессор
Ответственный секретарь редакции: Давыдова Наталия Николаевна, кандидат психологических наук, доцент.

Арсеньев Дмитрий Петрович (Россия),

доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией

Бычковский Роман Анатолиевич (Россия),

доктор психологических наук, профессор, МГППУ

Ильченко Федор Валериевич (Россия),

доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии

Кобзон Александр Владимирович (Россия),

доктор педагогических наук, профессор

Панов Игорь Евгеньевич (Россия),

доктор технических наук, профессор

Петренко Вадим Николаевич (Казахстан),

доктор психологических наук, профессор

Прохоров Александр Октябрьнович (Казахстан),

доктор педагогических наук, профессор

Савченко Татьяна Николаевна (Беларуссия),

кандидат психологических наук, доцент

Стеценко Марина Ивановна (США),

Ph.D., профессор

Строганова Татьяна Александровна (Украина),

доктор педагогических наук, профессор

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович
Верстка: Курпатова Ирина Александровна

Адрес редакции:

г. Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

E-mail: info@euroasia-science.ru ; www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель Евразийский Союз Ученых (ЕСУ)

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии г. Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Егинбаева Т.Ж., Джулмухамедова А.А. КОНЦЕРТ ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ С ОРКЕСТРОМ Ж.ДАСТЕНОВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ВИОЛОНЧЕЛЬНОЙ МУЗЫКИ В КАЗАХСТАНЕ 4	Тулькубаева Ж.Ж., Оспанова Т.У., Махаматдинова Т.Б. ТВОРЧЕСТВО КЮЙШИ КОЖЕКЕ НАЗАРУЛЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА ЖЕТЫСУ КАЗАХСТАНА.....10
Савадерева А. В., Жиякова, Е.А. ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА «СТАВАТ МАТЕР» В ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ МУЗЫКИ 7	

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Винникова О.М. ПРАГМАТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧАСТНЫХ ОЦЕНОК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ..... 14	Смирнов И.А. ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В СОЗДАНИИ МОДЕЛИ УЕЗДНОГО ГОРОДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕЧАТИ.....28
Рашидова М.З. РЕАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ В ПРОЦЕССЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА..... 15	Tazhitova G.Z., Nurgalieva U.S. ENHANCING OF ACADEMIC SKILLS OF NON - LINGUISTIC DIRECTIONS STUDENTS30
Рашидова М.З. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЛАКСКОГО ЯЗЫКА..... 17	Ханджян Д.Д. ИГРА И ЕЕ РОЛЬ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА32
Айдарбек Қ.Ж., Дәулетхан А.Д. ОПИСАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ ТЕРМИНАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕТАМИКИ..... 19	Ханджян Д.Д. ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ С ПОМОЩЬЮ ТВОРЧЕСКИХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....34
Сүйерқұл Б.М., Избасарова Э.И. ПРЕЦЕДЕНТТІК МӘТІН ҰҒЫМЫНЫҢ ТІЛДІК ТҰЛҒА КАТЕГОРИЯСЫН ЗЕРТТЕУДЕГІ МӘНІ 23	Бехбудова Э.Ш. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК36
Сарсенбаева Ж.Б. ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В РАССКАЗАХ РОЗЫ МУКАНОВНОЙ.....26	Цховребова М.В. «МЕЧТЫ ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ТЕОРИИ» ИЗНА МАКЬЮЭНА. РОМАН «СУББОТА»40

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Красильников В.А. РАЗВИТИЕ ИДЕИ БЕССМЕРТИЯ В ФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ..... 47	Надеева М.И. ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ИСЛАМЕ54
Леснянский Д.А. ТЕМА ДУХОВНОГО ПОИСКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА СОЗНАНИЯ КРИШНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ РАДХАНАТХА СВАМИ «ПУТЕШЕСТВИЕ ДОМОЙ. АВТОБИОГРАФИЯ АМЕРИКАНСКОГО ЙОГА»)..... 49	Оразбай С.Т. ОРХОН-ЕНИСЕЙ ЕСКЕРТКІШТЕРІ МӘТІНДЕРІНІҢ ҚАЗАҚТЫҢ БАТЫРЛЫҚ ЭПОСТЫҚ ЖЫРЛАРЫМЕН САБАҚТАСТЫҒЫ 58
	Пищик А.М., Ефимов А.Е. ЦИКЛОГЕНЕЗ ПАРАДИГМ РУССКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ: СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД – ЧАСТЬ 2 (1939 – 1961)63

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

КОНЦЕРТ ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ С ОРКЕСТРОМ Ж.ДАСТЕНОВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ВИОЛОНЧЕЛЬНОЙ МУЗЫКИ В КАЗАХСТАНЕ

*Егинбаева Тойжан Жылкайдаровна,
кандидат искусствоведения, профессор
Казахского национального университета искусств
Джулмухамедова Айжан Аблайхановна,
доцент*

Казахской национальной консерватории им. Курмангазы

CONCERT FOR CELLO WITH THE ORCHESTRA OF Zh.DASTENOV IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF CELLO MUSIC IN KAZAKHSTAN

*Yeginbayeva Toizhan
Candidate of Humanities and Art, professor
Kazakh National University of Arts
Julumammedova Aizhan
Assistant Professor*

Kazakh National Conservatory named after Kurmangazy

ABSTRACT

The concert for cello and orchestra by Zh. Dastenov is one of the significant works of Kazakh cello music of the 20th century and adjacent a number of lyrical and psychological concerts. The images of the concert are notable for the clarity and accessibility of the musical language, the predominance of bright, optimistic moods, a sense of festivity. On his example, we can conclude that the cello music of the composers of Kazakhstan - a European-professional structure - appears to correspond to the stylistic characteristics of the world and national artistic experience.

АННОТАЦИЯ

Концерт для виолончели с оркестром Ж.Дастенова одно из значительных произведений казахской виолончельной музыки XX века и примыкает к ряду лирико-психологических концертов. Образы концерта отличаются ясностью и доступностью музыкального языка, преобладанием светлых, оптимистических настроений, ощущением праздничности. На его примере можно сделать вывод о том, что виолончельная музыка композиторов Казахстана – европейски-профессионального склада – предстает соответствующей стилевым характеристикам мирового и национального художественного опыта.

Ключевые слова: концерт, виолончель, традиция, домбра, музыкальный язык

Keywords: concert, cello, tradition, dombra, musical language

The evolution of the Kazakh cello music, whose history began in the 40s of the twentieth century, is consistent in its development: from the processing of folk melodies in the form of plays - miniatures to more complex musical compositions, such as a sonata, a concert.

The beginning of the path to the formation of cello music was due to the interaction of European and national musical features, through the activities of performing musicians and composers of the Russian school within the walls of the conservatory. This process (of becoming and development) proceeded slowly. As he required, along with his composer experience, a wide range of trained listeners, as well as the high skill of instrumentalists and sophisticated techniques that were still to be mastered.

The main stages in the development of Kazakh cello music coincide with the development of professional music of the written tradition designated by U.R. Djumakova [2, p.54-74] in general and chamber-instrumental music, in particular: the formation, approval and development in the synthesis of cultures.

During the period of formation - reliance on the European structure and quoting or imitating the national musical language (artificial flagons gliss e sub porticello, gliss e tremolo, etc.). In mature works, a rethinking of the national musical language, the birth of new genres, the polyphonicization of the structure (chamber kui by G.Zhubanova, "Kenes kui" by B. Bayakhunov, "Concert kui for cello and piano" by B. Jumaniyazov), Modern cello music reflecting the sound atmosphere Modernity has undergone the complication of musical language with the use of complex polyphonic and harmonic means, low-second moves, chromatic intervals, techniques of aleatory and collage, sonorous writing, etc. (V.Novikov, T.Mynbayev, K.Shildebaev);

Many of these works are firmly established in the concert and pedagogical repertoire, being a material for improving technical mastery, mastering fine phrasing.

One of the significant works of Kazakh cello music is a **concert for cello with the orchestra of Zh.Dastenov** - thesis by a young composer.

Based on the best examples of works of this genre (concerts of Prokofiev, Shostakovich), Dastenov managed to create a distinctive and brightly national work.

The figurative structure of the first part of the concert is distinguished by its colorful, lyrical and contemplative orientation. In it, bright Kazakh song intonations, close to Birzhan's melodies (Birzhan Kozhagulov - a great singer-akyn of the 19th century), painted with soft impressionistic color, sound softly - dreamily, then sublimely excited, then raised-bravely.

Apparently, the connection with the work of Birzhan does not arise here by chance. Firstly, at the thematism level, certain hints-parallels are heard. Secondly, the overall color of poetic thoughts, the lyricism of a statement makes the first honor related to music 2

actions of M. Tulebayev's opera "Birzhan and Sarah", a scene of reflections of a poet and musician sitting on the bank of Lake Burabay and reflecting on the meaning, beauty and imperfection of life.

For the harmonic language of the first part, impressionistic brilliance and functional high-rise are characteristic. Some contemplativeness of the figurative plan manifests itself in form. The dynamic side does not come to the fore and sonata is traced, acquiring features of a rather three to five-part form.

The main idea of the work is revealed most of all in the main theme, with which the solo cello enters without a traditional orchestral introduction (Example 1):

Example 1

The theme is written in three parts with a developing medium. The image of the main part is leading in a concert. It carries a great semantic load and receives rich opportunities for further development. Its characteristic features - high pathos, improvisation determine the choice of performing techniques associated with a powerful, rich sound, intensive use of vibrato. Improvisational character is manifested in the main part and in the features of the tempo interpretation. For example, before the number 3 *Poco a poco accelerando* - does not mean uniform acceleration and implies other patterns. The logic of rhythmic movement here corresponds to the sound pattern. Each group has its own vertex, which is emphasized by the unchanged *ritenuto*. In this sense, orchestral loss (see Appendix 2), according to the logic of musical development, is the beginning of a highly dynamized reprise and should sound the result of a previous development. Therefore, here the author assumes

some strengthening of the movement, that is, a certain *Poco meno mosso*. This is manifested in the cello part in that the initial element in rhythmic magnification, secondly, in that the theme begins to sound not from the first step, as it was at the beginning, but it is transferred to a quint above, that is, it sounds like a "above" reached by the previous level of development.

It is noteworthy that the dreamy nature of the main party, sounding in the extreme sections of part I, is opposed to the side one. In the secondary party there is a different sphere of imagery, the mood of tense reality and activity prevails here, the contrast is emphasized by the change of tonality and rhythm. The theme is bright in character, resilient, given without more development. Next to the vast mainstream, it sounds somewhat fragmented. Apparently, the composer here wanted to show the contrast between the state of desire and desire for action (Example 2):

Example 2

Dramatically intense development is based on the material of the secondary batch. Because the climax (figure 18) (cello theme), pausing, leads to a cadence. The world of human thoughts, experiences is revealed through improvisation, the confession of the cello, and the sounding echoes of the main and side parts rush like images-visions. In the reprise, the theme of the main party sounds widely, claiming the dominance of a lyrically contemplative mood.

A small part II is a complete construction, and it is not without reason that it is often performed as an independent work. Music moves in three waves-growths,

each of which reveals imagery on a new emotional level.

A small orchestral introduction introduces into the world of concentrated meditation, self-deepening. The choral chords in the orchestra, which immediately introduce into the imaginative sphere of music, sound somewhat static. "Heavy" harmonies, a slow tempo, create an external background on which the cello has a deep and heartfelt chant with a rather flexible melody. Her intonation "slowly rotates" around the main steps to C sharp minor. The features of the ostinato and figuratively peculiarly refracted through the chant march

determine the connection with the genre of the funeral procession (Example 3)

Example 3

The concert ends the finale - the quick part, with elements of virtuosity, which is a kind of result that generalizes the figurative sphere of the entire work. In form, the finale comes closest to the rondo.

It begins by joining the orchestra. By character - this is a festive dance, which is transformed into dombra's kui-jump. Against this background, the cello has the first theme - an energetic, courageous, reminiscent of an excited statement (Example 4):

Example 4

In the transition to the second theme, the intonations of the intro again resound with the orchestra. The second theme takes place at the solo cello in a waltz

tempo, transferring to the lyrical and dancing sphere of imagery (Example 5):

Example 5

In the C major episode, next, the refrain intonation sounds again, but modified. In particular, here we see a change in the functions of the soloist and the orchestra. Compared with the previous conduct. The cello performs the function of accompaniment, expressed in dombra rhythmic figuration on the quinte, the theme melody sounds in the orchestra at the trumpet.

In general, one can trace the national-kazakh flavor, which is heard in the mentioned dombra in C major episode and in the intonation of the entry.

Further, the pipe theme picks up the cello and, gradually accelerating the movement, leads to the code. The code carries the charge of a life-affirming beginning, which is a kind of optimistic outcome of dreams and hopes. The drama of the whole cycle can be defined in a generalized form as a movement from a dreamy, pathetic I part, through a philosophically in-depth II part to a joyful finale.

Speaking about performing aspects, it is necessary to note the main principle clearly expressed in this concert that is characteristic of the genre - the solo cello competition with the orchestra, the soloist playing the leading role here. This turns out to be also in the variety, development of the applied cello means. One can note the mastery with which the composer wrote the cello part: this is the flexibility of the melodic line (main part I part, theme II part), virtuosity (cadence, finale of the concert), the use of all registers of the instrument, its multi-timbre.

As already noted, the work opens up great opportunities for its interpretation. A big role is given to the dynamics and pace. For example, the cello solo intro, given in chord presentation, can be interpreted in different ways, depending on the tempo chosen by the performer. The Allegro moderato tempo indicated by the author is somewhat relative. Even small deviations of it can give the introduction or dreamily-contemplative, or pathetically-elevated character, give less or more hidden energy. Special difficulties of the technical plan in the first and third parts of the concert. These are chords in the intro, requiring an exact transition from one interval to another. In the episodes with double notes, it is especially important to achieve equal, full sound of both voices. In the cadence, written in collaboration with the performer K. Andarbayev, all the complex performing techniques (broken octaves, flageolets) are in "agreement" with the features and capabilities of the instrument.

A concert for cello and orchestra by Zh. Dastenov is adjacent to a number of lyrical and psychological concerts. The images of the concert are notable for the clarity and accessibility of the musical language, the predominance of bright, optimistic moods, and a sense of festivity.

Thus, using the example of Zh. Dastenov's concert, we can conclude that the composers of Kazakhstan in their cello compositions strive for a wider development of folklore, trying to find, at the same time, such forms

and means of expression in order to fully and deeply reflect the features of the musical language peculiar to Kazakh music. And the cello music of the composers of Kazakhstan – a European-professional structure, appears to correspond to the stylistic characteristics of the world and national artistic experience, its intrinsic characteristics - richness, connection with folk art, a variety of genres and forms.

List of used sources:

1. Djumakova U.R. Creativity of composers of Kazakhstan of 1920-1980s. Problems of history, meaning and value. Astana: Foliant, 2003 – 232p.
2. Akparova G.T. Sonat genre in the chamber-instrumental works of composers of Kazakhstan: Monograph. -Astana: AF JSC “NCSTI”, 2013- 219 p.

УДК 78.03

3. Eremenko G. The ways of the twentieth century to the new musical classics // Musical culture as a national and world phenomenon. Proceedings of the International Scientific Conference May 15-16,2002 -Novosibirsk,2002 - p. 45-54.

4. Kotlova G. Chamber-instrumental music of Kazakhstan (on the issue of the evolution of the genre) // Collection of scientific and theoretical articles in the memory of I.Dubovsky. - Alma-Ata, 1990. Materials of the anniversary international scientific-practical conference. - Almaty, 2005

.Егинбаева Т.Ж.,
Казахстан, Астана, ул.Иманбаевой 8 кв 4 -
toizhan_2710@mail.ru+77015280551

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА «СТАБАТ МАТЕР» В ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ МУЗЫКИ

*Савадерева А. В.,
профессор*

Чувашского государственного института культуры и искусств

*Жулякова, Е. А.
студентка*

БОУ ВО «ЧГИКИ» Минкультуры Чувашии

*Savaderova A. V.,
Professor*

Of Chuvash State Institute of Culture and Arts

*Zhilyakova, E. A.
Student of*

Chuvash State Institute of Culture and Arts.

[DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.7-9](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.7-9)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме воплощения одного из наиболее известных духовных текстов в творчестве композиторов разных эпох и художественных стилей. В статье дается исторический обзор музыкальных интерпретаций текста Stabat Mater, созданных в различных вокально-хоровых жанрах в историческом диапазоне XIII-XXI веков. В качестве примера таких интерпретаций современными композиторами представлен краткий сравнительный анализ некоторых произведений.

ABSTRACT:

The article is devoted to the problem of the embodiment of one of the most famous spiritual texts in the works of composers of different eras and artistic styles. The article provides a historical overview of the musical interpretations of the text of Stabat Mater, created in various vocal and choral genres in the historical range of the XIII-XXI centuries. As an example of such interpretations by contemporary composers, a brief comparative analysis of some works is presented.

Ключевые слова: канонические тексты, духовная музыка, композиторы, хоровые жанры, литургические песнопения.

Key words: canonical texts, sacred music, composers, choral genres, liturgical carol.

В мировой художественной культуре чрезвычайно важное место занимают хоровые произведения, созданные на литургические тексты и являющиеся обязательным компонентом богослужения, особенно в церковных традициях христианства. В результате творческой деятельности композиторов - представителей разных эпох и стилей «сложился мощный пласт музыкальной культуры, который принято называть «духовной музыкой». [2]. При этом особая роль в качестве литературной основы хоровых сочинений традиционно принадлежала здесь каноническим текстам литургических циклов – католических (месса, реквием) и православных (Литургия и Всенощная). Наряду с этим, огромной

вниманием композиторов, начиная с XIII века, пользовался текст Stabat Mater, что, вероятно, было обусловлено двумя моментами. Во-первых, в отличие от всех молитв, это был поэтический, то есть рифмованный и ритмизованный текст, а во-вторых, он был наполнен целым рядом различных эмоциональных красок, что предоставляло широкий простор для творческого вдохновения композиторов.

Структура текста включает 20 трехстрочных строф, в которых строки рифмуются следующим образом: две первые в каждой строфе, а третьи в двух соседних строфах. На протяжении всего тек-

ста остается неизменной метроритмическая структура поэтической строки, в которой преобладает хореическая стопа, первые две строки содержат по 8 слогов, а каждая третья строка – 6.

1. *Stabat mater dolorosa*

2. *juxta crucem lacrimosa,*

3. *dum pendebat filius.*

2. *Cuius animam gementem, contristatam et dolentem pertransivit gladius.*

Согласно исследованиям музыковедов, первые песнопения в честь девы Марии начали складываться уже в раннем средневековье (431 год). Расцвет же мариантской (посвященной деве Марии) хоровой музыки приходится на XII – XIII века, когда культ Святой Девы получает особенно широкое распространение. Богородица воспевается в ладах («восхвалениях»), кантиленах и кантигах (строфических, то есть куплетных песнях), бытовавших в народе как безымянные духовные куплеты и входящих в повседневный быт людей. При этом они приближались к обыденной жизни человека, проникаясь искренними земными чувствами, духовный контекст оставался лишь данью сакральному обычаю, а содержание помещалось в бытовой или лирический план. Таким образом, церковь оказалась в затруднении: с одной стороны, популярность песен в честь Богоматери влекла за собой усиление культа девы Марии, с другой – «фольклоризация» богородничных жанров вела к обмирщению их содержания, ослаблению теологического значения. Выход был найден, благодаря творчеству итальянского религиозного поэта, монаха-францисканца Якопоне да Тоди (род. 1230 г. или 1236 г. – 1303 г.), причисленного к лику блаженных. Он создает поэму «Stabat Mater dolorosa», что по латыни означает «Мать, скорбящая стояла».

Следует отметить, что авторство приписывалось и папе Иннокентию III, и средневековому францисканскому теологу Бонавентуре. Однако, художественный уровень поэтического текста *Stabat Mater* свидетельствует о том, что его автор обладал серьезным литературским даром и имел значительный творческий опыт, о чем свидетельствуют биографические материалы о Якопоне да Тоди. Текст впервые был положен на музыку в виде одноголосного напева в XIII веке, затем в конце XIV века получил широкое распространение и вошел в певческую практику в виде секвенции. [1] Это одна из средневековых секвенций, сохранившихся в католическом церковном обиходе и, предназначавшаяся к празднику «Семи скорбей богородицы». С 1727 по 1960 годы *Stabat mater* служила для одноименного праздника, отмечавшегося в пятницу страстной недели, отдельные отрывки применялись и для других праздников. [3]

В своём стихотворении Якопоне стремился выразить не только догмат и евангельское предание о Богородице, но и глубоко человеческое, проникновенное чувство материнской любви, сострадание и скорбь, отчаяние и надежду. По мнению искусствоведов, необычайно яркое в эмоциональном отношении произведение возникло в результате сильного душевного потрясения поэта, связанного с

трагической гибелью его невесты, произошедшего к тому же прямо в храме во время совершения таинства бракосочетания. В смысловом отношении содержание поэмы делится на две части: в первой раскрывается вся глубина материнской скорби, вторая, по сути, представляет собой молитву о даровании готовности к состраданию и любви («Заставь гореть сердце моё в любви к Христу Богу»; «Тебе всей душой сопутствовать в плаче хочу»).

С XIV века создавались многочисленные музыкальные воплощения текста *Stabat mater*, начиная с одноголосных напевов, на смену которым пришли масштабные многоголосные и многочастные произведения. Жанровый диапазон сочинений на текст *Stabat mater* включает как хоровые миниатюры, так и кантатно-ораториальные произведения. Яркие образцы интерпретации этого текста мы встречаем в полифонической музыке строгого стиля (Жоскен Дебре, Палестрина и др.). В дальнейшем, став привычным и отчасти шаблонным, текст «*Stabat mater*» используется в силу прочной традиции. Канонизированный же мотив этой средневековой секвенции недолго удерживается в композиторской практике. Длинный путь проходит сочинение Якопоне да Тоди, прежде чем воскреснуть с новой силой в музыкальных интерпретациях композиторов XVIII века.

Среди наиболее ярких из них выделяется кантата Дж. Перголези (1710-1736 гг.), не потерявшая своей привлекательности и для современного слушателя. Этот необыкновенно талантливый композитор за свои 26 лет создал удивительно много: 10 опер, 30 скрипичных произведений, 5 месс, 10 кантат, несколько инструментальных концертов, ряд ораторий и отдельных арий. Первый автор комической оперы, он внёс в музыку особую свежесть, прозрачность, искренность. «*Stabat mater*», эта лебединая песня Перголези, написана для сопрано и альты в сопровождении струнного квартета и органа (позднее стали добавлять хор, а орган иногда заменять оркестром). В жанровом отношении – это кантата, состоящая из двенадцати частей, чередующихся по принципу медленно-быстро. Кроме Перголези, яркие образцы музыкального прочтения поэмы Якопоне да Тоди создали его современники Антонио Вивальди (1715 г.), А. Скарлатти (1723 г.), А. Кальдара (1725 г.) и другие.

Эволюция этого жанра в XVIII-XIX веках характеризуется обогащением музыкальной стилистики и драматургии «*Stabat mater*» оперными чертами. В XIX веке свои произведения на текст «*Stabat mater*» создали Ф. Шуберт, Ф. Лист, Дж. Россини, Дж. Верди, А. Дворжак. В это время духовные сочинения, в том числе и на канонические тексты, выходя из-под сводов храма, активно внедряются в сферу светской музыки. В результате они продолжают свое существование уже вне богослужения, на концертной эстраде.

Это особенно убедительно проявляется в «*Stabat mater*» Дж. Россини (1792-1868 гг.), завоевавшего мировую славу своими сорока блистательными операми. Его «*Stabat mater*», созданная по заказу аббата М. Варела, приближается по жанровым

характеристикам к оратории и состоит из 10 частей. Всё произведение, насыщенное пленительными мелодиями, пронизанное глубоким лиризмом от интродукции до финала, представляет собой подлинную поэму страдания, скорби и искупления. Но несмотря на это, общий эмоциональный тонус сочинения – жизнеутверждающий, оптимистический, столь характерный для всего творчества композитора, что привело к запрету исполнения в церкви этого, а также и других духовных сочинений Россини. Но, изгнанные из церкви, они продолжают жить, вызывать любовь и восхищение многочисленных любителей музыки во всём мире.

Несколько иной характер носит «Stabat mater» Д. Верди (1813-1901 гг.), входящая в цикл хоров под названием «Quattro pezzi sacri» («Четыре духовные пьесы»), написанный в 1889 году. Это одночастная вокально-симфоническая поэма, близкая по содержанию и стилю к его «Реквиему», но напоминающая и драматические страницы вердиевских опер «Риголетто», «Аида», «Трубадур». Четырехчастный цикл духовных хоров можно представить себе, как четыре акта оперы, где «Stabat mater» – это второй акт, напряженный, динамичный, трагичный, со сквозным действием и впечатляющими театральными эффектами. Следует подчеркнуть, что Богородице в драматургии данного цикла принадлежит главная роль, поскольку ей посвящены и первая часть – «Ave Maria», и третья – «Laudi alla Vergine Maria». Синтезируя в своем творчестве все лучшие черты музыки своих предшественников – итальянских композиторов прошлых эпох, – музыка Верди сама составляет целую эпоху, где «Stabat mater» является одной из ярких страниц.

Не угасал интерес к тексту «Stabat mater» и у композиторов XX века. На эти стихи появились интересные творческие интерпретации этой поэмы Ф. Пуленком (1950 г.), Чарльзом Стэнфордом (1907 г.), К. Шимановским (1926 г.), К. Пендерецким (1962 г.), А. Пяртом (1983 г.). В «Stabat mater» польского композитора Пендерецкого, созданном для массивного хорового состава, состоящего из трех хоров без сопровождения, автор использует шесть строф традиционного латинского текста. Это сравнительно редкий в современной музыке пример антифонного пения, когда три хора поют поочередно, иногда объединяясь в монументальной хоровой фактуре. Суровая, мрачноватая, своего рода «осовремененная» музыкальная готика – таково главное впечатление от его произведения, стилистика кото-

рого нашла продолжение позднее в наиболее значительном сочинении Пендерецкого – оратории «Dies irae» («День гнева»). [1]

Ясно, что такая популярность музыкальных произведений на текст «Stabat mater» была бы невозможной без обмирщения стилистики и музыкально-выразительных средств. Если в XVIII веке эти произведения вызвали упреки священнослужителей, то в XIX веке они уже запрещались для исполнения в храме, а в XX веке вообще стали создаваться не для церкви и окончательно закрепились среди жанров светской музыки.

В заключение следует сказать, что текст средневековой поэмы получил воплощение преимущественно в творчестве европейских композиторов, среди которых одно из последних сочинений принадлежит К. Дженкинсу. Этот автор чрезвычайно оригинально трактует саму идею Stabat mater, так как, наряду с традиционным текстом, он использует английские и даже арабские тексты духовного содержания. [2]. В отечественной же музыке текст «Stabat mater» послужил вдохновением в XIX веке для А. Серова, а во второй половине XX века были написаны произведения А. Карамановым (1967 г.) и В. Маргыновым (1994 г.).

Все эти сочинения (а их насчитывается около 200) обязаны своим появлением творению средневекового поэта, удивительному по эмоционально-образной наполненности, стройности и певучести стиха. Думается, что музыкальная «жизнь» текста «Stabat mater» будет продолжаться и в искусстве грядущих времен.

Список литературы

1. Келдыш Ю.В. Музыкальная энциклопедия / Ю.В. Келдыш. – М.: Советский композитор, 1973-1982
https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_music/143/Stabat
2. Савадерева А.В., Хамзина Ф.М. Жанры литургической музыки в творчестве современных композиторов / Вестник ЧГИКИ №11. Материалы III Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции «Этническая культура в современном мире»: / под ред. Баскаковой Н.И. / БОУ ВО «ЧГИКИ» Минкультуры Чувашии. - Чебоксары: Новое время, 2016. – 162 с. (С. 44-47)
3. Суздалева М.А. Основные тенденции в трактовке жанра Stabat Mater
[Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://infourok.ru/osnovnie-tendencii-v-traktovke-zhanra-stabat-mater-866799.html>

**ТВОРЧЕСТВО КЮЙШИ КОЖЕКЕ НАЗРУЛЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
РЕГИОНА ЖЕТЫСУ КАЗАХСТАНА**

Тулькубаева Жулдыз Жаханшаевна

Магистр искусствоведческих наук,

преподаватель кафедры «Музыковедение и композиция»

Казахской национальной консерватории имени Курмангазы, г. Алматы

Оспанова Тогжан Умурзаковна

Кандидат пед. наук, профессор кафедры

«Музыковедение и композиция» КНК имени Курмангазы

Махаматдинова Томирис Бахытбаевна

Магистрант КНК имени Курмангазы

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается традиционное домбровое искусство региона Жетысу на примере творчества кюйши Кожеке Назарулы, с позиции локальных специфических особенностей стиля шертпе. Автор указывает на фундаментальное значение традиционной инструментальной музыки, ее становление и развитие в контексте истории и музыкальной культуры данного региона. В статье приводится жанровая классификация кюев Кожеке, рассматривается тесная взаимосвязь с фольклорной традицией, тем самым подтверждается наличие в творчестве кюйши инструментальных «дублей» обрядовых жанров. Автором подчеркивается важность профессионального статуса Кожеке-кюйши и Кожеке-батыра в контексте социально-исторических событий. В публикации раскрывается проблема явлений импровизационности и вариативности в исполнении домбровых кюев шертпе, как неотъемлемой части в вопросе сохранения и распространения наследия народных кюйши.

ABSTRACT

This article discusses the traditional art of dombra in the Zhetysu region using the work of kuishi Kozheke Nazaruli as an example, and with a specific focus on the local features of the shertpe style. The author highlights the fundamental importance of traditional instrumental music, and its formation and development in the context of the history and musical culture of this region. The article presents the genre classification of Kozheke kuis and considers a close relationship with the folk tradition, thereby confirming the presence of instrumental “duplicates” of ritual genres in the work of kuishi. The author emphasizes the importance of the professional status of Kozheke-kuishi and Kozheke-batyr in the context of social and historical events. The publication also reveals the problem of improvisation and variation in the performance of dombra kuis shertpe as an integral part of the preservation and dissemination, of the heritage of folk kuishis.

Ключевые слова: кюй, кюйши Кожеке Назарулы, традиционная инструментальная музыка, домбровое искусство казахов, шертпе стиль, региональная специфика.

Keywords: kui, kuishi Kozheke Nazaruli, traditional instrumental music, dombra art of the Kazakhs, shertpe style, regional specificity.

В последние годы в связи с процессом глобализации и активизацией в этой связи поисков места народов в мировом пространстве, в музыковедческой науке республики большую актуальность приобретают исследования, направленные на выявление генезиса национальной музыки, определение ее специфического «национального кода», сохранение которого приравнивается к сохранению основ национальной идентичности. В связи с этим важное значение приобретает изучение народных музыкальных традиций во всем их видовом, жанровом и локальном многообразии с позиций новых концептуальных взглядов и научных моделей, с учетом накопленного за годы становления и развития музыковедческой науки Казахстана научного знания.

Республика Казахстан – огромная по территории страна, находящаяся в центре Евразийского континента: в меньшей части – в Европе, и большей – в Азии. На протяжении многих веков здесь сформировались и функционировали различные музыкальные традиции, развитие которых во времени и в пространстве было неравномерно и имело свои характерные особенности. Последние определялись не только внутрикультурными факторами, но

и, в значительной степени, факторами «регионального» порядка – особенностями географического расположения, этнической истории края, взаимодействия с другими этносами, культурными традициями и т.д.

В этом смысле заявленная тема, связанная с изучением региональной специфики кюев шертпе Жетысу, представляет большой научный интерес как в плане исследования музыкальных традиций конкретного региона Казахстана, так и в плане изучения особенностей развития и музыкально-стилевой специфики самой традиции шертпе, представленной, помимо Жетысу, в Алтайском регионе, Центральном Казахстане, и других областях республики.

Как известно, восточные казахские земли – горный Алтай, Тарбагатай, Сауыр, Сайкан, известные под названием Восточный Туркестан и Жетысуская долина, считаются исторической родиной не только казахов, но и всех тюркоязычных народов. В эпоху гунов и саков, позже Тюркского каганата, племена этих регионов не раз переселялись на запад. В истории эти события известны как «Великое переселение народов», послужившее оседлости тюркоязычных народов на огромной территории

великой Евразийской степи, от реки Хуанхэ на востоке до Средиземного моря на западе. В результате переселения, культура и обычаи тюркских племен развивались в несколько ином русле, под естественным влиянием европейской культуры, не утратив, однако, своей самобытности.

Со второй половины XIX столетия казахский народ начинает испытывать вторжение царской России на территорию Казахского ханства [6, с. 7-23]. Это время творчества выдающихся личностей: Шокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ыбрай Алтынсарин; революционно-политические борцы против царского колониализма – Сырым, Исатай, Махамбет, Кенесары, Наурызбай; своим искусством протестующие против социальной несправедливости, музыканты, композиторы, исполнители, профессионалы устной традиции – Биржан сал, Ахан-сере, Мухит, Курмангазы, Таттимбет; предупреждавшие о будущей трагической судьбе народа антиутописты Дулат, Мурат, Шортанбай, Албан, Асан, и, среди них, выдающийся күйши, представитель восточно-туркестанской домбровой школы – Кожеке Назарулы, занимающий достойное место деятеля, сохранившего патриотический, морально-этический дух народа.

Музыкальная культура и быт казахов, проживающих на граничащей с Китаем территории, получившей название Жетысу (Семиречье), долгое время была малоизученной, оставаясь вне поля зрения исследователей. Это было связано с рядом причин и, прежде всего, со сложившейся политической обстановкой – существованием так называемого «железного занавеса» между странами Востока и Запада, что оказало влияние на выбор направлений исследований в области культуры и искусства. В настоящее время, благодаря позитивным сдвигам в политике, установившимся деловым контактам, культурные и другие взаимосвязи претерпели значительные изменения, что позволило глубже познакомиться с творчеством күйши Кожеке Назарулы.

Общеизвестно, что исторически и территориально в Казахстане сложились две крупные домбровые традиции – западноказахстанская «*тоқпе*» и восточноказахстанская «*шертпе*», различающиеся по тематике кюев, способам раскрытия содержания и технике исполнительства. Наиболее изученным в казахстанском музыковедении является стиль *тоқпе*.

Кюи *шертпе* оказались менее исследованными. Одна из причин данного обстоятельства кроется в сравнительно небольшом количестве нотных записей. Расшифровки *шертпе кюев* имеют определенную сложность. Это связано с отличающейся от *тоқпе* штриховой техникой, оттенками, способом игры, приемами звукоизвлечения. «Шертпін тарту» – щипковый способ игры – манера изысканная, камерная, отражающая тонкие интонации человеческой речи и сольного пения, это «пение» на домбре. К тому же, отсутствие рамок, границ, ритмическая свобода произведений также представляют собой определенную сложность в фиксации кюев на ноты.

Высшего расцвета домбровая традиция шертпе Жетысу достигла в творчестве Кожеке. Помимо публикаций известных фактов биографии и некоторых кюев, сведений о күйши до сегодняшнего времени было недостаточно. В магистерском исследовании автора статьи (Ж.Тулкубаевой) творческий облик Кожеке как лидера домбровой школы региона Жетысу (подобно Таттимбету в Центральном Казахстане, Курмангазы – на Западе страны или Сугуру в Каратау), становится предметом отдельного исследования. В научной работе рассматриваются вопросы периодизации творчества, отличительные особенности стиля, представлен целостный музыковедческий анализ произведений [5, с. 24].

Личность Кожеке Назарулы универсальна сама в себе. Кожеке – ярчайший представитель домбровой школы стиля шертпе. В то же время, Кожеке – это батыр, общественный деятель и предводитель рода *албан* в один из самых сложных исторических периодов – во времена присоединения Казахстана к Российской империи. Являясь одним из руководителей Приильского восстания крестьян, Кожеке-батыр записан в летописи как революционно-политический борец против произвола колонизаторов, внесший значительный вклад в историю сохранения казахского этноса. Особо следует отметить общественно-социальную значимость жизни Кожеке в период присоединения Старшего жуза казахов к российскому государству. Деятельность *Кожеке-күйши* и *Кожеке-батыра* невозможно рассматривать раздельно. Именно слияние этих двух жизненных факторов статусности определило гражданскую позицию и эпическую направленность в творчестве музыканта, снискав огромную любовь и признание народа. Следовательно, все исторические данные и народные предания, а также легенды к кюям күйши, словно мозаика, складываются в большую многогранную палитру, отражающую картину середины XIX века в Жетысу.

Черты стиля күйши Кожеке формировались в большей мере под влиянием синь-цзяньских домбровых школ юго-восточного региона, традиционной инструментальной культуры Алтая, Тарбагатай, Или. Творческое наследие поражает своей объемом (более 200 кюев), разнообразным тематизмом, приемами игры и красотой мелодики.

С жанрово-тематической точки зрения кюи Кожеке, с одной стороны, демонстрируют глубокую почвенную связь күйши с фольклорной традицией, о чем свидетельствует наличие в его репертуаре инструментальных «дублей» обрядовых жанров (*жоктау, естирту, той бастар* и др.). С другой стороны, важное место в творчестве музыканта занимают кюи, маркирующие его профессиональный статус (автобиографические кюи, социально-протестная тематика кюев) и связь с национальной эпической традицией.

В целом, кюи Кожеке с жанровой точки зрения можно классифицировать следующим образом:

1. *Автобиографические кюи*, в которых отражена общественно-социальная роль Кожеке как кюйши-батыра;

2. *Этические кюи*, в основе которых лежат древние легенды («Акку», «Мұңлық-Зарлық», «Қамбархан», «Көр-ұлы Сұлтан», кюи – толғау);

3. *Лирические кюи*, подразделяющиеся на кюи, посвященные женским образам, кюи о природе; лирические кюи-переживания;

4. *Обрядовые кюи*: кюи – арнау (посвящения), кюи-жоқтау (плачи); кюи – призывы; «кюй – тартыс» («тартыс» – инструментальное состязание музыкантов).

Если следовать классификации казахских кюев, предложенной ученым-этномузыковедом А.Мухамбетовой, то произведения Кожеке опираются на две синкретические кюевые формы – «кюй с легендой» и «кюй и легенда» [3, с. 143]. Первую форму представляют кюи эпического, мифологического плана, характеризующиеся обобщенно-смысловым типом связей, развитой целостной формой, единым синкретическим типом композиции. Вторая форма – это кюи – «ангиме» (рассказ), имеющие также развитую форму, с некоторым распадом типа композиции. Кристаллизация приемов формообразования кюев в творчестве Кожеке происходила под влиянием словесной «рамки», непременно присутствующей в традиционном бытовании кюев. Словесная часть кюев представлена мифологическими, эпическими, историческими преданиями, рассказами о конкретных жизненных событиях. Композиционное соотношение кюев Кожеке относится к типу *раздельного вербального и инструментального начал*, т.е. музыка звучит после того, как рассказ завершен, аналогично соотношению программы и музыки в произведениях европейских композиторов.

Вторая форма кюев преобладает в творчестве Кожеке, поскольку легенда, являясь обрамляющим контекстом кюя, способствует возникновению *вариантов* исполнения. Немаловажен факт наличия *импровизационности* исполняющего, так же способствующий появлению новых вариантов кюя. С одной стороны, одним из удивительных качеств устной школы является импровизационный навык у исполнителей, искусство варьирования. П.Богаырев отмечает, что импровизационность является «одним из типичных и основных признаков всех видов народного искусства» [1, с. 93]. Отсюда следует существование многочисленных вариантов исполнения одного и того же кюя, и чем ближе к современности, тем меньше вероятность сохранить и передать оригинал. С другой стороны, несмотря на привнесение личностного прочтения и осмысления в исполнение, все существующие варианты какого-либо одного кюя создают большую красивую, самобытную картину авторского замысла; и, несомненно, характеризуют стилевые особенности творчества кюйши. В этой связи, кюи Кожеке богаты вариантами, их наличие помогает нам вычленивать главные, повторяющиеся особенности в ладоинтонационном и образно-смысловом содержании,

которые, в свою очередь, выявляют композиторский почерк кюйши. Таковы кюи «Нұрғазарын бұл-бұл», «Қамбар-хан», «Шалқайма», «Кенес», «Тас көмыр шоғымен қинау», «Балам-ау» и др.

Одной из важных особенностей (где-то положительной), является существование нескольких вариантов сведений об определенных жизненных фактах кюйши Кожеке, а также историях создания его кюев. Подобная *многовариантность* является типичной для фольклора любого народа (сказки, легенды, песни, кюи и т.д.). И если в творческую биографию это вносит некоторую сумятицу (в датах, точных фактах), то в казахской традиционной домбровой культуре многовариантность – явление обычное и неизбежное. Именно наличие вариантов подтверждает сохранившееся импровизационное начало в творчестве казахов, а также является одним из специфических признаков жизненности этих сочинений.

Анализ кюев и сравнительная характеристика шертпе в Жетысу с шертпе-кюями других локальных школ позволяет констатировать ряд факторов общности и различий в развитии данного стиля. Форма кюев Кожеке – вариант – строфическая. Такое вопросно/ответное или «запевно/припевное» чередование свойственно традиционной и профессиональной песенной культуре.

В интонационном плане кюи демонстрируют одну из особенностей мелодического развития в шертпе – постепенное завоевание интонационного пространства. Так, в интонационно-ладовом отношении кюи региона Жетысу, схожи с кюями Аркинской школы. Музыковед – фольклорист И.И. Земцовский, говоря о правилах исследовательской практики, выделяет «определенный мелодический тип», считая, что при анализе отдельной песни не правомерно разделять ее на части, лучше всего рассматривать ее с точки зрения мелодического типа. [2, с. 28]. В шертпе кюях роль мелодического типа выполняет определенный интонационный комплекс ОИК (Ж.Тулкубаева), исполняющий функцию объединения всего музыкального материала. В кюях региона Жетысу наблюдается темообразующий интонационный комплекс, построенный на мажорной пентатонике, свойственной казахским народным песням *кара олен*, а также синь-цзяньским домбровым школам.

Если говорить о наличии композиторской школы Кожеке, а она действительно сформировалась, то необходимо отметить и существование системы передачи знаний из поколения в поколение от Кожеке к детям и ученикам. Несмотря на сложную сравнительно недолгую, трагически оборвавшуюся жизнь (1823-1881гг.), Кожеке Назарулы имел множество последователей, потомков, не только в социально-политическом, но и творческом отношении. Как отмечает Т. Сарыбаев «вместе с передачей своего творческого опыта и наследия прошлых поколений, учитель в опосредованной форме прививал ученикам свои эстетические, этические, религиозные, политические взгляды» [4, с. 49]. В

условиях устного бытования музыкальной культуры такая система является основной, и без нее процесс передачи музыкального произведения, его фиксация в человеческой памяти невозможны.

В настоящее время последователи Кожеке Назарулы живут в Кегене, Нарынколе, Шилике Алматинской области, Урумчи, СУАРе, на территории Кыргызстана. Некоторые из них являются родственными потомками Кожеке, к примеру, известный этномузыковед, домбрист, Базаралы Муптекеев.

Выявление специфических особенностей формообразования и функционирования кюев Кожеке, определение тематического вектора, классификация сочинений, выявление основных черт стиля, музыковедческий анализ кюев кюйши, а также наличие преемственности школы Кожеке – все это раскрывает огромную значимость наследия и влияния Кожеке Назарулы на становление традиционной домбровой школы Жетысу. Безусловно, подобные исследования невозможны без опоры на сведения этнографических экспедиций, источниковедческие, этнологические, структурно-составительные методы, исторический фон, благодаря которым раскрывается процесс становления творчества кюйши.

Домбровое искусство казахов, как зеркало всей жизни народа, отражает явления общественного-исторического и субъективного порядка в жизни отдельного человека, рода, жуза. Таким

образом, изучение творческой и исторически общезначимой деятельности кюйши Кожеке дает возможность последователям, исполнителям и музыковедам-исследователям получить более всеобъемлющее представление не только о выдающемся домбристе юго-восточной школы, но и о специфических локальных особенностях традиционной инструментальной культуры всего региона Жетысу, а также преломление данного традиционного искусства сквозь призму ее преемственности современниками.

Список литературы:

1. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. - 144 с.
2. Земцовский И. (сост.), Кунанбаева А.Б. (сост.) Музыкальный фольклор // Сб. статей «О народной музыке» Асафьев Б.В., Ленинград: Музыка, 1987. – 248 с.
3. Мухамбетова А.И. Жанровая система и типы носителей казахской традиционной музыкально-поэтической культуры. А-Ата, 1989. - 240 с.
4. Сарыбаев Т. Кюй как коммуникативное явление. // Инструментальная музыка казахского народа. А-Ата, Онер, 1985. – 153 с.
5. Тулкубаева Ж.Ж. Творчество кюйши Кожеке Назарулы в контексте казахской традиционной домбровой музыки // Маг. дисс., Алматы, 2015. - 103 с.
6. Энциклопедия Каз.ССР. А., 1986. - 670 с.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРАГМАТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧАСТНЫХ ОЦЕНОК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

(на материале романа Карлоса Руиса Сафона «Игра ангела»)

Винникова Ольга Михайловна,

ст. преп. кафедры «Языкознание»

Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва

АННОТАЦИЯ

Статья раскрывает различные типы оценочных средств и их взаимодействие в художественном тексте. Автор разбирает случаи несовпадения знаков оценки в рамках одного лексического средства.

ABSTRACT

The article envisages the types of evaluation and their ways of functioning in literary texts. The article is focused on the influence positive evaluations of one type have on the negative evaluations of the other and vice versa while they coincide within one lexical unit.

Ключевые слова: оценка, этическая оценка, рационалистическая оценка, сенсорно-вкусовая оценка, психологическая оценка, прагматика, семантика.

Keywords: *evaluation, ethical evaluation, rationalistic evaluation, sensory-taste evaluation, psychological evaluation, pragmatics, semantics.*

Корреляции семантики и прагматики текста занимает лингвистов с давних пор. Художественные произведения, характеризующиеся образностью, метафоричностью и элементами сатиры пестрят игрой слов и ироническими высказываниями. Чтобы правильно понимать коммуникативные намерения автора необходимо разобраться в механизмах взаимодействия семантики и прагматики оценочных лексических и фразеологических оборотов.

К изучению оценочных средств лингвисты подходили с разных сторон, выискивая в конструктивных, морфологических и синтаксических компонентах ответы на вопросы функционирования предикатов. Частнооценочные элементы в своей структуре могут совмещать положительные и отрицательные черты. Так существительное «пронюра» обладает положительной умственной и рационалистической оценками, но отрицательной этической оценкой. Чтобы понять принцип функционирования лексико-семантических средств обратимся к их классификации.

Н.Д. Арутюнова предложила разделить оценки на следующие виды: сенсорно-вкусовые (вкусный, приятный), психологические (интересный, глупый, грустный), эстетические (красивый), этические (аморальный), утилитарные (полезный), нормативные (правильный) и телеологические (целесообразный). [1]

Т.В. Писанова считает, что сенсорно-вкусовые, эмоциональные, утилитарные и нормативные оценки мотивируют этические и эстетические оценки, при этом сублимированные оценки подчиняют другие частные оценки своему гуманизированному содержанию.

Рассмотрим взаимодействие различных видов оценки в тексте романа Карлоса Руиса Сафона «Игра ангела». Главного героя романа Карлоса Руиса Сафона в редакции считают «benjamín» «mascota». Первое понятие несет, прежде всего, возрастную оценку. Согласно словарю Королевской

академии испанского языка, он имеет два семантических варианта: «младший в семье» и «самый молодой в группе». Вместе с тем, возрастная характеристика содержит еще много ассоциативных свойств, таких как «неопытность», «исполнение мелких поручений», «активность и высокая скорость выполнения легких заданий». Эти признаки могут реализоваться или не реализоваться в контексте. То есть малый возраст может подчеркивать одно или несколько из этих свойств.

Второе определение («mascota») в словаре Королевской академии испанского языка получает такое описание: «человек, животное или вещь, служащее талисманом, приносящим удачу», «домашнее животное, питомец». Когда мы говорим о человеке подразумевается «воспитанник», «тот, к кому все относятся со снисхождением».

Если изучить только семантические составляющие этих определений этической оценки они не несут, характеризуя человека лишь с точки зрения возраста и карьерного положения. Совершенно иное значение приобретают эти два слова в контексте. Сафон пишет: «...a unos cuantos compañeros del diario los incomodaba que el benjamín y mascota oficial de la redacción hubiera empezado a dar sus primeros pasos en el mundo de las letras cuando sus propias aspiraciones y ambiciones literarias languidecían desde hacía años en un gris limbo de miserias...» («...нескольким моим товарищам по газете было неприятно, что редакционный мальчик на побегушках начал делать свои первые шаги в мире писем, когда их собственные устремления и литературные амбиции годами томились в серой суматохе страданий...»). Тем самым автор подчеркивает отрицательную оценку работников редакции в отношении главного героя, несправедливо на их взгляд обошедшего их по карьерной лестнице.

Так, из возрастной характеристики с элементом интеллектуальной оценки, в соответствии с

коммуникативным намерением автора и внутренней семантикой контекста, слова «benjamín» и «mascota» приобретают отрицательную морально-этическую оценку, которая подчиняет все прочие оценки.

Другого героя романа Педро Видаля главный редактор газеты описывает следующим образом: «Vidal es un sentimental que todavía cree en esas leyendas profundamente antiespañolas como la meritocracia o el dar oportunidades al que las merece y no al enchufado de turno.» («Видадь - сентиментален, все еще верит в эти глубоко антииспанские легенды, такие как меритократия или предоставление возможностей не блатным, а тем, кто этого заслуживает».) Слово «sentimental» несет положительную эмоциональную оценку, одновременно с отрицательной рационалистической. Главный редактор добавляет: «Forrado como está, ya puede permitirse ir de lírico por el mundo. » («С такими деньгами, конечно, он может себе позволить быть лириком по жизни».) Это замечание позволяет проследить общую отрицательную этическую оценку, главенствующую над прочими частными оценками.

Некоторые оценки, долгое время используемые метафорически, уже утратили образность. Прилагательное «blando», помимо положительной сенсорной оценки со значением «мягкий, приятный на ощупь» давно используется как этическая оценка «мягкий, добрый». Словарь Королевской академии испанского языка упоминает 4 семантических варианта: «легко мнущийся», «учтивый, благодушный, спокойный», «поддающийся давлению, со слабым характером», муз. «качество ноты в бемоле». Так, слово сочетает в себе положительное - «учтивость, добродушие» и «безвольность, бесхребетность». Главный редактор газеты говорит о себе «en el fondo soy un blando» («в душе я добряк»), подразумеваемая природная уступчивость. В данном контексте слово приобретает положительную этическую оценку.

Весьма интересным является сочетание эстетических и этических оценок. Своих издателей главный герой описывает как «pintorescos ciudadanos» («живописные граждане»).

Эстетическая необычность раскрывается в описаниях: «Barrido, menudo, rechoncho» («Барридо маленький и пухлый»). Такое определение составляет отрицательную эстетическую оценку. Его улыбка описана как «aceitosa» («маслянная»). Сенсорно-вкусовая характеристика переходит в отрицательную этическую оценку благодаря метафорическому переносу. Среди положительных качеств выделен ум персонажа: «era el cerebro de la operación» («он был мозгом операции»). Особенно выделена склонность к экономической деятельности: «estaba poseído de una audacia proverbial para cocinar los libros de contabilidad, que adulteraba para sus inversores con alardes de ficción» («он был наделен даром стряпанья бухгалтерских книг, которые он фальсифицировал для своих инвесторов с фантастической выдумкой»). Вместе с положительной умственной оценкой в этом определении персонажу дается отрицательная этическая оценка, придающая всей фразе отрицательную коннотацию.

Эскобияс, напротив, описан «Alto, enjuto y de aire vagamente amenazador» («Высокий, сухой и с немного угрожающим видом»). Эстетическая оценка довольно положительная. Однако характер работы, которую он выполнял определена как «trabajo sucio» («грязная работа»).

Список литературы:

- 1) Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. - М.: «Наука», 1988. 341 с.
- 2) Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки. - М: изд. ИКАР, 1997 г. -320 с.
- 3) Zafon C.R. «El Juego del Angel»- изд. «Planeta», 2008 - 668 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ В ПРОЦЕССЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА

Рашидова Музират Зиямуттиновна

Канд. пед. наук,

доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе

Дагестанского государственного педагогического университета

г.Махачкала

[DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.14-15](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.14-15)

Цель. Исследование эмоционально-оценочного аспекта реализации лексических и фразеологических единиц в лакском языке. **Методы.** Сравнение, описание. **Результаты.** Описана логико-содержательная сфера функционирования религиозных языковых единиц лакского языка, представленных тематическими группами. **Вывод.** Характер мировосприятия лакцев в практике применения той или иной религиозной единицы в качестве эмоционально-экспрессивной знака детерминирует их вычленение и способствует дальнейшему распространению. **Заключение.** Религиозная лексика и фразеология лакцев манифестирует их сопоставимость с ментальным потенциалом социума.

Ключевые слова: лакский язык, лексические единицы, фразеологические обороты, религиозное содержание, эмоциональность.

Полисемия в лакском языке (лакцы - один из коренных национальностей Дагестана) реализуется

на уровне логико-когнитивных процессов, регламентированных механизмами реализации в прак-

тике повседневного бытия законов языка, в результате чего индивидуум обнаруживал в предметах и явлениях, религиозной и общественной сферы деятельности их аналогичные и различительные признаки, которые необходимо было облечь в вербальную форму, что происходило на основе фонетики и грамматики языка посредством лингвокреативного аспекта мышления.

В процессе осуществленного исследования обнаружено, что синонимия манифестируется как признаком системности и динамики религиозной лексики, к тому же синонимические ряды функционируют в качестве семасиологической тенденции к целеустановке отбора языковых средств из ряда равноценных (*Ахирдусса* - конец имеющий, законченный. Ахир жандалуца хьун - умереть, кончить, отдав душу; *Ахир пуч дан* - пропасть, конец света (наступить) [см.:4]). С точки зрения рассматриваемой терминологической системы описана и антонимия (*БарцI хьуна бакьирча, цIуку хIажлийн кьабийссар* - если коза встретит волка, то до Мекки не доберется (человек не достигнет цели, если встретит врага); *БарцI хьуна кьабавкьуну, цIуку хIажлийн бивну бур* - коза, не встретив волка, дошла до Мекки [см. там же]).

Потенциал многозначности и динамика абстрактного мышления определяют рамки лексико-семантического религиозной пласта языка. Увеличение количества научных трудов, посвященных исследованию лингвистических характеристик фразеологических оборотов способствуют анализу структуры, семантики, спаянность компонентов, происхождения данных единиц. Внимание лингвистов к данному вопросу детерминировано необходимостью раскрыть проблемы, обусловленные определением значимости отдельных компонентов ФЕ, манифестировать принципы зарождения их содержательной структуры, выработать более усовершенствованные пути классификации устойчивых оборотов.

Анализ фразеосочетаний религиозного содержания продемонстрировал тот факт, что наиболее результативными для данных языковых знаков становятся схемы: «сущ. + сущ.» и «сущ. + гл.». Выявлено также, что наибольшее число устойчивых оборотов возникло по схеме предикативных конструкций, в чем и является их специфика.

Исследование фразеологических оборотов лакского языка определило специфику использования в их структуре основных религиозных символов. Так, например, образ Аллаха предусматривает понимание и ощущение лакцами таких свойств, как: знающий, справедливый, всеведущий, дарующий или отбирающий, распоряжающийся, волеизъявляющий, спасающий (*Аллагь - Зал асланни* - Аллах - Зал (языч. бог) являются львами (т.е. против бога не пойдешь); *Аллагнайн ла изан* - взывать к богу за помощью); *Бисмиллагь бан* - с именем Аллаха начать, приступить к трапезе, к чему-нибудь (у верующих мусульман этическим правилом является произнесение имени бога, когда начинают любое дело, особенно приступая к еде); *Булаймагу*

Залли, ласаймагу Залли - и дарует бог (Зал), и отбирает бог (Зал) - так говорят о безвременной кончине детей [см.: там же]). В качестве существенного для социума является возможность Аллаха связываться с человеком определенными отношениями, при которых обе стороны проявляют значительную активность. Хотя Аллах действует самостоятельно, а человек в основном обращается к Богу с просьбой помочь ему осуществить какие-нибудь действия.

Таким образом, наиболее актуальным для социума является использование лексические средств, обозначающие образ Бога как распорядителя. Наглядно культурно-ментальная особенность народа проявляется в восприятии устойчивых конструкций, в состав которых включаются лексические единицы религиозного плана, некоторые из них формируют деривационную парадигму лакских фразеологических оборотов, что подкрепляется материалами исследования А.А. Абдуллаева [1; 2], П.Г. Мусаевой [3] и др. Утвердившаяся в современной лингвистике парадигма антропоцентрических категорий подчеркивает значимость целей и намерений индивидуума как носителя и выразителя культурного кода социума, которая опирается информационную составляющую лексических единиц. Фразеологические единицы являются средоточием социально-культурного опыта всех народов в целом, лакского в частности, что дает основание рассматривать данные конструкции в качестве универсальной национальной базы, позволяющей идентифицировать ментальность народа, с одной стороны, и интегрировать его с систему взаимодействия с другими народами (быт, традиции, фольклор, наука и т.д.).

Языковая и культурологическая функция рассматриваемых данных единиц инспирирует возникновение стилистического уровня их функционирования. Такой уровень позволяет переосмыслить и усвоить каноны мусульманской религии (*спасение, сохранение, святость, благостность, любовь, искренность, богобоязненность, душа, тело, грех, покаяние, и т.д.*). Контактостанавливающая функция религиозного пласта лексики развивается в разнообразных этикетных схемах, например: различные приветствия, отличающиеся по половой принадлежности, социальной, временной и пр., в тех или иных поздравлениях, в том числе и обрядовых, и т.п.

Художественная функция данных языковых знаков воплощается в литературных произведениях как прозаических, так и поэтических. Выделяется также историческая функция религиозных лексических единиц, которая обнаруживается в сохранении и передаче соответствующих познавательных, информативных сведений о жизни и быте народа. Данная функция находится в отношениях взаимозависимости от самоанализа, рефлексии индивидуума. Пространственно-временные характеристики картин окружающей лакцев действительности участвуют в процессе организации мировосприятия и мироощущения сакрального и мирского посредством языковых средств. Данное обстоятельство позволило выделить и описать лексические

единицы, обозначающие временных направления в сознании верующих людей как обычное время, обусловленное историческим развитием социума и религиозное, обусловленное наличием мусульманского календарного цикла, определяющего точное, ежемесячное, ежегодное богослужение, алгоритмы мусульманских праздников, распространение обычаев.

Особенности отображения в сознании индивидуума предметной действительности, опосредствованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами, обнаруживают соотнесенность используемых в ситуации коммуникации специфических языковых единиц и объектов действительности. При этом социализированная экспрессивность и эмоциональность авторской позиции как языковой личности представляется типизированными и индивидуальными оценочными отношениями, выступающими в тесном взаимодействии, и приобретающими языковые

формы, посредством лингвистической переработки конкретных лингвистических единиц.

Список литературы:

1. Абдуллаев А.А. Соотношение сфер функционирования русского и родного языков в условиях национально-русского двуязычия. // Русский язык и языки народов Дагестана. Социоллингвистика. Типология. - Махачкала, 1991.
2. Абдуллаев А.А. Фонетическая интерференция в русской речи в полиэтничном регионе // Фонетика в системе языка. Тезисы III Международного симпозиума МАПРЯЛ. – М., 2002.
3. Мусаева П. Г. Фразеологические и паремнологические единицы с компонентом-зоонимом лакского и английского языков: дис...канд. филол.наук. - Махачкала, 2008.
4. Рамазанова М. Р. Лакско-русский фразеологический словарь / Отв.ред. Х.М.Халилов. –Махачкала, 2005.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЛАКСКОГО ЯЗЫКА

Рашидова Музират Зиямуттиновна

Канд. пед. наук,

доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Дагестанского государственного педагогического университета

г.Махачкала

АННОТАЦИЯ

Цель. Определение критериев применения культурологического содержания языковых единиц в речемыслительной деятельности лакцев. **Методы.** Сравнение, описание. **Результаты.** Выявлена и изучена особенность понятийно-когнитивных и содержательных специфических признаков религиозных языковых единиц, влияние на них религиозного быта и образа мышления. **Вывод.** Лакские лексические и фразеологические единицы со значением религиозности являются результатом предметности мировосприятия народа. **Заключение.** Методы воспроизведения в сознании индивидуума картин окружающего мира находятся в тесном взаимодействии с национально-религиозной ментальностью социума.

ABSTRACT

Background. Definition of criteria for the use of cultural content of language units in speech-thinking activity of lak people. **Methods.** A comparison of the description. **Results.** The feature of conceptual-cognitive and substantial specific features of religious linguistic units, the influence of religious life and way of thinking on them is revealed and studied. **Summary.** Lak lexical and phraseological units with the meaning of religiosity are the result of the objectivity of the worldview of the people. **Conclusion.** Methods of reproduction in the mind of the individual pictures of the world are in close interaction with the national-religious mentality of society.

Ключевые слова: лакский язык, культурология, лексические единицы, фразеологические обороты, религиозное содержание, экспрессивность.

Key words: Lak language, cultural studies, lexical units, phraseological expressions, religious content, expressiveness

Компоненты литературных произведений детерминируют соотнесенность реализуемых в процессе коммуникации языковых единиц и явлений действительности, т.к. оно интегрируется во внутренний контекст и позиционируется уже в качестве сигнала для раскрытия имплицитного смысла, который базируется на предшествующем индивидуальной и общественном опыте. Подобная соотнесенность воплощается на подтекстовом уровне, что является весьма оправданной с позиций и автора, и читателя. Активность формирования такой соотнесенности, оперативность отражения и восприятия

картин окружающего мира, в том числе и религиозного, определяются направленностью текста. Следовательно, существенным аспектом является позиция социума (эмоционально-экспрессивная и рационально-реалистическая) при отображении картин окружающей действительности, а также переработки сути языковых единиц.

Исследование религиозных лексических единиц выявило дифференциальные признаки богословской терминологии и религиолектизмов, которые имеют соответствия в современном лакском

языке, носителями которого является малочисленный народ, проживающий на территории Дагестана. Лексическая система любого языка, будучи открытой, динамично развивающейся структурой, значительно обогащается за счет тех или иных социально значимых событий, детерминирующих образ жизни социума, как, например, распространение ислама в Дагестане, которое генерировало формирование богатого пласта религиозной лексики, чему активно способствовали религиозные тексты, аяты из Корана и миссионерская политика мусульманских проповедников и религиозных деятелей, что в свою очередь, предопределило широкое распространение арабизмов в лакском языке.

Изученные лексические единицы религиозного содержания манифестированы однословными и многословными именованными, которые вступают в комбинаторные и структурно-грамматические отношения на всех уровнях языка, при этом, безусловно, активно функционирует целый ряд общезыковых парадигматически обусловленных связей таких, как: родо-видовые, синонимические, антонимические, полисемические отношения. Большая часть отмеченных связей базируется на коммуникативно-прагматических процессах, осуществляемых при сравнении, верификации, дифференциации, интеграции и обобщения знаний. Структурно-семантическое взаимодействие данных слов обнаруживает общелингвистические тенденции к выражению экспрессивности, эмоциональности, информативности, адекватности именованию предметов и явлений окружающей действительности, экономии речевых средств и др.

Лингвистические знаки со значением религиозности значительно усилили лексический состав лакского языка, сформировав, таким образом, некий культурологический пласт, обслуживающий определенный уклад жизни, прежде всего исламский, которые, в конечном счете, твердо утвердились в современном лакском языке (*Аллагьнал ка бакьннав!* - Да поможет Аллах! (т.е. повезти, удачно завершить); *Аллагьнал кьисмат* - чем бог послал [см.: 2]). Существенное количество религиозных понятий отображает сущностные ментальные критерии социума: духовность, просветительство, нравственность, трепетное отношение к своим святыням, и пр. Лакский язык характеризуется в основном расширенными, разветвленными, словообразовательными гнездами лексем религиозного содержания, лексические единицы при этом формируют многокомпонентные словоизменительные и словообразовательные ряды. Религиозная лексика, фразеологические единицы и паремические выражения детерминируют содержание речемыслительной деятельности человека, соотносясь с его ментальностью. Смысловая структура

данных языковых единиц манифестирует психолингвистический, когнитивный, коммуникативный потенциал личности, его общественную интеграцию. Данная статья рассматривает культурологический аспект реализации в речи носителей лакского языка языковых единиц со значением религиозности, а также изучение экспрессивного аспекта использования данных знаков.

Характеристика концептуально-информационных критериев религиозной лексики вообще и лакской в частности определяется парадигматической обусловленностью, систематизацией признаков ее функционирования, что инспирировано целостностью структуры миропонимания социума и отдельных индивидуумов. Религиозные лексические элементы в художественном произведении манифестируются смысловым строением, что регламентирует его прагматическую, информационную, эмоциональную, экспрессивную, оценочную, модальную составляющие, взаимодействие которых инициируют воздействующую, воспитательную, морально-нравственную деятельность социума: «Эмоциональный компонент - выражение чувств и эмоций — тесно связан с оценочным компонентом значения. Данная ситуация детерминирована тем обстоятельством, что оценка человеком какого-то явления в пределах семантики фразеологизма, как правило, влечет за собой эмоциональное отношение, переживание» [1. С. 112]. Описание реальности посредством религиозной лексики и фразеологии демонстрирует уровень нравственной компетентности лакского народа, дает основание обеспечить связь времен и поколений, а также формирует способы передачи культурных ценностей, пути их совершенствования: *Бунагьирттацла марцI уккан* - очиститься от грехов, искупить свою вину; *Вил ахир хайр дивуй!* (благопожелание) - Да будет твой конец хорошим! *Вил бази заннал баннав!* - Чтоб твой срок (жизни) Зал установил! И др. [см.: 2].

Таким образом, многокультурная среда становится благодатной почвой для реализации эмоционального выражения действительности посредством религиозной лексики и фразеологических единиц, т.к. именно в таких условиях складываются и развиваются национальные языки (в основном с позиций взаимовлияния), их самобытность и перспектива.

Список литературы:

1. Мусаева П. Г. Фразеологические и паремические единицы с компонентом-зоонимом лакского и английского языков: дис...канд. филол.наук. - Махачкала, 2008.
2. Рамазанова М. Р. Лакско-русский фразеологический словарь / Отв.ред. Х.М.Халилов. -Махачкала, 2005.

Айдарбек Қарлығаш Жамалбекқызы
 Доктор филологических наук, доцент
 Института языкознания имени Ахмета Байтурсынова
Дәулетхан Анеп Дәулетханқызы
 2-курс магистрант, город Алматы, Казахстан
 Казахский национальный университет имени Ал-Фараби

ТЕРМИННІҢ ДЕФИНИЦИЯСЫ МЕТАМӘТІНІҢ ІШКІ ҚҰРЫЛЫМДЫҚ СИПАТЫ

Айдарбек Қарлығаш Жамалбекқызы
 Филология ғылымдарының докторы, доцент
 А.Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты
Дәулетхан Анеп Дәулетханқызы
 2-курс магистранты, Алматы қаласы, Қазақстан
 Ал-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
[DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.19-22](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.19-22)

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются внутренние структурные описания метатекстов дефиниций терминов казахского и английского языков в научно-технической литературе. Было установлено, что терминология будучи одной из частей науки о языке, соответственно является основным инструментом метаязыка самой лингвистической теории либо какого-нибудь другого научного направления. В связи с этим, терминологическая дефиниция дает четкое определение научному понятию и представляет собой текст (метатекст), который состоит из слов точно определяющих границы содержания, т.е. семантика терминов выявляется посредством текста (метатекста). Таким образом в языкознании метатекст представляется, как явление состоящее и подчиняющееся языковым закономерностям, а определение ее границ считается сложной проблемой науки о языке.

ТҮЙІНДЕМЕ

Мақалада қазақ және ағылшын тілінде ғылыми-техникалық әдебиеттердегі терминдерге берілген дефиниция метамәтінінің ішкі құрылымдық сипаттамалары зерттеледі. Терминология тіл туралы ғылымның ішіндегі қандай да бір лингвистикалық теория немесе бағыттың метатілінің негізгі құралы болып табылады, ал терминологиялық дефиниция ғылыми ұғымға айқын анықтама беретін, оның мағыналық шегін дәл көрсететін сөздерден тұратын мәтін (метамәтін), яғни ғылыми терминдер семантикасы мәтін (метамәтін) арқылы жүзеге асырылады. Тіл білімінде метамәтінді тілдік заңдылықтарды қамтитын құбылыс ретінде танып және оның нақты бағытын айқындау едәуір күрделі сипаттамаға ие болып келеді.

ABSTRACT

This article describes the internal structures of meta-text definitions of the terms of the Kazakh and English languages in scientific and technical literature. It was found that terminology, being one of the parts of the science of language, respectively, is the main tool of the meta-language of linguistic theory. In this regard, the terminological definition gives a clear definition of the scientific concept and is a text (meta-text), which consists of words that precisely define the boundaries of the content, i.e. semantics of terms are revealed by means of the text (meta-text). Thus, in linguistics, meta-text is presented as a phenomenon consisting of and subject to linguistic regularities, and the definition of its boundaries is considered a complex problem of the science of language.

Ключевые слова: дефиниция, метатекст, термин, текст, .

Тірек сөздер: дефиниция, мәтін, метамәтін, термин.

Key words: definition, meta-text, text, term.

Өз кезегінде ғылым тілі жасанды тіл мен табиғи тілдің тоғысынан пайда болады. Табиғи тіл адам қоғамында өмір сүріп, оның қажетін жүзеге асыратын құрал болса, ал екіншісі әдетте ғылым тілін қалыптастырып ғылым салалары негізінен өздерінің терминдік лексикасын, термин сөздерін жүйелейді. Ғылыми мәтіндерге баяндамалар, пікірталастар, монографиялар, ғылым салаларына байланысты жазылған мақалалар, жоғарғы оқу орнына арналған оқулықтар, рефераттар, авторефераттар, мақалалар жатады. Осы аталған ғылыми мәтіндерге мәтіннің семантикалық, мазмұндық және мән-мағыналық жағын ашып көрсетеді. Ғылыми тіл өзінің ядросы мен шеткері

аймағын құрайтын таңбалық бірліктердің, семантикалық құралдарының жүйесі болып табылады. Белгілі бір ғылыми саланың ұғымдар жүйесі жоғарғы даму деңгейіне жеткенінде ғылым тілі коммуникативті байланыстар негізінде шағын мәтін ретінде көрініс табады. Мұндай мәтіндерге терминологиялық және энциклопедиялық сөздіктер, ғылыми тақырыптық шолулар, сөздік-анықтамалар, глоссарийлер, аннотациялар, әңгімелер, сұхбаттар, жарнамалар жатады. Ғылым білім қорында жинақтау, сақтау және ұсыну кезіндегі табиғи тілдегі ақпаратты өңдеудің ерекшелігі оның ғылыми тілдік кеңістігін қалыптастыруында, бұл мәтіннің терминологиялық

қанықтығын арттыруға ықпал етеді. Энциклопедиялар мен түсіндірме түріндегі терминологиялық сөздіктер сынды жанрдағы мәтіндердің дефинициясына ерекше назар аудару керек.

Ғылыми мәтіннің құрылымын дефинициялар мен терминдер құрайды, ал дефиницияның мәтіні метатілдік сипатқа ие болады және тілдің өзі туралы хабар тарату қабілеті қалыптасады. Мета­мәтін термині метатіл ұғымымен байланысты.

М.Малбаков метатіл ұғымын лексикографияда екі түрлі мағынада қолданылатынын айтады. Біріншісі, кең мағынадағы бірінші дәрежелі метатіл - бәлгілі бір ұғымға берілетін сипаттаманың тілі. Лексикографияның тіліне, көшіргенде бұл сөздік бірліктерге берілетін сипаттаманың тілі, яғни сөздіктің метатілі болып шығады. Екіншісі метатіл – тіл білімінің жекеленген салалық терминдерін зерттеуде қолданылатын метатіл. Лексикографияның тіліне көшірілгенде бұл лексикографияның жалпы салалық атауларының тілі яғни лексикографияның метатілі болып табылады [7, 16 б].

Ғылыми мәтін туралы С.Әлісжанов былай дейді: «Ғылыми мәтінді әртүрлі авторлар жасайды, әртүрлі мәселелерге арналады және ғылыми танымның түрлі деңгейінде көрініс табады. Ғылыми мәтін шынайылық, дәлдік, анықтық т.б өзіндік қасиеттер жиынтығынан тұратын жеке стиль ретіндегі баяндау, сонымен бірге мұнда басты орынды оның авторы – білім мен танымның субъектісі атқарады. Ол тілдік жүйенің белгілі бір лексикалық және лексика-грамматикалық бірліктерінің жиынтығы. Бұған қарап ғылыми мәтіннің ғылыми қарым-қатынас аясындағы негізгі тілдік өнім екенін көреміз» [1, 220 б.]. Берілген тұжырымнан ғалым ғылыми мәтін білгілі бір контекстінде дәлдікпен, логикалық жағынан жүйелі, сондай-ақ автордың коммуникативтік мақсатын адресаттың нәтижелі қабылдауын айтады.

Тіл білімінде мәтін ерекше ұйымдасқан біртұтас күрделі құрылым ретінде қаралады. Тіл білімі терминдерінің түсіндірме сөздігінде келесідегідей анықтама беріледі: «Мәтін (текст; text) — 1) баспаға шығаруға арналған пішімді немесе бастапқы түрдегі бедербелгілік мәліметтер бөлшегі; 2) хабардың алмастыру хаттамасының ерекшеліктерімен байланысы жоқ ақпарат бөлігі; 3) бастапқы программаның жазбасы. Объектілік немесе жүктемеленетін модульдің бөлігі. Мәтін — бұл жалпы (бір) тақырып төңірегіндегі біріккен, сабақтастық пен тұтастық тән, ақпаратты жеткізетін мазмұнды (мәнді) сөйлемдердің тізбегі» [6, 44 б.]. Бұл анықтамадан жалпы мәтіннің маңызды белгілері қисындылығы мен біртұтастығын тануға болады.

Ғылым тілі үшін дефиниция маңызды екені белгілі, демек қоршаған дүние заттары мен құбылыстарының анықталуы адам білімінің жетістігінен көрініс табады. Дефиниция күрделі логикалық тілдік құрылым болып табылады, дефиницияда тіл мен ой бірге қызмет жасайды. Белгілі бір ұғымның мағынасын ашу, түсіну үшін дефиниция жасалады. Ой ақиқаттың белгілі бір бөлігін көрсетеді. Тіл ойға таңба бере отырып оны жеткізеді.

Мәтін құру процесінде термин мағынасы дефиниция арқылы беріледі. Яғни дефиниция ғылыми мәтін құрамында метамәтін ретінде қарастырылады. Орыс тіл білімінде ғалым А.Н.Ростова «Терминнің мағынасы тіл құралдары арқылы ашылады. Дефиниция бұл – мәтін, мұнда табиғи тілдің метатілдік қызметі жасалады», - дейді [8, 556.].

Ғылым тілінің өзіндік жасалатын қалыптасқан қағидалары бар, стильдік өңі ерекше айқындықты талап етеді. Ғылымның қарқынды дамуының нәтижесінде термин ғылыми концепцияда ғаламның тілдік бейнесіне айналып отыр. Терминде қарастырылуы тиіс мәселелер ғылым тілінің жетілгендігін, дамығандығын білдіреді. Дефиниция белгілі бір түсініктің мағынасын ашу үшін жасалады, яғни нақтылықтың бөлігі болып табылады. Д.П.Горский дефиницияның логикалық формуласын былай көрсетеді: Dfd (дефиниция немесе анықтама) = Dfn (дефиниенс бір нәрсе арқылы анықталған) [4, 18 б.].

Терминге берілген дефиницияны метамәтін ретінде қарастырамыз. Дефиниция мәтін шеңберінде метақұрылым ретінде сипатталуы тиіс, демек оның негізгі қызметі метатілдік қызмет болып табылады. Дефиницияның құрылымы екі бөліктен тұрады, бірінші – ұғымды анықтау, терминді анықтау, екінші – дефиниция метамәтіні. «Мета» сөзі грек тілінде «арқылы» деген имағынаны білдіреді, яғни метамәтін сөзін «мәтін арқылы» деп түсінуге болады, ал дефиницияның екінші бөлігінде терминнің семанкалануы көрініс табады, демек дефиницияның екінші бөлімі терминнің мағынасын мәтін арқылы ашу (семантикалану). Терминнің мағынасын ашу кезінде (семантикалану) металингвистикалық қызмет жүзеге асады.

Тіл білімінің зерттеулерінде метамәтін ұғымы туралы әртүрлі пікірлер айтады. Мета­мәтінге әртүрлі анықтама береді. Соңғы уақыттарда метамәтін термині тіл білімінде, әдебиеттануда мен семиотикада кеңінен қолданылуда. Жалпы метамәтін ұғымы орыс тіл білімінде А.Вежбицкаяның «Метатекст в тексте» деген мақаласынан кейін қолданыла бастады. А.Вежбицкая мәтінді тыңдауда немесе оқуда адам санасында екі дауысты мәтін пайда болады, автордың түсіндіруімен айтушының түсінік беруі, мұнда екі мәтін бар [3, 403 б.]. Н. Рязцеваның тұжырымдауынша: «Метамәтін – хабарлау тақырыбын көрсететін, мәтіннің құрылымы мен байланысының коммуникативті «дейкисісі» [9, 90 б.]. Мәтінге берілген анықтамаларға сүйене отырып дефиницияны ерекше метамәтіндік құбылыс, тілдің метатілдік қызметін жүзеге асырушы ретінде қарастырамыз.

Жоғарыда айтылғандарды қорытындылай келе, шартты түрде мынадай сұрақтар туындайды:

- мәтінде метамәтін дефинициясы қалай құралады;

- метамәтін дефинициясының құрылымы қандай бөліктерден тұрады;

- тілдің қандай фактілері интерпретацияланады;

- тілдің мағыналық аспектілері қандай;

- тілдік құралдардың арасындағы байланыстар қандай;
 - дефиниция метамәтіннің денотаттық (құрылымы) кеңістігі;
 - ғылыми-техникалық мәтіндердегі дефиницияның түрлері.

Бұдан шығатын қорытынды дефиницияның тіл фактілерін түсіндіруде екі компонентті құрылымын қарастырамыз. Оны жалпылама түрде мынадай формуламен көрсетуге болады: А – В. Бұл жердегі бірінші компонент тілдік фактіні білдіреді, екінші компонент – оның интерпретациясы болып табылады. Бұл мақалада дефиниция метамәтіннің құрылымын қазақ және ағылшын тілдерінде ғылыми-техникалық саланың (оның ішінде жылу энергетика саласының) әдебиеттеріндегі терминге берілген дефиниция мәтінін анықтау болып табылады. Термин метамәтіннің семантикалық ядросы болып табылады. Метамәтіннің құрылымы белгілі ғылым саласының тілдік фактісін білдіретін терминнен тұрады. Логика мен тіл ғылымдарының байланысы, дефиниция құрылымында логикалық ойлау әрекеті бар екендігін көрсетеді. Сондықтан ойлаудың логикалық жағы ғылыми тілде тілдік формадағы байланыстырушы құралдарды қарастырудың маңызы зор. Дефиницияның метамәтінінде сөздер мен сөйлемдер арасында логикалық байланысты өрбітуге автордың терминнің дефинициясын беруде грамматикалық өзгерістер енгізуімен сипатталады. Сонымен метамәтіннің құрамындағы логикалық байланыс элементтері (сөздер мен сөйлемдер) ойлау процесінің таңбасына айналады.

Қазақ тіліндегі ғылыми-техникалық әдебиеттерде терминге берілген дефиниция метамәтінінде *деп, деген, дегеніміз, деп айтамыз, деп ұғамыз, деп отырғанымыз, деп атайды, деп аталады* сияқты көмекші етістіктері өте жиі кездеседі. Осы *де* – етістігінің мағынасы туралы ғалым А. Әбілқаев былай дейді: «*Де*-нің дербес тұрғандағы мағынасы айту болса, сөйлемде қолданылуына қарай әртүрлі мағыналық құбылуларға ұшырайды. Өзінен бұрынғы сөйлемнің айтылу мақсатына байланысты, айт, сұра деген етістіктердің мағыналарына қосымша ие болып тұрса, сол сөйлемдер адамның ойлағаны, ойлау, жобалау, есепте, долбарла деген сөздердің мағыналарына да қосымша ие болып тұрады. Демек, бұл сияқты мағыналар *де*-нің қолдану ретіне байланысты пайда болады» [2, 23 б.]. Ғылыми мәтіндерде етістіктер көбіне байланыстырушы қызмет атқарады, мысалы, болып табылады, аталады, жасалады деп аяқталады. Демек, қазақ тіліндегі дефиниция метамәтінінде *деп, деген, дегеніміз, деп айтамыз, деп ұғамыз, деп отырғанымыз, деп атайды, деп аталады* көмекші етістіктері логикалық байланыстырушы қызметін атқарады. Сонымен метамәтіннің құрылымы келесі компоненттер бойынша түсіндіріледі. Семантикалық ядро (термин) – Логикалық байланыс (кіріспе құрылымы) – Метамәтін (анықтама). Мысалдар келтірер болсақ:

«*Жылудинамикалық жүйе* (семантикалық ядро) *дегеніміз* (логикалық байланыс) *айналмалы процессті атқарушы; олар жұмыстық денеден, жұмыс объектісінен, жылулық беруші және*

жылулық қабылдаушылардан құралады (метамәтін)» [5, 43 б.].

«*Сынау нәтижесі* (семантикалық ядро) *деп* (логикалық байланыс) *объект қасиеттерінің сипаттамасын бағалауды, объектінің берілген талаптарға сәйкестігін анықтауда, сынау барысындағы объектінің қызмет ету сапасын талдау мәліметтерін айтады* (метамәтін)» [5, 17 б.].

«*The adiabatic flame temperature* (семантикалық ядро) *is* (логикалық байланыс) *a specific parameter of fuel, because it is determined at adiabatic conditions and the combustion air amount always corresponds with a theoretical value* (метамәтін) [10, 10 б.].

«*The physical condition* (семантикалық ядро) *characterizes* (логикалық байланыс) *the physical principle of the heated material and it is defined by temperature relations of the main physical parameters of the heated material, i.e. thermal conductivity coefficient λ , specific heat capacity c_p and density ρ* (метамәтін). [10, 31 б.].

Келтірілген мысалдарда, метамәтіннің құрылымы терминнен ұғымға қарай жүреді. Алайда, зерттелетін еңбектерден метамәтін құрылымының басқа да бағыттары бар екендігін көрсетеді. Келесі мысалдардан метамәтіннің құрылымы жоғарыда келтірілген құрылымнан басқаша жасалғандығын көреміз.

«*Кіргізуші және шығарушы клапандарының ашылуы және жабылуы моментінде, оны, әдетте, пайдасыз нүктенің байланысы бойынша, иілмелі біліктің айналу бұрышын, градуспен көрсетеді де* (метамәтін), *газды бөліп таратушы фазасы* (семантикалық ядро) *деп атайды* (логикалық байланыс)» [5, 284 б.].

«*Қажетті бу немесе ыстық су жасауға арналды, қазандық агрегаттардың және қосымша құрылғылар мен механизмдердің жиынтығын* (метамәтін), *қазанды қондырғы* (семантикалық байланыс) *деп атайды* (логикалық байланыс)» [5, 181 б.].

«*The capital needed to purchase the land, build all the necessary facilities, and purchase and install the required machinery and equipment for a system* (метамәтін) *is called* (логикалық байланыс) *the fixed-capital investment* (семантикалық ядро)» [10, 125 б.].

«*When the ebullition process occurs at many sites over a heated surface, the overall process* (метамәтін) *is referred to as* (логикалық байланыс) *nucleate boiling* (семантикалық ядро)» [10, 353 б.].

Келтірілген мысалдардан кері немесе инверсиялық құбылысты байқаймыз. Қазақ тілінде метамәтін құрылымының компоненттері былайша көрсетіледі: Метамәтін (анықтама) – Семантикалық ядро (термин) - Логикалық байланыс (кіріспе құрылым). Ағылшын тілінде: Метамәтін (анықтама) - Логикалық байланыс (кіріспе құрылым) - Семантикалық ядро (термин) бойынша құрастырылады. Бұдан шығатын қорытынды дефиниция метамәтіннің сипаттамасы терминге қарай жүреді.

Дефиниция метамәтіннің тағы бір құрылымдық ерекшеліктерінің бірі, терминнің анықтамасы бір сөйлемде беріліп, ал терминнің өзі

келесі бір сөйлемде беріліп және екі сөйлем арасындағы байланыстырушы компонент (субститут) терминді алмастыратын сөздер арқылы құралатындығы болып табылады. Мысалдар келтіретін болсақ:

«*Буландырғыш қондырғының құрамына алдын ала химиялық жолмен тазартылған суды бұға айналдыратын буландырғыш пен буландырғышта алынған буды шықтайтын салқындатқыш кіреді* (метамәтін). *Мұндай салқындатқыш* (субститут) *буландырғыш қондырғыш конденсаторы немесе буландырғыш конденсаторы* (семантикалық ядро) *деп аталады* (логикалық байланыс)» [5, 114].

«*If a pressure higher than the osmotic pressure is applied on the saline solution side of the membrane, the water flux can be reversed to move pure water across the membrane from the saline solution side to the pure water one* (метамәтін). *This process* (субститут) *is called* (логикалық байланыс) *reverse osmosis (and sometimes hyper filtration)* (семантикалық ядро) » [10, 435 б.].

Сонымен, дефиниция метамәтінің құрылымдық компоненттерінің екі бағыты бар: тура (термин-байланыстырушы(метамәтін) және кері (метамәтін-байланыстырушы –термин). Кейде бұл екі бағыттағы компоненттердің екі жақты орналасуы бар дефиницияларда кездеседі. Мысалы: «*When the ebullition process occurs at many sites over a heated surface, the overall process* (метамәтін) *is referred to as* (логикалық байланыс) *nucleate boiling* (метамәтін), *which is* (логикалық байланыс) *one possible mode of pool boiling* (метамәтін) ». [10, 353 б.]. Келтірілген мысалдардан дефиниция метамәтінің ішкі құрылымдық ерекшелігі оның компоненттерінің орналасу жолдарында, яғни тура бағыттағы компоненттер құрылымы, кері бағыттағы компоненттер құрылымы, терминге берілген анықтама бір сөйлемде, ал термин келесі бір сөйлемде орналасуы, метамәтін екі сөйлемнен тұратын терминге берілген анықтамалардан тұрады.

Егер семантикалық ядро (терминді) айтпағанда, жоғарыда сипатталған барлық метамәтінің құрылымдарын былай атауға болады, атап айтқанда, препозициядағы семантикалық ядросы бар метамәтін, постпозициядағы семантикалық ядросы бар метамәтін, интерпозициядағы семантикалық ядросы бар метамәтін.

Дефиниция метамәтінің құрылымдық ерекшеліктерін анықтауда белгілі бір критерийлерді алып, метамәтін құрылымын көрсету мүмкін болмайды. Дефиниция мәтінің ерекше түрі ретінде белгілі бір құрылымдарға ие болады. Ғылыми жанларда жазылған әдебиеттердің белгілі бір түрінде дефиниция метамәті маңызды рөл атқарады. Дефиниция метамәтінің құрылымының ерекшелігі, мәселен дефиниция мәтінің басында да, аяғында да келетін болса, метамәтін ретінде айтылғанды тұжырымдап қорытындылайды. Дефиницияның маңызды қасиеттерінің бірі оның бірнеше композициялық сөйлеу формаларын біртұтас құрылымға біріктіреді. Дефиниция метамәтінің құрылымы

препозициялардан, постпозициялардан және интерпозициялардан тұрады. Сонымен қатар дефиниция метамәтінің күрделілігі оның предикативтік бірліктердің ықшамдалуымен ерекшеленеді. Өйткені коммуникативтік біртұтастылық шартына байланысты дефиниция метамәтінің ішкі құрылымының ықшамдалуын көздейді. Дефиницияларда синтаксистік байланыстың негізгі тәсілдері ретінде семантикалық, синтаксистік, лексикалық және орын ауыстыру тәртібі (инверсияны) қарастыруға болады. Дефиницияның синтаксистік ықшамдалуы метамәтінің негізгі ішкі құрылымдық ерекшелігі болып табылады.

Қорыта айтқанда, қазақ және ағылшын тілдеріндегі ғылыми-техникалық мәтіндердегі дефиниция метамәтінің мазмұндық әртүрлілігімен ерекшеленеді. Дефиницияның метамәтінің құру тәсілі және терминдердің ұғымдық мазмұнын ашу мәтін авторының белгілі бір коммуникативті әлеуетіне байланысты. Дефиниция метамәтінің құрылымы үш бөлікті, семантикалық ядро (анықтаушы термин), байланыстырушы және метамәтін (анықтама) сияқты компоненттерден тұрады. Дефиниция метамәтінің құрылымдық компоненттерінің орналасуы өзгеруі мүмкін. Қазақ және ағылшын тілдерінде ең жиі кездесетін метамәтін құрылымы препозициядағы семантикалық ядро болып табылады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Әлісжанов С.Қ. Ғылыми мәтіндегі қолданылатын қыстырма және қыстырынды конструкциялар // Еуразия университетінің хабаршысы. Филология сериясы. – Астана, 2000. – №1. – 39-45 бб.
2. Әбілқазиев А. Де етістігінің мағыналары мен қызметі. – Алматы, 1958. – 68 б.
3. Везбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. Вып. VIII – М.: Прогресс, 1978. – 402-421 бб.
4. Горский Д.П. О видах определений и их значении в науке // Проблемы логики научного познания. – М.: Наука, 1964. – 294 с.
5. Кабашев Р.А. Жылу техникасы: Оқулық/ Р.А.Кабашев, А.К.Кадырбаев, А.М.Кекилбаев. – Алматы: «Бастау» баспаханасы, 2008. – 425 б.
6. Қалиев Ф. Тіл білімі терминдерінің түсіндірме сөздігі. – Алматы : «Сөздік-Словарь», 2005. – 440 б.
7. Малбақов М.М. Қазақ тілі түсіндірме сөздігінің құрылымдық негіздері: филол. ғ.д.: 10.02.02. – Алматы, 2003. – б. 77-80.
8. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. – 194 с.
9. Рябцева Н. К. Фоновые знания и язык: примечания к тексту как культурный метатекст // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – с. 753-763.
10. Frank Kreith. (Ed.). *The CRC Handbook of Thermal Engineering*. Boca Raton: CRC Press LLC, 2000.

ПРЕЦЕДЕНТТІК МӘТІН ҰҒЫМЫНЫҢ ТІЛДІК ТҰЛҒА КАТЕГОРИЯСЫН ЗЕРТТЕУДЕГІ МӘНІ**Сүйерқұл Ботагөз Мырзабайқызы***ф.ғ.д., А.Байтұрсынов атындағы Тіл білімі институтының бас ғылыми қызметкері, Алматы қаласы.***Избасарова Эльвира Иманалиевна***Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті және**«Ғылым ордасы» кешенінің базасындағы ғылыми-зерттеу институттарының бірлескен білім беру бағдарламаларының I курс PhD докторанты, Алматы қаласы. Қазақстан Республикасы*[DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.23-25](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.23-25)**РЕЗЮМЕ**

В данной статье анализируется понятие прецедентного текста и его суть при изучении категории языковой личности. Тщательно рассмотрены и изучены основные научные труды в данном направлении. В работе прецедентные тексты определяются как наиболее важные источники определения языковой личности: принадлежность к определенному времени, культуре, миропонимание, взгляды, жизненные установки и т.п.

SUMMARY

This article analyzes the concept of a precedent text and its essence in the study the category of language personality. Carefully reviewed and studied the main scientific works in this direction. In this work, precedent texts are defined as the most important sources for the definition of a linguistic personality: belonging to a specific time, culture, world outlook, view, life attitudes, etc.

Кез келген тілдік тұлға категориясын зерттеуге арналған еңбектерде бірқатар тірек ұстанымдар мен ғылыми ұғымдардың аса қажеттілігі сөз болады. Мәселен, тілдік тұлға категориясын жете зерттеген ғалым Ю.Н. Караулов енгізген ұғымдардың аса маңыздыларының бірі - «прецеденттік мәтін» ұғымы. Ю.Н. Караулов «прецеденттік мәтін» ұғымына төмендегідей анықтама береді: «1) танымдық және эмоционалды қатынастардағы маңызды мәтіндер; 2) тек қана белгілі бір тұлғаға ғана емес, сонымен қатар берілген тұлғаның маңындағы (соның ішінде замандастары мен алдында өмір сүрген адамдарға да) кең танымал тұлғалардан жоғары сипаттағы мәліметтер; 3) берілген тілдік тұлға дискурсында қайталанып отыратын тілдік бірліктерге назар аудару» [1, 216 б.].

Тілдік тұлғаға сипаттама жасауда прецеденттік мәтіннің маңызы аса зор, себебі прецеденттік мәтінді зерттеу арқылы ғана сөйлеп жатқан адамның қандай дәуірге және мәдениетке жатқызуға болатынын анықтауға мүмкіндік бар [1, 216 б.]. Ю. Н. Караулов прецеденттік мәтіндерді зерттеу жұмыстарын тілдік тұлғаны ұғынудың іргетасы ретінде қарастырады, себебі сол мәтіндерді іріктеу арқылы тілдік тұлға өзінің басымдықтарын, дүниетанымын, көзқарасын, өмірлік құндылықтар баспалдақтарын жария ете алады. Прецеденттік мәтіндердің қызмет етуінің бірнеше әдіс-тәсілдерін зерттеген Ю. Н. Караулов олардың ішінен қызығушылық тудыратыны ретінде «семиотикалық» қызметін ерекше қарастырады: мұнда прецеденттік мәтінге назар аудару ишара, сілтеме жасау, тағы басқа жолдармен белгі беру арқылы көрініс табады.

Прецеденттік мәтінді авторлық дискурста енгізетін тіл құралдары ретінде Ю.Н.Караулов тараудың аталуын, дәйексөзді, кейіпкердің және

автордың есімдерін (тізімді әрі қарай жалғастыра беруге болады) алуды ұсынады. Дискурста прецеденттік мәтіндерді пайдалану типтері туралы айта бастағанда зерттеуші аталымдық типті ерекше атайды, мұнда тараудың аталуы немесе есімге жинақталған күйде сілтеме жасалып жатқан мәтіннің бүкіл мазмұны сыйыстырылады және адресант пен адресаттың кез келген мезетте ақпаратты толық көлемінде жайып салып таныстыра бастауына дайындығының көрсеткіші ретінде сипат алады [1, 225 б.].

Прецеденттік мәтінді зерттеудің келесі тәсілін Ю.Н.Караулов «референттік» деп атайды. Бұл әдісті пайдаланғанда тілдік тұлға өзінен беделі жоғары тұлғаға назар аудару арқылы референттік топтың шекараларын кеңейтеді. Авторлық мәтінде қолданылатын дәйексөздің қызметі екіжақты: 1) формула сипатындағы дәйексөз өз тамырларынан алшақтап аса маңызды дәйексөздер тобына қосылуға жақын ; 2) сөйлеп жатқанның дәлелдер келтіруін дәйексөз жеңілдетеді [1, 230 б.].

Жасырын дәйексөздерді, соның ішіндегі түрлендірілген, яғни, сөйлеп жатқан берілген тілдік тұлға белгілі жағдайларға байланысты өзгерткен, дегенімен, бірден танымал және қалпына жылдам келтіріле алатын дәйексөздерді жеке топқа біріктіреді. «Прецеденттік мәтіндер» терминін барлық авторлар пайдаланып жатқан жоқ, біреулері бұрынғы үйреншікті терминдерді қолдана бергенді жөн көреді. Мысалы, А.Е.Супрун «мәтіндік реминисценциялар» терминін қолдана беруді ұсынады, бірақ бұл терминнің Ю. Н.Караулов енгізген «прецеденттік мәтін» терминінен айырмашылығын анықтай алмады.

Мәтіндік реминисценцияларды пайдалану тетігі туралы пайымдауларында Л.Е.Супрун Ю.Н.Караулов тәрізді оларды мәтінге енгізудің төрт негізгі тәсілдерін сипаттайды [2, 22 б.]. Өз еңбегінде

зерттеуші мәтіндік реминисценцияларды тілдің бірлігі ретінде талдай отырып, олар тілдік құрылымның түкпір жақтарында орналасып, жадының психологиялық феномендеріне жатқызылады деген қорытындыға келеді. Сонымен қатар, Л.Е. Супрун мәтіндік реминисценциялар және фразеологизмдердің қатынастарын зерттеудің күрделі мәселелерін қарастырады. Бір жағынан, біздің жадымызда берілген бірліктердің жақындығы және бір біріне кіріктендірілуі анық білінеді. Зерттеуші көптеген фразеологизмдер бастапқы қайнаркөздерімен байланыстары үзілуі себебінен реминисценциялардан туындайтынын алға тартады. Реминисценциялардың фразеологизмдерден басты айырмашылығы – олар сөздерді толығымен алмастыруға ұмтылмайды [2, 26 б.].

В.В.Красных вербалды және вербалды емес формаларда білінетін прецеденттік мәтін емес, прецеденттік феномендерді зерттеу қажеттілігін алға тартады. «Прецеденттік феномен» ұғымы ішінде зерттеуші «прецеденттік жағдаяттар», «прецеденттік мәтіндер», «прецеденттік есім» және «прецеденттік сөйлемдер» дефиницияларын енгізуді ұсынады. Зерттеушінің пікірінше, прецеденттік жағдай - белгілі коннотациялар жиынтығына байланысты қалыптасатын «эталондық», «идеалды» жағдай. Прецеденттік мәтін – сөйлеу және ойлау қызметінің аяғына дейін жетілдірілген өнім; полипредикативтік бірлік; құрамдас бөліктерінің мағыналар жиынтығы, оның өзіндік мағынасына тең келе бермейтін күрделі бірлік.

Осы ретте, «прецеденттік есім» дегеніміз - кең танымал прецеденттік мәтіндер қатарына жатқызылатын немесе прецеденттік жағдаймен байланыстырылатын дербес есім. Прецеденттік сөйлем – тұлғаның сөзінде бірнеше мәрте қайталанатын сөйлеу және ойлау қызметінің қайтадан келтірілетін нәтиже. Зерттеуші В. В. Красных прецеденттік жағдаяттар мысалы ретінде «Ходынка» және «Дүрбелең кезең», прецеденттік мәтіндер - «Евгений Онегин» және «Соғыс пен бейбітшілік», прецеденттік есімдер – «Геркин», «Иван Сусанин», ал прецеденттік сөз тіркестері ретінде «Не істеу керек?», «Кім кінәлі?» және кейбір мақал-мәтелдерді қолдануды ұсынады [3, Б. 47-48].

В.В.Красныхтың еңбегінде ұсынылған тағы бір жіктелім белгілі прецеденттік феномендерді қамту кеңдігі өлшенімге негізделіп жүзеге асырылады. Шынында, егер прецеденттік феномендердің бір топтары барлығын қамтыса, басқалары тұлғалардың тар топтары үшін ғана қолданылып, басқа топтардан бөлініп ерекшеленіп тұрады. Сонымен, В.В. Красных адамдардың кішігірім топтарын сипаттайтын кәсіби, генерациялық, профессионалды және т.б. белгілеріне байланысты ерекшеленетін әлеуметтік-прецеденттік феномендерге; белгілі бір ұлттың кез келген өкіліне түсінікті ұлттық-прецеденттік және әмбебап-прецеденттік феномендерге топтастыру үлгісін алға тартады [3, Б. 50-51]. Сонымен қатар, автор берілген нақты тұлғаға ғана тән прецеденттік феномендерді (автопрецеденттерді) дербес топтарға жатқызбай,

минималды әлеуметтік-прецеденттік феномендерге енгізуді жөн көреді.

Жоғарыда аталған нақтылауларды ескере отырып, В.В.Красных Ю.Н. Караулов берген анықтамаға түзетулер енгізуді ұсынады [3, 58 б.]. Г.Г. Слышкин тілдік тұлғаға сипаттама жасағанда прецеденттік мәтіндерге талдау жасау барысында жоғары бағалау қажеттілігіне баса назар аударады. Оның ойы бойынша, тілдік тұлға сипаттамасындағы аса маңызды көрсеткіштер – қолданылатын прецеденттік сөз тіркестерінің жиілігі, коммуникативтік орындылығы, түсінікті болуы және белгілі жанрға жатқызылуы [4, 197 б.]. Ю.Н.Караулов берген анықтаманы негізге ала отырып, Г.Г.Слышкин прецеденттік мәтін ретінде қабылданған мәтінді зерттеуде төменде келтірілген жағдайларға назар аудару қажет деп есептейді:

1) адресанттың белгілі мәтінге реминисценция жасау қажеттілігін сезінуі;

2) адресанттың бастапқы мәтінмен таныс болуы;

3) адресантта адресанттың бастапқы мәтінмен таныс болуы туралы прагматикалық пресуппозицияның (ақпараттың) болуы.

Автордың пайымдауынша, бірінші шарт орындалмаған жағдайда сөйлеп жатқан адам прецеденттік мәтінге сілтеме жасаудың орнына абайсызда сөздік стереотиптерді қолдана бастайды. Екінші шарттың орындалмауына байланысты коммуникация жүзеге асырылмай қалады, себебі адресантты прецеденттік мәтінмен таныстыратын хабарлама бөлігі жойылып немесе өзгеріп кетеді. Үшінші шарт орындалмаса, сілтеме прецеденттік емес мәтінге жасалып, авторды қосымша сілтеме жасауға немесе адресантты қосымша сұрақтар қоюға мәжбүрлейді («бұл өзі қайдан шықты?» деген сияқты) [4, 200 б.].

Прецеденттік емес мәтіндер пайдаланудың ерекше мысалы ретінде плагиатты алуға болады. Берілген әлеумет үшін прецедентті болып саналатын мәтіндер қатарын мазақ (пародия) жасау мақсатында күлдіргі жанрындағы шығармаларда пайдалануды да Г.Г.Слышкин мысал ретінде алады. Дискурста белгілі тілдік тұлғаларға тән прецеденттік мәтіндердің тәжірибеде жүзеге асырылатынын зерттеген өте қызық. Көлемі жағынан шағындау болып келетін В.В.Прозоровтың ғылыми жұмысында қанатты сөздер мысалында, оларды көкейтесті ету механизмдері қарастырылады. Автор орыс тіліндегі қанатты сөздердің вербалды және -бейвербалды құрамдас бөліктерінің қатар өмір сүруін сөз етеді. В.В.Прозоровтың зерттеулерінде адамдардың нақты коммуникациясында қанатты сөздер ойындық қанаттық жағдаяттармен алмастырылуы көрсетіледі. Мәтіндегі қанатты сөздердің қызметіне сипаттама жасау барысында автор шын мәнінде қанатты құрылмалар мәтін ішіндегі мәтін екенін, яғни, тұлғаның сөзінде «бөтен сөздер» ұшыраса беретіндігін баса айтады [5, 77 б.].

Прецеденттілік және «бөтен сөз» проблемаларының бір бірімен байланысты (интер-мәтінділік) екендігі сөзсіз. В.В. Красных берілген теорияларды салыстыра отырып, олардың арасындағы айырмашылықты мазмұнында емес,

зерттеу объектілерін бір бірінен ажырата білуде деп ұғынады: интермәтінділік теориясы негізінен көркем мәтіндерді зерттейді (Р. Барт, А.А.Жолковский, О.Г.Ревзина және т.б.). Интермәтінділік теориясы бірінші кезекте тікелей коммуникация үдерісінде туындаған мәтіндерді қарастырады. «Бөтен тіл» проблемасы алғашқы рет М.М.Бахтиннің еңбектерінде зерттеле бастағанын байқауға болады. Мысалы, «Марксизм және тіл философиясы» атты еңбегінде «бөтен тіл» ұғымына төменгідей анықтама беріледі: «*тіл ішіндегі тіл, сөз ішіндегі сөз*», бірақ сонымен қатар бұл «*тіл туралы тіл, сөз туралы сөз*», [6, 125 б.].

Ғалым алғашқы рет «авторлық» және «бөтен» тілдің динамикалық арақатынасы мәселесін зерттей бастады. Зерттеу барысында М.М.Бахтин «авторлық» және «бөтен» тілдің арасындағы қатынастарда екі үрдіс байқалатындығын алға тартады: біріншісі - «бөтен» тілдің тұтастығын және түпнұсқалылығын сақтап қалуға ұмтылыс. Беріліс шаблондары «бөтен» тілді анықтап бөліп, «авторлық» интонациялардан қорғап қалу қызметін атқарады. Бұл үрдісті М.М.Бахтин «желілік стиль» деп атайды. Екінші тенденцияны («жескіндеме стиль») ғалым авторлық контекстінің бөтен тілдің автономиясын бұзуға, оның шекараларын жоюға ұмтылыс деп түсіндіреді. [6, 131 б.].

М.М.Бахтиннің іліміне талдау жасау барысында Г.Е.Крейдлинг алғаш рет «интермәтінділік» терминін қолданды, кейінгі жылдары бұл термин ғылыми жұмыстардан көркем шығармашылық тәжірибесіне көшірілді [7]. И.П.Ильин «интермәтінділік» терминіне талдау жасай отырып, бұл термин қаншама түрлендірілулерден өтіп жатса да мағынасы еш өзгермегендігіне алға тартады: кез келген мәтін одан бұрын пайда болған мәтіндерге жауап беру түрінде туындайды [8, 195 б.]. Жетілдірілген түрде бұл анықтама Р.Барттың жұмыстарында да ұшырасады. Оның ойы бойынша, кез келген мәтін - «Автор-Құдайдың» хабарламасы емес, сансыз көп дәйексөздердің бір біріне қактығыстары мен пікірталастары және олардың ешқайсысы бастапқы болып қабылданбайды [9, 388 б.].

Ю.М.Лотманның зерттеулерінде де «интермәтінділік» проблемасына ерекше назар аударылады. В.В.Красныхтың жоғарыда аталған монографиясында келтірілгендей, Ю.М.Лотманның ұғымы бойынша мәдениет дегеніміз мәтіндер жиынтығы болғандықтан «интермәтінділік» ұғымын «мәтіндегі мәтіндердің» иерархиясы деп қабылдау керек [3, 130 б.]. Б.А. Успенскийдің «Композиция поэтикасы» деп аталатын еңбегінде «бөтен сөз» идеясын зерттеу өз жалғасын тапты. Мұнда автор өнер туындыларының, оның ішінде бірінші кезекте көркем әдебиет шығармаларының құрылуын әңгіме қандай көзқарас проблемасымен байланыста болады, соған қарай қарастыруды ұсынады. Б.А.Успенский өнер туындыларында адамдардың дүниеге көзқарастары анық білінетін салаларға сараптама жасайды. Ол идеология жоспарын, фразеология жоспарын, кеңістіктік-уақыттық сипаттама жоспарын, психология

жоспарларын қарастырады. Бізді бірінші кезекте көзқарастар нүктелері «авторлық» және «бөтен» тілдердің қатынастары жүзеге асырылатын фразеология жоспары қызықтырады [10, 49 б.].

М.М.Бахтин тәрізді Б. А.Успенский де мәтіндегі «авторлық» және «бөтен» тілдердің өзара қатынастары мүмкіндіктерін толығымен зерттеп, негізгі екі үрдісті анықтады: 1) авторлық мәтін бөтен тілдің әсерімен түрлендіріле береді; 2) өз кезегінде авторлық мәтін бөтен тілге әсер ете алады. Б. А. Успенский бұл үрдістердің көрінуінің көптеген нұсқаларын суреттейді. Зерттеуші негізінен көркем әдебиет мәтіндерін зерттегенімен анықталған заңдылықтарды кез келген мәтінге қолдана беруге болатындығын алға тартады [10, 33 б.]. Автордың эпистолярлық стильге байланысты айтқан ескертулерін де назардан тыс қалдырмаған жөн. Зерттеуде негізінен есімдер проблемасы және хаттардың бас жағын жазу, аяқтау мәселелері қарастырылады.

Ю. Н. Карауловтың зерттеулерінде анықтама беріліп, басқа жұмыстарда одан әрі жетілдіріліп, нақтыланған прецеденттік мәтін ұғымы ұсынылып отырған жұмыста аса маңызды ұғымдардың бірі болып саналады. Ю.М. Лотманның ғылыми шығармашылығын зерттеу процесі көкейтесті мәселелердің бірі болғандықтан прецеденттік мәтін және «бөтен тіл» ұғымдарының тығыз байланысын анықтау қажет. Ғалым үшін «бөтен тіл» ұғымы қашанда көзқарастар проблемасымен байланыстырылады. Сондықтан бізді дискурстағы прецеденттіліктің алуан түрлі көріністері, соның ішінде прецеденттік сөздердің трансформациялары қызықтырады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

- 1 Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. - М.: Наука, 1987. - 263 с.
- 2 Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. - 1995. - № 6. - С. 17-29.
- 3 Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. - М.: Гнозис, 2002. - 105 с.
- 4 Слышкин Г. Г. Парольный потенциал прецедентных текстов // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. - Волгоград: Перемена, 1999. - С. 26-32.
- 5 Прозоров В. В. Крылатые выражения и ситуации // Жанры речи. Саратов, 2002. - Вып. 3. - С. 75-83.
- 6 Бахтин М. М. (Волошиной В. Н.) Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. - 189 с.
- 7 Крейдлинг Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. - М.: Новое литературное обозрение, 2002, - 592с.
- 8 Ильин И. П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты и проблемы современной стилистики. - М.: ИНИОН АН СССР, 1979.-С. 186-207.
- 9 Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. - М.: Прогресс, 1989. - С. 384-391.
- 10 Успенский Б. А. Семиотика искусства. - М. Языки русской культуры, 1995. - 360 с.

PORTRAY OF A WOMAN'S IMAGE IN R.MUKANOV'S STORIES

Sarsenbaeva Zh.B.

1 course PhD doctor

Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov KazNU named after Al-Farabi,

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В РАССКАЗАХ РОЗЫ МУКАНОВНОЙ

Сарсенбаева Ж.Б.

докторант PhD 1 курс

Институт Литературы и искусства имени М.О.Ауэзова КазНУ имени Аль-Фараби

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются произведения Р. Мукановой, посвященные художественному воплощению негибкого духа казахского народа. Они стали заметным явлением в современной казахской литературе. Автор исследования раскрывает творческую лабораторию и художественный мир писательницы, которая довольно часто обращается к женской психологии, разным аспектам жизни своих героев и философским проблемам бытия.

ABSTRACT

The article analyzes the works of R. Mukanova, dedicated to the artistic personalization of the tough spirit of the Kazakh people. They became a noticeable phenomenon in modern Kazakh literature. The author of the study reveals the creative laboratory and the artistic world of the writer, who quite often explores female psychology, various aspects of the life of her characters and philosophical problems of being.

Ключевые слова: проза, образ женщины, психология, художественный мир

Keywords: prose, image of a woman, psychology, artistic world

P.Mukanova is a talented and accomplished woman of letters who draws attention on national spirit, creative laboratory, and artistic world topics in her works. Many of her stories are about woman psychology, flip sides of the human life and, also, she stands out clearing philosophy meaning of her works. "P.Mukanova's specific personality is to portray a development of internal psychological struggle via unconscious behavior of images and describe their mental world, along with deep examining of imagine sphere. Almost all compositions of story genre are about lonely life of personages who are in trouble" [1, 614 p.]. A story "A widow" by the writer narrates psychological-emotional condition and mental state of a bad tempered, savagery and profit-driven woman who was thinking only of wellbeing and forgot about bluebird of happiness in her hand. As she was thinking only providing for a family and forgot that she is a woman with exquisite beauty and because of hard work she became a masculine woman. This woman's tragedy is nowadays common human problem. "To be liken to man - it should be century's will. I liked drinking an alcohol as it shows your wellbeing and equality. And whose guilty is it? You are, stupid! You are, sneaksby! Why did not you punish me for my disappointing manner? Better to cut me live" – she was talking to herself looking in the mirror and laughing. She got buzzed her hair looking in the mirror. And she looked at herself and pat on the back, again talked to herself: "Oh, My God! If I lacked exquisite beauty from the beginning or I lost by myself the nature presented kindness and love, because I'm bad tempered. Is it true that I lost everything because I was fighting among others? I'm a woman by nature, but all my body and face like a man" [2, 120 p.] – she looked at herself behind the mirror. "Here is the real

widow. A widow should match to her inside and outside" – looking in the mirror to protruding ears after she got buzzed her hairs she was still talking to herself and continued to be silly, cried and laughed, gave a wink and pointed to herself. By one personage life story, the author makes readers to challenge mind and think about duties of a father and a mother. When duties are changed between them it needs no saying that transformation would take place. Having lost self-control will last to degradation. Aiming to earn more money and being busy at markets many women forget to care themselves and this is the real tragedy of nowadays.

Another composition that full of woman's fate and psychological feeling is a story "Kuna- A sin". A story happened to three women at dead of night: Gulbaram who just delivered a baby, a second wife who killed the baby, Ak Bayan who was a witness. At the very moment the author described too beautiful for words nature in details. "Gingerly and tremblingly, the sun was risen. Natural morning light was so proud. A heart-searching look at three strangers and would saddle them with their sins and punish the three despite anguished cry" [2, 50 p.]. Ak Bayan is Abilkasym's daughter-in-law who is famous for his wealth among people. Gulbaram is a sister-in-law who bear a bastard and gave her consent to kill a baby at that night. A second wife was afraid of rejoicing at the misfortune of them "being morally damaged, bring shame on family" and fear husband's outrage, killed a baby with blue-stone.

That very sin bothered Ak Bayan for her next fifty years. All these years she lived heavy-heartedly, weak flesh and was out of spirit as she understood that cutting a life of an innocent child is the egregious sin. The old lady was in deep sorrow and shedding floods of tears. She was living all her life with eyes swimming in tears. The author misses deep details of second wife's inner

life who staining hands with blood, but describes her action and hypocrisy, and Gulbaram and Ak Bayan's state who were living with heavy heart. Gulbaram became an unencumbered and had hard luck. Ak Bayan was crying for mercy all over the life. Damned by an innocent baby both personages lost meaning of their life. Even much water has flowed under the bridges since then, committed sin in the silliness of her tender years followed her all over next fifty years and every risen morning reminded her that very night.

The story provided the forever "close contest" of the Morning and Night as endless struggle between badness and goodness. In fact, every soft night has its own glory. But the Night mentioned in the story described as the witness of a grievous sin according to innocent child's death and sins of women. Gulbaram and Ak Bayan's lives became as dark as that very night. In our minds a night combines with dark, or a pitch darkness, or a cage. A grievous sin, cutting human's life, killing a human being is the egregious sin of that pitch darkness night. They wish a sin to be kept in a dark cage and be free of damnation. But every risen morning starts with the same hellfire. Just a night helps the old lady to ease the pain. A night is a torment and a sin, a morning is clean and innocent.

In our opinion, the author consciously missed deep details of second wife's inner life who killed the baby. She unceremoniously poured a blue-stone to baby's mouth. She committed a crime without a second thought and with no sorrow. These kinds of people would never worry about care. And her villainy is well visible in her talks. She was hiding a child's death by supposed honour, sense of conscience and denies holy things. And expecting some good in her is impossible.

In the silliness of her tender years Gulbaram was agreed with the baby's death, but Ak Bayan was out of mind when heard the decision, she was in fear and trembling, started waving with hands and saying goodness knows what. Leaving no time to Ak Bayan to recover herself, the second wife was too quick to commit and cover up a trace of crime. Everything all around happened momentarily. Ak Bayan was trying offering excuses all these years and just praying the God to be merciful. They say that admitting own guilt would ease emotional pain and clear conscience. Her inner grief and spiritual torments were poisoning her and once at night she came to visit her mother hopefully to gain the good graces. She was weeping with emotion: "Oh, mother, it's my heavy sin. I would have visitation of God for my sin".

- Stop it! What are you talking about? What is going on, oh, my God – her naïve mother jumped as she was bitten and suddenly became an insane. Her only purpose was to lay her heart bare to her mother and offer excuse.

- Oh, my God, you are a bad lot. What are you talking about? What are you talking, you are pathetic woman? Who did kill a baby? If you killed a baby, you will never be sated in life. Killing a human being is an egregious sin. Killing a human being is the worse sin... [2, 52 p.]. in their later life, both Ak Bayan and Akmaral being childless means - they were damned by an inno-

cent child! In this story several things found their description as followings: a morning is a bringer of a future, a second wife characterizes cruelty and severity, and a night is a sign of sin and crime. If the sinners would recompense for their sins? Of course. Ak Bayan has an indirect bearing upon happened case that night, but she was the witness of the case. Since then, even though almost fifty years passed, she was never laughing, even smiling. There is a deep meaning of that it doesn't necessarily mean that a woman was born to deliver a child, but the love and kindness of a mother to her child is critical. Gulbaram also was sobbing violently: "She was married to her lovey, unfortunately was childless. "Oh, if only I could have a child. My dear sister-in-law, I'm such a sinner and never would given a chance". A novelty that denies the proverb that runs "a girl should be forbidden by forty family" and supports orphanage, widowhood or child death was considered as outside the rules of a morning. So, here can be accented that a human being needs are not only wealth and celebrity, but keeping in mind deeply rooted traditions, conscience, spiritual values, sanctity, and judiciousness can make the great man.

A night is time of sins, a morning is time of offering excuses. After fifty years passed, a mother still was offering excuses to her sin – which is a prove of well-spoken words – a child is the thing next to mother's heart (a child is the liver of a mother). Kazakh people knew all human bodies functions since before the medicine, which proves that Kazakh people genius is indisputable. Sisters and brother of the whole blood are compared with a "liver". Among other parts of the body, a liver transportation or treatment makes difficulty even in advanced technologies century. So, a liver is your inseparable part, and Kazakh people compares a child with someone's own liver. And makes sure that killing a child is the worse and egregious sin.

Before starting her historical story "Kudiret-kiye – Omnipotence-holy" she got acknowledged with historical evidences of Genghis Khan and his little brother Khassar in details. This helped her in writing the above-mentioned work in authors own singularity way and conception. Genghis's father is Esugey hero and his first wife is Oilun (Song). Kokesh is a subordinate to Genghis and he was jostling for power with Genghis. These and other details were in historical facts. In her turn, R.Mukanova portrays in bright colors Genghis khan's history and her personage, and lends realism to characters. Genghis khan trusts in God and believes that his intellect is a gift from the Sky. In general, Turkish people worship the Kingdom of heaven and their belief and conception can be explained by ancient Kultegin stone. Using many cult phrases is one of the artistic devises of the author. "Oh, the Supreme Being", "My God", "Repent thousand and one times to God in a day", "God knows", "Wait the God bless you". There were pictured senses as mother's felling to her child, a child's feeling to a birth brother, a birth brother's felling to the power. "Oh, the Supreme Being, forbid me of sorrow, help me! If my own children-birth brothers would enemies and fight against each other, there would no dignity. And what's the honour to mother Song. I have children and I had them in the oven and

fed at the breast, and both rested their heads on my chest – now they grew up and matured. But why they are at feud with each other and for whom they are at enmity? Why are my both colts that were emanated from my heart chill relations today and violated the peace? If they were severe with the enemy and became ferocious by themselves, too? Two heroes and brothers of the whole blood – Shynghys and Khassyr – you have stopped caring brotherhood and I don't know whom to support and whom to excuse" [2, 3 p.]. However, the main topic of the story is a Mother. A motherly love. The personage of the story is Song mother and her motherly love to her children, also it doesn't matter who you are – black or white, a king or a slave – everyone has a mother and even a khan Genghis who is ruling the world is bowing his knees before a mother. But it was unclear what was the reason that Genghis khan placed an order to kill. One thing is clear – he was very strict and never withdrew his orders. If he said to be killed, no matter if it is a new born child, but the order should be realized. A death. Especially, to meet death by Genghis's hands was considered as a holy death or a death sent by God, the Supreme Being. As he was jealous and rageful he made his elder brother to move far away and drove his cattle. Full of blood his eyes can be explained as his anger. Author uses type of the psychological imaging – seeing a dream – very professional. Genghis saw in his dream as he was choking and woke up. "Really? I saw a horrible dream. Omnipotence-holy... Omnipotence-holy... as if. And as if my liege is my Song-mother" – he was talking to himself. His eyes glazed over, and he thought about his dream again. A clay pot fell to the ground and its lid opened in the air, and suddenly Song-mother came bowling out part by part: her cut head, hands and legs poured out part by part. But her head was alive, and he was double minded if he need to pick the head up and put it back to a clay pot or do not touch it, at that very time his

mother's head talked to him and commanded: "Raise it up! Pick the head up. It's a message by Omnipotence, my Genghis son. And you cannot dictate against him. Raise it up, now and wish you never throw it to the bare ground" [2, 13]. "Seeing a dream is one of the psychological imaging methods. And to outline personages' inner world is almost stable tradition and an artistic component that commonly used in our literature. Even if the method used rarely, a writer would find appropriate way to put it into the story. In general, authors follow two purposes by using a method of seeing a dream. First, they want to interpret the psychological review of point behind the dream, for second, they obtain the main episode of seeing a dream as literary instrument full of poetic imagery" [3, 91 p.]. In this work the author paid attention for the second purpose.

There is the law of gravitation among people around the world. And it's called the love between mother and child. The power of love mentioned in the line as per followings: "Genghis is coming. Kneel and touch the ground with the forehead and seek forgiveness of his mother. If she would mercifully and forgive him, he would never be in the Song-mother's road". Genghis said these standing with his back and was almost crying. This great campaign started one month later [2, 13]. This story tells about a king who is ruling the world and main idea is that even the great ruler would be forever a child to his/her mother and there is the power granted to a mother by the Creator.

References:

1. Mukanova R. Collection of multi-volume works. – Almaty: Kazygurt, 2007. – 304 p.
2. Literature of XXI century. – Almaty: Arda, 2012. – 620 p.
3. Piraliyeva G. The nature of psychology in Kazakh art prose and its visual aids. Tutorial. – Almaty, 2007. – 258 p.

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В СОЗДАНИИ МОДЕЛИ УЕЗДНОГО ГОРОДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕЧАТИ

Смирнов Иван Андреевич

Кандидат филологических наук,

доцент ГАОУ ДПО Институт развития образования Республики Татарстан,

г. Казань

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается феномен уездного (провинциального) города как одна из форм цивилизации и бытия человека во временных-пространственных отношениях Российской империи, представлена типология, функции и принципы модели уездного города, отраженные в региональной дореволюционной печати.

ABSTRACT

The article discusses the phenomenon of a county (provincial) city as one of the forms of civilization and human existence in temporal-spatial relations of the Russian Empire, presents the typology, functions and principles of the model of a county town, reflected in the regional pre-revolutionary press.

Ключевые слова: феноменальный подход, модель уездного города, региональная дореволюционная печать, принципы модели уездного города, типология моделей уездного города.

Keywords: phenomenal approach, county town model, regional pre-revolutionary press, principles of county town model, typology of county town models.

В работе мы характеризуем **уездный город как социокультурный феномен**, включающий в себя такие **компоненты**, как:

- экономическая жизнь (развитие промышленности и сельского хозяйства; организация ярмарок и др.);
- культурная жизнь;
- просвещение (образование);
- быт и нравы;
- знаменитые люди города;
- меценатство;
- здравоохранение.

В **дореволюционной печати, на наш взгляд**, выстраивается **трехмерная модель уездного города**.

Первый уровень - региональная печать, концентрирующая внутренние формы отражения хозяйственной и культурно-исторической жизни города и края.

Второй уровень - столичная печать, аккумулирующая внешние формы отражения социокультурной жизни города и края.

Третий уровень - издательская деятельность, включающая в себя выход отдельных книг, посвященных проблемам уездного города и края.

Созданная **модель уездного города базируется на следующих принципах**:

1. проблемности;
2. исторической объективности;
3. всестороннего освещения хозяйственной и социокультурной жизни края;
4. системности;
5. преемственности в освещении определенных тем и проблем;
6. комплексности;
7. дифференциации;
8. информационной неоднородности;
9. цикличности;
10. авторской оценки описываемого.

Уровневая модель уездного города в дореволюционной периодической печати воспроизводит и **символы города** (язык, жители, ритуалы и др.) и переосмысление их в исторической перспективе. На страницах дореволюционной периодической печати происходит и формирование **имиджа уездного города** (положительного или отрицательного).

Модель уездного города на страницах дореволюционной периодической печати выполняет, на наш взгляд, следующие **функции**:

1) **описательная функция** (она дает представление о городе, его жителях, рассказывает об исто-

рии и опыте, приоритетных направлениях деятельности, ориентации);

2) **поддерживающая функция** (она поддерживает интерес у читателя).

Создаваемая модель уездного города на страницах дореволюционной периодической печати может трансформироваться в исторической перспективе и отражать определенные особенности губернии.

Можно наметить определенную типологию моделей уездного города:

1) тип город - ярмарки (Мензелинск, Ирбит, Бугульма);

2) тип города-духовно-нравственного центра региона (Елабуга);

3) тип города - центра просвещения (Мензелинск, Елабуга);

4) тип города - религиозного центра (Мензелинск, Елабуга);

5) тип города - центра ремесел.

Рассматриваемый нами уездный город Мензелинск (как один из примеров) можно проанализировать в аспекте казанской, уфимской и

оренбургской прессы, так как город в разные годы входил в состав данных губерний. Мензелинск приобрел статус уездного города в 1781 году по указу Екатерины II. До революции город славился своими ярмарками, которые были известны на всю Россию. Мензелинская ярмарка входила в систему уральских ярмарок и по числу товарооборота занимала 2 место после Ирбитской.

Уездный город Мензелинск можно также проанализировать и в аспекте столичной прессы (петербургской и московской).

Изучение моделей уездного города на материале региональной печати позволяет выявить особенности функционирования малых городов Российской империи в исторической перспективе, понять общекультурный фон русской провинции.

Список литературы:

1. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. -448 с.

2. Маслова И. В. Провинциальный уездный город Российской империи XIX — начала XX в.: на материалах Вятской губернии // Малые и средние города России: прошлое, настоящее и будущее : материалы VI Междунар. Стахеевских чтений. Елабуга : Елабужский институт КФУ, 2013. С. 108—113.

3. Титова А.А. Эволюция повседневной жизни населения городов российской провинции во второй половине XIX - начале XX вв. : по материалам Курской губернии : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Титова Алеся Александровна ; [Место защиты: Белгород. гос. нац. иссл.- ун-т]. - Белгород, 2016. - 26 с. .

Tazhitova Gulzhahan Zarubayevna

Senior teacher of

L.N.Gumilyov Eurasian National University,

Astana

Nurgalieva Ulzhan Sainovna

Senior teacher of

L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana

ABSTRACT

The article discusses the role of the development of academic writing among university students. Formation of written academic competence can contribute to the integration of Kazakhstan into the international educational environment and increase the competitiveness of Kazakhstan education. The aim of the article is to identify the role of academic writing for development of university students' professional competences.

Key words: academic literacy, academic skills, written academic competence, critical thinking.

The acute demand of the society for specialists of different specialties with knowledge of a foreign language has now become obvious. The language competence of future specialists is considered as a component of general professional competence. The task of teaching a foreign language at a university is to develop and improve the language skills, which have a high level of professional communicative competence and is able to successfully communicate (orally or in writing) in a foreign language with representatives of a different culture. This task is becoming particularly relevant in the transition to an information economy. Korotkina I.B. notes that in scientific discussions the issue of the birth of the "knowledge society" and the "literacy society" is increasingly heard, and the concept of literacy itself is also being revised. Thus, in the scientific and methodological literature, one after another, new terms appear, such as digital literacy, information literacy, multi-literacy, and even silicone literacy [1]. However, practice shows the lack of development of skills and abilities of independent, critical and analytical thinking and the ability to work with various kinds of information. The reasons for this situation are most likely in the fact that, due to our historical development, the skills of critical thinking, the development of our own ideas and their presentation in the appropriate language have traditionally received little attention. The complex of these skills is a special kind of literacy, which is defined by the international educational community as academic literacy.

According to the definition of the Australian scholar Bill Green [2], academic literacy includes three aspects:

1. Operational literacy - language (especially written) competence.
2. Cultural literacy - understanding discourse or culture: the ability to communicate in the language of a specific group of people or subject (for example, the scientific language of economics, education, etc.).
3. Critical literacy - understanding how knowledge is created and interpreted (for example, the ability to understand what the author of a newspaper or a scientific article means).

Accordingly, a complex of academic skills usually consists of

- academic reading (Academic Reading) - the ability to find, evaluate information and analyze what has been read;

- academic listening (Academic Listening) - the ability to listen to reports, speeches and lectures, highlighting the main ideas;

- academic speech (Academic Speaking) - the ability to build a speech, consistently and convincingly express a thought;

- academic writing - the ability to hypothesize, draw conclusions, organize and structure your own text.

Careful attention to the writing and concern about the lack of development of the presentation of ideas in text format is due to several factors. Firstly, Kazakhstani students are not prepared for the requirements set by Western universities for written work (essay). For example, the Kazakh language at school is not only cut off from other subjects, but also tightly connected with fiction.

The consequence of this is the emotionality of the texts of Kazakhstani students, the bias of the authors, the inability to substantiate and, most importantly, express their own ideas. Secondly, the teaching of English is now focused, as a rule, on grammar and verbal communication in the field of informal communication. Meanwhile, written professional communication requires the teaching of a foreign language for special purposes (eg, ESP – English for Specific Purposes), the main areas of which are English for academic and professional purposes. Finally, the third factor determining the priority for developing academic writing skills is the second wave of the "new media revolution," the birth of Web 2.0.

As a result of this wave, there was a complication of the forms of communication and their shift towards the written ones. According to I. Snyder, we are in the process of transition from the era of mass communication to the era of individualized communication, from unidirectional communication to multidirectional, from a passive audience to interactive [3]. The lack of a tradition of written exams in the Kazakhstan education system also does not contribute to the teaching of writing. In connection with the growing interest in foreign languages as a means of international and intercultural communication caused by the changed political and socio-economic conditions of our society's development,

Kazakhstan's integration into the world community, the problem of linguistic training of specialists capable of entering into intercultural foreign language communication is becoming especially acute and in writing at the international, inter-ethnic and personal levels. In this regard, one of the main objectives of higher education is the formation of written academic competence. Academic writing is an opportunity to improve your skills when writing various written works, which are united by the fact that they are subject to certain requirements for the structure of the construction and layout of the text, the choice of writing style (journalistic or scientific), the ability to make references, rephrase, build argumentation, correctly formulate literary sources.

When teaching academic writing, the teacher has to solve a difficult task: to promote the development of personal creative approach to writing tasks, but at the same time teach students to fulfill the requirements of the formal structure of the essay, which is mandatory for all international qualifying exams (for example, TOEFL, IELTS).

In this regard one can start each class begins with a video according to the topic from www.youtube.com and having watched the video postgraduates fulfill various tasks such as answer the questions, multiple choice tasks, complete the sentences, true or false tasks.

For example, postgraduates watch a video on https://www.youtube.com/watch?v=cha331v_vhY about "How to avoid plagiarism?" and do the following task.

Complete the following sentences:

1. The way that you present it as part of ..., it looks like it was your idea.
2. But I can't leave it out - Chan's ideas are incredibly ... to my argument.
3. That's ... and dishonesty.
4. Plagiarism can be ... and non intentional.
5. You copy because you are ... and you
6. You risk doing things like quoting, paraphrasing, summarizing a source
7. I better get busy check my essay for other places I need to ... my sources with a citation.

Descriptive writing	Evaluative writing
indicates what happened	indicates the significance of ideas or facts
outlines what something is like	is based on reasoned judgments
provides information about a topic	draws relevant conclusions

1. lists ideas, information or facts
2. explains the reasoning/rationale behind a theory
3. identifies different factors involved
4. shows why something is relevant or suitable
5. evaluates links between different information
6. places ideas or concepts in their order of importance
7. explains the significance of information or ideas
8. compares the importance of different factors
9. outlines what has been observed
10. discusses the strengths and weaknesses of ideas or concepts
11. shows the order in which things happen
12. describes a process or a situation

The laws of academic writing do not restrict the freedom of the students, but, on the contrary, help them

Use of videos make classes live, it can be excellent sources of information. The visual input often helps clarify and support the language input, making research more effective.

The activities, methods, strategies and techniques varied from topic to topic. Activities offered for the Sourcing information for your project differs through their objectives.

Having done an exercise on a video material postgraduates are offered to find out the structure of the projects.

Study the parts of an academic text listed. Which of these do you already know about? Discuss them with another student and think about where they might appear in the text.

1. the conclusion
2. a quotation
3. a reference in the text
4. a subtitle/subheading
5. the introduction
6. thesis statement
7. the bibliography
8. the first-name initials of an author/researcher
9. the family name of an author/researcher
10. the main title page
11. a figure or table
12. the abstract
13. table of contents

Identifying descriptive and evaluative writing

Students often receive feedback that indicates their work is too descriptive and needs to be more evaluative. However before you can take this feedback into account, you need to be able to distinguish first between the features of descriptive writing and evaluative writing, and then make your own writing more evaluative or analytical.

This task looks at the features that distinguish each kind of writing. Below the table there is a list of features for both descriptive and evaluative writing; you need to put each one in the appropriate category.

to properly organize their own ideas, substantiate them and express clearly and convincingly. Academic writing is the most important component of academic literacy and it is unthinkable to have successful study in Western universities or conduct effective scientific activity.

References

- 1 Korotkina I.B. The possibilities of using foreign experience in the development of academic language skills in Russian education. Available: <https://goo.gl/omUePf>
2. Green B. The new literacy challenge / Literacy Learning: Secondary Thoughts, vol. 7, no. 1, 1999. Pp. 36-46. 31

3. Snyder I. Communication, imagination, critique— literacy education for the electronic age. // *Silicon Literacies: Communication, Innovation and Education in the Electronic Age.* / I.Snyder (Ed.). London: Routledge, 2002. Pp. 173-183.

4. McCormack J. and Slaght J. *English for Academic Study. Extended Writing and Research Skills*, University of Reading, 2012

5. Sagimbayeva J.E. and others. *Experience and Perspectives of Teaching Foreign Languages at the L.N.Gumilyov National University.* Collective monograph. Premier Publishing. Vienna, 2018

ИГРА И ЕЕ РОЛЬ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ханджян Диана Давидовна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания
Армавирского Государственного Педагогического Университета,
г. Армавир*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются различные языковые игры на начальном этапе изучения английского языка, а также их требования, которые они должны выполнять. Стоит заметить три раздела игр и проследить их последовательность по местам, от более популярных к менее. Цель данной работы заключается в изучении эффективности учебного процесса на начальном этапе преподавания иностранного языка. Задачи: 1. Обозначить и объяснить основные этапы игры, 2. Показать основные виды игр, которые используются при преподавании на уроке английского языка. А что касается практической значимости, то данные игры и методы преподавания в настоящее время можно будет эффективно использовать и анализировать на практике.

ABSTRACT

This article discusses the various language games at the initial stage of learning English, as well as their requirements that they must fulfill. It is worth noting the three sections of the games and to trace their sequence in places, from more popular to less. The purpose of this work is to study the effectiveness of the educational process at the initial stage of teaching a foreign language. Objectives: 1. Designate and explain the main stages of the game, 2. Show the main types of games that are used when teaching in English class. As for practical significance, these games and teaching methods can now be effectively used and analyzed in practice.

Ключевые слова: учитель, игра, предмет, английский язык, этапы, эффективность, использование, дети, ученики, школьник.

Keywords: teacher, game, subject, English, stages, efficiency, use, children, students, schoolchild.

Под начальным этапом в школе подразумевается промежуток изучения английского языка, дающий возможность вложить основные принципы коммуникативной компетенции, которые необходимы для последующего улучшения в области данного предмета. К начальному этапу принято относить 1 – 4 классы школ. Для того чтобы вложить основные принципы коммуникативной компетенции, необходим довольно длительный период, потому что ученикам с самых первых шагов ознакомиться с изучаемым языком, как средством общения.

Как известно, игра считается, пожалуй, главной формой деятельности ребенка в младшем школьном возрасте. Всем известно, также то, что многие выдающиеся педагоги весьма основательно выражали интерес на эффективность использования игр в ходе обучения. В игре проявляются характерные черты и порой внезапные способности ребенка. [1, с. 32] Игра является своего рода «общим языком» для всех детей. Использование игры, как одного из приемов преподавания английскому языку, значительно упрощает учебный процесс, делает его ближе и доступнее ребятам. Игра занимает существенную роль в жизни младшего школьника, которая является для него средством и целью познания реальности. Отталкиваясь от их отличительных черт эмоционального формирования ребенка, одна из которых заключается в преобладании психологической области над умственной, невозможно

не оценить возможных способностей игры как психологического условия. Игра является источником эмоций. А где эмоции там и активность, а также интерес и фантазия. Игра содействует невольному запоминанию, которое считается доминирующим у ребят.

Игровая модель обучения формируется на занятии при присутствии поддержки игровых способов и ситуаций, которые выступают как средство мотивации и стимулирования обучающихся. Обстановка способна припоминать какое – либо произведение с собственным сюжетом, инцидентом и действующими личностями. В процессе игрового обучения обстановка может проигрываться множество раз и каждый раз в новом стиле. Однако совместно с этим ситуация игры – это ситуация действительности. Действительность ее обуславливается главным инцидентом игры – состязанием. Стремление принять участие в данной игре воодушевляет мысль и энергию детей, а также формирует атмосферу психологической напряженности. Невзирая на конкретные требования игровой ситуации и недостаточность применения языкового материала, в ней должен быть компонент внезапности.

Огромную значимость при организации игры в каждой учебной аудитории имеет прямая позиция учителя. Он должен быть убежден на все 100% в ее

полезности, ему следует продумывать все без исключения необходимые требуемые элементы ее подготовки, а кроме того также уверенно корректировать ее. Простота либо трудность организации и проведения игры находится в зависимости от типа игры, а также от аудитории и от характера взаимоотношений обучающихся между собой и с педагогом.

Игры в процессе обучения английского языка являются очень полезными, но также они должны учитывать небольшой ряд требований: [6, с. 112]

- Быть бережливыми согласно периоду и сосредоточенными в разрешении конкретных учебных задач.
- Быть управляемыми, т.е. не снижать установленный темп учебной работы.
- Снимать напряженность урока и заинтересовывать динамичность обучающихся.
- Не оставлять ни одного ученика бездейственным либо безразличным.

Каждый урок должен быть интересным и порождать заинтересованность у ребенка. От этого зависит, каким будет начало урока. Начинать урок можно с «игровой завязки», где на помощь к нам придет кукла либо игрушка, а также сказочный герой или животное. Концепция игры с куклой, сказочным героем заложена в не одном учебнике. На занятиях можно применять куклу – маску, которая содержит собственный наглядно выявленный вид; незнакомую куклу, которая формирует мотив к разговору; куклу – партнера, дети сами обучают чему – либо, объясняют им, как необходимо поступать в разных ситуациях и куклу – третье лицо, равно как предмет беседы. [6, с. 112] Герои могут как отрицательными, так и положительными, но они должны являться друзьями или знакомыми детей, у них есть своя семья, биография и характер. Далее могут привести игры, которые чаще всех используются на уроках английского языка. На первом месте стоят грамматические игры. Их цель – это научить и развить речевую активность, а также самостоятельность детей.

➤ I SPY WITH MY LITTLE EYE.

Данная игра проводится практически таким же образом, как и предыдущая. Ведущий загадывает предмет, который находится в классе. Начинает с присказки «I spy with my little eye beginning with B». Ученики могут задавать вопросы ведущему, но не более 5. Is it a book? Is it a ball? etc. Ребенок, который отгадал получает балл, а также право загадывать следующий предмет. [10, с. 112]

На втором месте стоят лексические игры. Их задача – это развить у школьников речевую реакцию и познакомить детей с сочетаемостью слов.

➤ THE LAST LETTER.

Необходимо сформировать две команды. Представитель первой команды называет слово, а ученики из второй команды обязаны придумать слово на букву, которой заканчивается слово, названное первой командой, и т.д. Выигрывает та команда, которая последней назовет слово.

Пример : apricot, tea, apple и т.д.

Но, стоит заметить, что используя речевые и языковые игры на занятиях, педагог должен знать следующее:

- Подбор формы игры обязан являться, педагогически и дидактически аргументирован.
- Педагог обязан понимать, какой цели он хочет добиться, представляя и объясняя ту или иную игру.
- В играх должно быть задействовано наибольшее количество детей.
- Игры обязаны отвечать возрасту и языковым способностям школьников.
- Языковые игры предназначаются для развития абсолютно всех типов речевой деятельности.

Таким образом, игры на уроках иностранного языка младших школьников заметно повышают эффективность учебного процесса и помогают сохранению интереса у детей к изучаемому предмету, но преподавателю нужно в меру их применять, так как они могут потерять интерес у школьников. Языковые игры могут использоваться во всех классах, но они должны изменяться от класса к классу. Данные игры нужно подбирать по программе и содержанию учебника, а также с возрастными особенностями детей, что немало важно. На начальном этапе обучения игра расслабляет и раскрепощает школьников и заметно располагает их к учебе. Также она снимает языковую преграду и делает намного эффективнее усвоение материала, т.к. он становится эмоционально значимым для учащихся.

Список литературы

1. Алексеев Н.Г., Золотник Б.А., Громько Ю.В. Организационно-деятельностная игра: возможности в области применения // Вестник высшей школы. - №7, 2002. - С. 30-35
2. Давыдова В.И. Психическое развитие в младшем школьном возрасте // Возрастная и педагогическая психология. - М.: Просвещение. - 2000. - С. 34-50.
3. Дубровина В.В. Об индивидуальных особенностях школьников. - М.: Наука. -1999.-С.12-89.
4. Зинченко Б.И. Игры для развития внутреннего плана действий школьников // Вопросы психологии. - 1998. - N 5.
5. Ильченко Е.В., Игры, импровизации и мини-спектакли на уроках английского языка. М.: «Центр современных гуманитарных исследований», 2003
6. Кривая Г.И., Игры на уроке английского языка. 5 кл.: пособие для учителя - Минск : Нар. асвета, 2007 - 112 с.
7. Корндорф Б.Ф., Методика преподавания английского языка, М., 2002, стр. 249
8. Минкин Е.М., От игры к знаниям. - М., 1983. - 234 с.
9. Младший школьник. Запорожец А.В. Избранные психологические труды. - М.: Наука.-1986. - С. 34-41.
10. Никитенко З.Н., Гальскова Н.Д. Теория и практика обучения иностранным языкам в начальной школе: учебное пособие для студентов педагогических вузов и колледжей. – Смоленск: Ассоциация XXI век, 2007. – 176 с. – (педагогическое образование).

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ С ПОМОЩЬЮ ТВОРЧЕСКИХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Хандэсян Диана Давидовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания Армавирского Государственного Педагогического Университета, г. Армавир

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается роль творческих видов деятельности при обучении иностранному языку. А также роль педагога в данном процессе, исходя из различных творческих заданий.

ABSTRACT

This article discusses the role of creative activities in learning a foreign language. As well as the role of the teacher in this process, based on various creative tasks.

Ключевые слова: учитель, английский язык, деятельность, творчество, ученик, знания и умения.

Keywords: teacher, English, activity, creativity, student, knowledge.

В социуме XXI века немаловажно постепенно готовить учащихся к жизни в поликультурном и многоязычном мире. Язык, которым владеет индивид, считается для него универсальным инструментом умственного развития и индивидуального роста. Инновационные условия в процессе обучения английскому языку подразумевают подобную организацию учебной деятельности, целью которой является развитие и формирование у учащихся иноязычной коммуникативной культуры. Творческая деятельность на уроке иностранного языка отлично содействует достижению желаемого результата, ликвидируя один из основных недочетов учительского труда – немотивированность на уроке, а также благоприятно влияет на формирование речевых умений ученика. [1, с. 59] Главная цель педагога английского языка – перенести акцент с каждого вида упражнений на творческую интеллектуальную деятельность учащихся, что требует для собственного проявления владение определенными языковыми средствами.

Творческая деятельность – одна из составляющих элементов продуктивного мышления. [1, с. 59] Творческий процесс подразумевает эвристические компоненты поиска решения задачи, с которой преподаватель никогда не сталкивался прежде. Формирование креативного мышления нуждается в высококлассной подготовке учителя. Творческая деятельность характеризуется эластичностью мышления, а также способностью обнаруживать новейшие взаимосвязи между объектами, проводить аналогии и быстро переключаться [1, с. 60].

Совершенствовать творческие способности следует в начальной школе, т.к. именно у младших школьников формируется безграничное воображение [5]. Они придумывают собственные истории, говорят о своих приключениях, эффектно приукрашивая их. У них лучше всего сформирована фантазия, т.е. умение мыслить образами. Специфика предмета «английский язык» состоит в том, что все без исключения виды языковой деятельности, а непосредственно: письмо, чтение, аудирование и говорение ориентированы на развитие творчества у учащихся. [2, с. 220] Иностранный язык может формировать творческие способности, которые, в свою

очередь, обогащают практический опыт школьника, формируя его умственные возможности, и содействуя интеллектуальной деятельности не только на уроках, но и в ежедневных ситуациях. Главная проблема заключается в выборе средств и конфигураций деятельности на уроках английского языка, которые дадут возможность развития индивидуальных качеств и объективной самооценки. [2, с. 223] Современное образование должно быть нацеленным на сочетание творческих и умственных возможностей, умений и навыков, с наиболее интенсивным применением ресурсов инновационной среды. Занятия по иностранному языку – это поле для творчества, где ученики примеряют к себе новые социальные роли и выдумывают себе персонажей, разыгрывая диалоги.

Главным условием при планировании такого вида уроков является личная заинтересованность учителя. Чтобы мотивировать учащихся, увлечь их изучением английского языка, необходимо организовать учебный процесс таким образом, чтобы он вызвал высокую мотивацию к творческой деятельности и обеспечил их активность на уроке. Существуют разные способы стимулирования творческой активности на уроке, например, использование уроков – мюзиклов, уроков – спектаклей, уроков – экскурсий, уроков – праздников, уроков – интервью, уроков – турниров и т.д. Увлекательные творческие задания неназойливо содействуют отработке необходимых умений и навыков, расширяют круг интересов и показывают творческие способности учеников. Креативное мышление должно помочь детям решить некоторые трудности в реальной жизни, применяя творческие возможности, выявить свою индивидуальность, и повысить самооценку. Ученики должны постепенно учиться использовать нестандартные подходы к решению разных ситуаций, что даст им возможность не поддаваться стандартам.

В современном мире задача развития творческих возможностей является очень актуальной. Многие ученые утверждают, что творчество – это порождение чего – то бесподобного, уникального, оно ни в коем случае не подчиняется стандартам, оно наполняет действительность радостью и вызывает потребность в познании чего – то нового. [2]

Творческие задания и упражнения делятся на несколько видов, которые можно распределить по степени сложности:

➤ Задания простой сложности (индивидуальные). Это задания на понимание лексического материала, подбор синонимов, антонимов, а также выбор правильной фразы согласно ситуации. Выполняя данное упражнение, ученик подсознательно повторяет материал. [4, с. 176]

➤ Задания средней сложности (индивидуально или парные). Сюда относятся творческие диктанты и логическое построение текста.

➤ Сложные задания (парные или групповые). Такие задания предлагают ученикам составить сюжетный рассказ, а также составить текст по вопросам.

Урок английского языка рассматривается как общественное явление, где классная аудитория – это социальная среда, где учебный процесс – это взаимосвязь всех присутствующих. При этом успех в обучении – это итог коллективного использования всех способностей для обучения. Наиболее интересно проходят уроки – турниры для школьников. На данных занятиях предлагаются загадки, кроссворды и т.д. Очень часто такие уроки проводятся в конце четверти, для того чтобы выявить творческие и умственные результаты деятельности ученика. Разгадывание головоломок и кроссвордов развивает смекалку и укрепляет память. Заранее необходимо ввести следующие слова с дефиницией: **puzzle** – головоломка (она может создаваться с помощью цифр, букв и рисунков), **chainword** – чайнворд (в нем последняя буква предыдущего слова является первой буквой последующего), **crossword** – кроссворд (аналогично чайнворду), **rebus** – ребус (в нем искомое слово или фраза изображены несколькими фигурами, буквами, и т.п.), **wordsearch** – смесь кроссворда и чайнворда [3, с. 41].

Далее, нельзя не упомянуть урок – игру. Все факторы, которые сопровождают игру облегчают процесс обучения. Возбуждение, которое вызывается игрой, создает зону торможения для всего того, что находится вне игры. На уроках необходимо использовать не только оригинальные игры, но и специализированные. Для учащихся старших классов проводятся ролевые игры, хотя не следует исключать из учебного процесса и разные грамматические, лексические и орфографические игры,

они очень интересны старшеклассникам. Существует также игра для формирования определенных навыков. Преподаватель предоставляет ученикам схему, которая показывает, где прячется мальчик. Кто наиболее точно и быстро доложит, где он находится. Далее необходимо заменить глагол «находиться» глаголом «прятаться», т.е. «где он спрятался?» - **Where did he hide?**, глаголом «искать» «где ты будешь его искать?» - **Where will you look for him?** [4, с. 176]

Таким образом, творческая деятельность школьников всегда связана с созданием чего – либо нового, открытием для себя новейшего знания и выявлением в себе новых возможностей. Это само по себе становится мощным и действенным стимулом к их знаниям. Подобная деятельность усиливает положительную самооценку, а также порождает уверенность и решительность в себе, и ощущение удовлетворенности в достигнутых успехах.

Список используемой литературы

1. Абдуллаева М.А. Использование художественных фильмов на уроках английского языка с целью развития творческого мышления студентов // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. / Гуманитарные науки, вып. № 4 (32), 2012, - С. 59-64;
 2. Алферова О.И. Развитие навыков образного мышления на уроках английского языка через речевые ситуации // журн. Magister Dixit, вып. № 1, 2013, - С. 219-223;
 3. Гришкова Г. Н. Развитие познавательной самостоятельности школьника в игровой деятельности / Г. Н. Гришкова // Начальная школа. - 2004. - № 11. - С. 41-45;
 4. Кульневич С.В. Совсем необычный урок / С.В. Кульневич, Т.П. Лакоценина. - Ростов-на-Дону: Творческий центр «Учитель», 2001. - 176 с.;
 5. Курочкина М.В. Педагогические приемы актуализации способности к творчеству на уроке английского языка в начальной школе // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, вып. № 3, том 15, 2009, - С. 481-482.
- Юго-Осетинский государственный университет им А.Тибилова,
Кафедра английского языка. Цхинвал, 2017.

THE TRANSLATION PROBLEMS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ENGLISH AND AZERBAIJANI LANGUAGES

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК

Бехбудова Эмира Шафа кызы

Доктор философии по филологии, Сумгаитский Государственный Университет

Abstract: The difficulties which appeared because of some words and word combinations in different contexts during translation are discussed in this article. Author addressed to some researcher's thoughts and some offered translation methods for eliminating translation problems in order to solve this problems. The main goal of this article is to study translation methods of the phraseological units into English and Azerbaijan languages and investigate problems which appeared in translation process.

Key words: translation process, exact meaning, word combination, phraseological unit, polysemy, semantic relation

Абстракт: В статье говорится о некоторых трудностях возникающих при переводе слов или словосочетаний взятых из различных контекстов. Для решения данной проблемы автор обращается к высказываниям исследователей о путях преодоления проблемы перевода фразеологизмов и предлагаемым ими методам перевода. Основной целью статьи является изучение путей перевода фразеологизмов английского языка на азербайджанский язык и разъяснения проблем возникающих в процессе перевода.

Ключевые слова: процесс перевода, точное значение, словосочетание, фразеологическая единица, многозначность, семантическая связь

Переводческое дело как особая сфера деятельности занимает важное место в истории развития человечества. Именно благодаря переведенной литературе народы мира знакомятся с историей, обычаями и культурой друг друга и получают возможность прочитать великие произведения мировых авторов на своем родном языке. Как известно перевод это достаточно трудоёмкий и сложный процесс, который ставит перед переводчиком определенные задачи и проблемы. Проблемы, с которыми сталкивается переводчик, влияют на процесс перевода, ощутимо замедляя его ход. Одной из таких проблем создающих переводчику дополнительные трудности является проблема перевода фразеологических сочетаний английского языка на азербайджанский язык.

Вообще фразеологизмы это весьма оригинальное средство выражения в языке богатого народного воображения. Многообразие формы содержания фразеологизмов, а так же их широкое распространение в языке привлекло к ним внимание исследователей. Так со временем фразеология выделяется в особый раздел лексикологии как одной из частей языкознания.

Изучение внутренней структуры значения и внешнего строения фразеологизмов, их места в отдельных языках, возможностей перевода, национального и общечеловеческого значения, особенностей их использования и областей применения сегодня не потеряли своей актуальности и представляют собой научный и практический интерес.

Актуальность темы объясняется еще и тем, что изучающим английский язык его фразеология представляет большую трудность. Сложности возникают и при их переводе. Дословный перевод фра-

зеологизмовна другой язык не представляется возможным, они выглядят бессмысленными и непонятными. Многие известные ученые, такие как С.И. Абакумов, А.А. Реформатский, Л.А. Булаховский, Е.И. Левинтова, Ю.М. Вольф, М. Рузикулова, А. Арнольд, С.И. Ожегов отмечая факт невозможности дословного перевода фразеологизмов из одного языка в другой, объясняют это тем, что фразеологические единицы отражают национальные особенности языка. В азербайджанском языкознании этот вопрос так же был предметом широкого обсуждения. Азербайджанские ученые лингвисты внесли свой вклад в вопрос перевода фразеологизмов на другие языки [8. 34].

Следует отметить, что при переводе фразеологизмов английского языка ошибки могут совершить не только неопытные переводчики, большие трудности ожидают так же и опытных переводчиков [2. 4-6]. Лингвисты предлагают несколько различных методов с целью преодоления проблем перевода. Исходя из этого, основной целью нашей статьи является изучение уже известных различных способов перевода английских фразеологизмов на азербайджанский язык, рассмотрение возникающих при этом проблем и методов их устранения.

При переводе слов или словосочетаний с различным контекстом возникают определенные трудности. Часто два слова с абсолютно несхожим значением вступают в семантическую связь в рамках одного словосочетания с целью выразить один смысл. Для устранения проблем такого типа были проведены исследовательские работы и итогом, которых можно считать составление сборника фразеологизмов. Входящие в состав этого сборника слова в английском языке называются «Set expression», а в азербайджанском языке фразеологические словари или фразеологические

сочетания. Издание таких сборников немного облегчает процесс перевода. Например, работа Айгюнь Гурбановой «Английские и азербайджанские фразеологические сочетания» может служить тому примером. В этом сборнике наряду с 2500 фразеологическими единицами даются готовые выражения на английском языке, пословицы и поговорки, идиомы, фразовые глаголы [1. 3-4].

Man proposes but God disposes – человек предполагает, а Бог располагает

Neck or nothing – умрем но не сдадимся

Narrow minded – ограниченное мировоззрение [1. 98].

Where there is a will, there is a way – кто хоч тот добьется [1. 99].

Jacket potato – картофель в мундире [1.8].

A snow job – неискренняя беседа; A smart aleck – хитрец [1.9].

At random – случайно; Average joe – обычный человек [1.13].

Be in a fence = be in a jam – оказаться в сложной ситуации [1.17].

Ask the floor – взять слово для выступления [1.12].

Перевод английских фразеологизмов на другие языки один из значимых и сложных вопросов языкознания. Неслучайно их переводу уделяется особое внимание. Оно требует тщательного подхода и ответственности.

Великий писатель М. Горький считал, что в каждом языке имеется достаточно возможностей и средств, чтобы выразить любую мысль человека. Это положение можно в равной степени отнести и к азербайджанскому языку. Практика показывает, что трудно найти такую мысль в любом языке мира, чтобы его нельзя было выразить на нашем языке [8.62].

В словаре русского языка наряду с устойчивыми сочетаниями слов и выражений к фразеологизмам относят и различные стилистические выражения, относящиеся к литературным течениям, к некоторым сословиям или конкретным группам людей определенного периода.

В русском языкознании значительный вклад в исследование фразеологизмов внес Н.М. Шанский. Под понятием «фразеологическое выражение» он понимает устойчивые по структуре и составу, а так же полные по смыслу единицы, состоящие их двух и более слов [8.102].

Как уже было отмечено при переводе фразеологизмов из английского языка на азербайджанский встречаются определенные трудности, которые объясняются различием между словарным составом и грамматическим строем английского и азербайджанского языков.

Основной причиной несоответствия и полного совпадения эквивалентов устойчивых сочетаний английского языка с азербайджанскими вариантами является то, что они возникли и установились в соответствии с законами английского языка, его образа жизни, быта, в зависимости от факторов, влияющих на его мировоззрение, как результат его тысячелетнего исторического развития [5. 34].

Поэтой причине становится невозможным передать в фразеологических словарях точные их соответствия. Так как фразеологические единицы отражают национальный колорит народа, его традиции, своеобразие лексико-грамматических форм в системе языка такие выражения при переводе на азербайджанский язык не передают все особенности языка оригинала.

Основными причинами неправильного перевода фразеологизмов можно назвать неправильный выбор их из контекста, и неумение различить от свободных словосочетаний. Другой причиной может стать неправильное понимание переводчиком смысла этих фразеологизмов, что приводит к искажению текста. Поэтому для правильного перевода фразеологизмов переводчику необходимо прежде всего правильно вычленив фразеологические сочетания из контекста, правильно их понять и правильно выразить мысль заложенную в фразеологизме не искажая ее смысла. Переводчик должен хорошо знать жизнь народа языка оригинала и его национальные особенности. При переводе фразеологизмов следует правильно уметь пользоваться фразеологическим словарем, обращать внимание на языковые и стилистические особенности текста [3.101-103].

Говоря о переводе фразеологизмов, прежде всего, следует обратить внимание на два важных момента: а) необходимо полностью понять подлежащие переводу фразеологизмы; б) понятый фразеологизм выразить в родном языке адекватными средствами языка. Переводческий процесс, состоящий из этих двух моментов, анализирует фразеологизм английского языка с семантической, стилистической и грамматической точки зрения. Он определяет как лексическое значение и стилистические особенности данного сочетания, так и его грамматический смысл и задачи. Все это согласовывается с нормами родного языка, в результате чего подбирается соответствующее выражение из родного языка. Таким образом, весь процесс перевода осуществляется с помощью сравнений и сопоставлений.

Кроме того при переводе английских фразеологизмов на азербайджанский язык следует учитывать и их многозначность и омонимию. Так одно из значений данного фразеологизма может быть фразеологическим, а другое омонимом. В качестве примера можно назвать такие фразеологизмы:

Don't mention it

1) не напоминайте мне об этом

2) не стоит (фразеологизм)

To be narrow in the shoulders

1) узкоплечий

2) не имеющий чувства юмора (фразеологизм)

To pin back smb's ears

1) потянуть кого-то за ухо

2) одержать над кем-то победу (фразеологизм)

The girl next door

1) девушка, живущая в соседней комнате

2) таких девушек много.

To see eye to eye

1) встретится взглядами

2) полностью согласиться с кем-то (фразеологизм)

To stretch one`s legs

1) вытянуть ноги

2) прогуливаться (фразеологизм)

Использование одного и того же словосочетания в качестве свободного и в качестве устойчивого создает дополнительные трудности. Переводчик не знающий глубоко фразеологию английского языка для правильного перевода таких фразеологизмов должен перебрать большое количество примеров фразеологического сочетания а для этого он должен обладать большим запасом знаний фразеологических единиц. Кроме того он должен уметь правильно определять является ли данный пример свободным или устойчивым сочетанием. Переводчик может определить точное значение таких фразеологизмов, если внимательней отнесется к требованиям оригинального текста. Точный и совершенный перевод фразеологизмов зависит от уровня соответствия и наличия взаимосвязанности между английскими и азербайджанскими фразеологизмами.

С точки зрения перевода фразеологизмы делятся на две группы: 1) эквивалентные фразеологизмы 2) неэквивалентные фразеологизмы [7.171].

1. Эквивалентные фразеологизмы. Так называют фразеологизмы, имеющие соответствующие эквиваленты в переводимый язык. Эти фразеологизмы подразделяются в свою очередь на два типа: а) полные фразеологические эквиваленты; б) неполные фразеологические эквиваленты.

Полные фразеологические эквиваленты. Сюда относятся фразеологические эквиваленты, которые по лексическому значению и лексическому составу, по художественности, грамматическому строению и стилистическим оттенкам значения имеют полное соответствие в языке, на который они переводятся или существуют в этом языке в готовом виде. Здесь можно привести такие примеры фразеологизмов: Achilles` heel «ахиллесова пятка»; Augeanstable «авгиевы конюшни»; to show somebody the door «указать кому-то на дверь» (выгнать кого-то); as cold as ice «холодный как лед»; their on heel «железная пята» (империализм); in the sweat of one`s brow «потом лба»; to stick like a leech «присосаться как пиявка» [6. 241-245].

Неполные фразеологические эквиваленты – сюда относятся фразеологизмы, которые не имеют полных лексических, художественных и стилистических соответствий в языке, на который они переводятся [7. 179]. При переводе таких фразеологизмов переводчик должен учитывать его выразительность и эмоциональность. К неполным фразеологическим эквивалентам можно отнести следующие примеры: To be in black book «быть в черном списке»; golden opportunity «отличная возможность»; to be in pin sandneedles «быть как на гвоздях»; to fall on stony ground «впустую»; to have pityon «кому-то сочувствовать»; monkey out of somebody «над кем-то издеваться»; fly off the handle «выйти из себя»; small talk «пустой разговор» [6.249].

Фразеологизмы без эквивалентов – это фразеологизмы, встречающиеся в языке очень редко. При переводе таких фразеологизмов используют нефразеологические методы. Перевод фразеологизмов, не имеющих эквивалента нельзя назвать точным переводом. В переводе таких фразеологизмов обязательно присутствует художественная неполноценность. Например: What will Mrs Crundy say? «что скажут люди?»; Paul Pry «Paul Pray» «человек, вездесущийнос»; Jack Sprat «лилипут» «очень маленький роста» [6.301]. Осуществляя перевод фразеологизмов, не имеющих эквивалента, часто обращаются к методу кальки. Для достижения максимально приближенного перевода таких фразеологизмов из английского языка на азербайджанский переводчик должен использовать несколько методов перевода. Сюда можно отнести такие методы как эквивалентный перевод, аналоговый перевод, описание, калька или дословный перевод, сопоставление или методы параллельного перевода.

Эквивалентный перевод – этот тип перевода в точности передает значение, художественные особенности фразеологизмов английского языка на азербайджанский язык. Примерами эквивалентного перевода могут стать: As cold as ice «холодный как лед»; red as blood «красный как кровь»; black as coal «черный как уголь»; to play with fire «играть с огнем»; the golden age «золотой век».

Аналоговый перевод – этот вид перевода позволяет перевести значение английских фразеологизмов на азербайджанский язык, но при этом полностью или частично меняет их художественные особенности. Например: It is raining cats and dogs: дождь льет как из ведра; a drop in the bucket «капля в море»; to fall upon one «быть чьим-то последователем»; have a good time «приятное время проведение»; that`s flat «коротко и ясно»; pop the question «предложить руку и сердце»; the observe do fall observers «центр внимания» и т.д.

Одной из основных причин оказывающих влияние на процесс перевода является наличие в английском языке внешне очень похожих, но семантически различных фразеологизмов. Недостаточное знание английского языка или простая невнимательность переводчика может привести к подмене одного фразеологизма другим. Например: фразеологизм «tomakegoodtime» может ошибочно пониматься как «tohaveagoodtime» хотя на самом деле они выражают совершенно различные значения. Например, фразеологизм «Tomakeagoodtime» выражает значение «обогнать со скоростью», «доехать быстро», а фразеологизм «tohaveagoodtime»используется в значении «хорошо проводить время». Посмотрим перевод предложения с фразеологизмом «To make good time»: We made very good time on our trip to Florida – мы очень быстро доехали до Флориды [9.23].

Как и в других языках, фразеология английского языка очень богата и разнообразна. Обогащение языка происходило за счет пополнения из Библии, римских и греческих легенд, художественных произведений и заимствований из литературы и

языка других народов. Большинство фразеологизмов перешло в английский язык из Библии как самой читаемой среди народов книги, начиная с древнего периода и до наших дней. Фразеологизмы, перешедшие в английский язык из Библии, называются библеизмами. Кроме библеизмов английский язык богат и шексперизмами и другими примерами из английской литературы. Часть фразеологизмов попала в английский язык через американский язык. Большинство фразеологизмов американского происхождения попало в английский язык через американскую художественную литературу. В составе английских фразеологизмов встречаются и фразеологизмы, заимствованные из французского, испанского, итальянского, немецкого, арабского, и китайского языков. Часть заимствованных фразеологизмов, немного видоизменившись в более современную форму, вошли в словарный запас английского языка [10]. Все эти фразеологизмы служат обогащению английского языка.

Исходя из всего сказанного, можно сделать выводы о том, что перевод английских фразеологизмов на азербайджанский язык сложное и ответственное дело. Трудности, с которыми сталкивается переводчик, проистекают из различий словарного состава и грамматического строя двух языков. Для достижения максимально точного адекватного перевода английских фразеологизмов на азербайджанский язык переводчик должен использовать несколько приемов перевода [4.125].

Чтобы добиться правильного перевода английских фразеологизмов на азербайджанский язык с сохранением всех оригинальных особенностей языка переводчик должен руководствоваться следующими правилами:

- ✓ фразеологизм, подлежащий переводу, должен быть понят до конца;
- ✓ переводчик должен быть хорошо знаком с жизнью и национальными особенностями народа носителя языка оригинала;
- ✓ в процессе перевода переводчик должен уметь правильно пользоваться словарями, обращать внимание на вопросы языка и стиля;

- ✓ пользоваться различными выражениями свойственными обоим языкам;

- ✓ при переводе данных фразеологизмов на азербайджанский язык должен уметь пользоваться синонимами данного языка;

- ✓ обладать навыками правильного применения методов перевода;

- ✓ не отходить от контекста художественного произведения;

- ✓ отвечать требованиям языка, на который осуществляется перевод; [9. 69]

Итак, каждый язык воспринимает тот или иной фразеологизм по-своему. Поэтому переводчик должен изучить различия в языках таким образом, чтобы при переводе отдельные фразеологические сочетания не были оторваны от оригинала и не стали причиной непонимания между автором и читателем, говорящем на азербайджанском языке.

Литература

1. Qurbanova A. İngiliscə Azərbaycanca frazeoloji birləşmələr. Alatoran yayınları. 2015. 100 s.
2. Bayramov H. Azərbaycan dili frazeologiyasının əsasları. Bakı, 1978. 67 s.
3. Həsənov H. Azərbaycan dilinin frazeologiyası. Bakı, 1979. 197 s.
4. Vəliyeva N. Azərbaycanca - ingiliscə - rusca frazeoloji lüğət. Bakı, 2006. 243 s.
5. Həjiyeva A.H. English lexicology (textbook). Bakı, "Elm və təhsil", 2011, 248 p.
6. Kunin A.V. English-Russian phraseological dictionary. 4th edition. Русский язык. Moscow. 1984, 944 p.
7. Ginzburg R.S. A course in Modern English Lexicology. Moscow, 1979, 256 p.
8. Кузнецова. А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. М.: 1980, 217 стр.
9. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М., 1960. стр 69-71.
10. Интернет ресурсы:
www.en.wikipedia.org, www.metodiktoviye.blogspot.com, www.anl.az

Цховребова Мира Валентиновна.

к.ф.н., доцент кафедры английского языка.

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.40-46

IAN MCEWAN'S "DREAMS OF A FINAL THEORY". THE NOVEL "SATURDAY"

АННОТАЦИЯ

Статья представляет очерк нравственных исканий Иэна Макьюэна, основанный на анализе романа «Суббота» с позиций его интертекстуальной включенности в контекст традиционных и постмодернистских теорий либерализма, современных естественнонаучных, социологических и сциентистских теорий.

ABSTRACT

The article represents a study of McEwan's moral searching based on the analysis of the novel "Saturday" in terms of traditional and postmodern liberal theory, natural– scientific, and sociological theories.

Ключевые слова: Иэн Макьюэн, современный британский роман, теории либерализма, позитивизм, теория эволюции, социобиология, эволюционная психология, физикализм, Э. Уилсон, Р. Райт, С. Уайнберг

Key words: Ian McEwan, modern British novel, liberal theories, positivism, moral theory, sociobiology, theory of evolution, evolutional psychology, physicalism, E. Wilson, R. Wright, S. Weinberg

Исследование природы эгоцентризма человека и возможностей ее преодоления – главная тема Иэна Макьюэна. Его литературная антропология сосредоточена на выявлении истоков, причин «безумства в темноте» (по выражению Исая Берлина) современного человека, «преображенного наукой, подвластного учреждениям и всецело подконтрольного», замкнутого в потоке собственного сознания «среди торжествующей механизации и после недавнего краха радикальных надежд. В обществе, которое перестало быть сообществом и обесценило личность...». Такие, созвучные его собственным, размышления Сола Беллоу о человеке Макьюэн поставил в эпиграф к роману «Суббота», опубликованному в год смерти выдающегося американского писателя.

Заинтересованный читатель трудов эволюционных биологов и антропологов, Макьюэн позиционирует себя как атеиста и рационалиста: *«Мне хотелось бы написать роман, – признается писатель, – в котором герой был бы наделен неколебимой верой в рациональность, но чтобы он при этом оказался прав. <...> Многие наши ценности, такие как справедливость, – безусловно, продукт рационального подхода. И я решил, что пришло время встать на защиту рациональности».*

Характер рационализма писателя на настоящем этапе творчества восходит к дарвинизму и отечественному позитивизму, скорректированному в духе времени современной эволюционной биологией и антропологией, новейшим позитивизмом и сциентизмом: *«Я придерживаюсь взгляда на то, что писательство, может быть, сродни научному исследованию».*

В споре о человеке между наукой и искусством Макьюэн ищет последние ответы, ведет собственное «научное расследование», используя свой метод верификации – он выбирает выдающиеся классические художественные образы и научные идеи и сводит их в художественном пространстве своих романов как своеобразные «протокольные предложения».

За спиной Макьюэна – традиция английского либерализма, берущая начало в «Великой хартии вольностей» (1215) и «Билле о правах» (1689), и

оформленная в трудах британских эмпириков и позитивистов XVII–XX веков. От Бэкона, Гоббса, Юма, Локка («право на жизнь, личную свободу и собственность») и шотландской «школы здравого смысла» к позитивизму Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера, Чарльза Дарвина и аналитике «философа века» Бертрانا Рассела – большая школа британской философии всегда ориентировалась на человека, решая главную задачу – «оказание помощи человеку в его практической деятельности». Наблюдая человека в его общественных отношениях, британские мыслители сформировали концепцию либерализма, которая веками, «и в горе, и в радости» питала и определяла национальный менталитет, общественное и художественное мышление британцев и, пережив в XX столетии «смерть Великих Нарративов», сохранила свежесть своих фундаментальных идей.

Английский философ и теоретик современной либеральной политической философии сэра Исая Берлин – продолжая линию отечественной философии и, сохраняя в поле зрения кантовское определение предназначения философии как науки, обретающей смысл лишь в применении к человеку – писал в статье «Назначение философии»: *«Цель философии остается всегда одной и той же – помочь человеку понять самого себя и тем самым жить при свете, а не безумствовать в темноте»* [7,91].

Сквозь века, в перипетиях литературного процесса от античности и до наших дней, таковой остается и цель литературы. *«Думаю, что я вовлечен в долгосрочный проект исследования человеческой природы»*, – говорит Иэн Макьюэн, обобщая свои искания и общее направление своего творчества.

Речь идет о «долгосрочном проекте», начало которому в Европе положил, как известно, Аристотель, озадачив человечество мечтой о «калокагатии» и возложив на него бремя необходимости восхождения к идеалу гармоничной личности – свободной, прекрасной душой и телом и политически мыслящей. В альпинистском походе за «золотым руном» калокагатии европейская религиозная и философская мысль столкнулась с двумя проблемами, неразрешимость которых ставила под вопрос саму

возможность достижения калокагатии – проблемой природы человека и проблемой свободы. Эти две ключевые проблемы на века определяют общее направление развития художественной, религиозной, философской и естественнонаучной мысли Европы, и обретут статус «проклятых», вопреки грандиозному историческому вкладу в их разрешение.

На родине Макьюэна большая дискуссия вокруг «природы человека» разрешилась, как известно, идеей общественного договора, а проблема свободы была редуцирована до «осознанной необходимости» и конкретики практической безопасности. Во всяком случае, именно проблемы личной безопасности и охраны собственности побудили Локка и Гоббса к обоснованию необходимости заключения общественного договора, ограждающего «всех от всех» – необходимости, обусловленной пониманием эгоистической и эгоцентричной природы человека.

С тех самых пор, то есть с начала Нового времени, моральная философия остается, по выражению британского историка философии Фредерика Коплстона, «традиционно любимой темой английских философов». [12]

С тех же времен основная интрига английской литературы, ее главный конфликт, за редким исключением, привязан к социальной сфере и, прямо или косвенно, соотносится с моральными последствиями эгоцентричной природы человека, закованной в оковы «осознанной необходимости».

Контекст национальной либеральной и философской традиции определяет, в значительной степени формирует мировоззрение и творчество Иэна Макьюэна.

В благодарственной записке, предваряющей «Невыносимую любовь», Макьюэн называет имена известных современных ученых и мыслителей, ищущих интегральное обоснование животной природы человека и метафизики его духовности, «более – чем – жизни», как говорил Георг Зиммель. Их влияние на мировоззрение Макьюэна еще больше ощутимо в вышедшем спустя 8 лет романе «Суббота».

В списке Макьюэна – выдающийся американский биолог Эдвард Уилсон (р.1929), основатель социобиологии – науки, изучающей основы социального поведения животных и человека и подготовившей концептуальные основы эволюционной психологии, психиатрии и антропологии. Автор революционной теории «репродуктивного императива», изложенной в «эпохальных», по выражению Роберта Райта, трудах «О природе человека» (1978), «Биофилия» (1984), «Разнообразие жизни» (1992) и др. Следуя Дарвину, Уилсон выдвинул базовую для социобиологии категорию «репродуктивного императива» – начального принципа эволюции животного мира и человека, «энтелехии»

живой жизни (подобно «жизненной силе» Шопенгауэра, «воли к власти» Ницше, «жизненного порыва» Бергсона). Согласно концепции Уилсона, «репродуктивный императив» реализует себя в безостановочной «устремленности» генов к самовоспроизведению и адаптации посредством «слепо» вырабатываемых механизмов, обеспечивающих их безопасность и жизнеспособность в процессе естественного отбора и эволюции. Работу механизма адаптации, заданную репродуктивным императивом, Уилсон распознает и в природе социальности человека, в культуре и этике (учение о гено-культурной коэволюции), в природе альтруистического поведения, парадоксальным образом «повышающего эволюционное благополучие другого существа в ущерб собственному» [18].¹ Теория гено-культурной коэволюции и более частная концепция альтруистического поведения вывела в восьмидесятые годы Уилсона на просторы биофилии. В 1984 году он пишет «Биофилию» – апологию любви ко всему живому, вследствие «естественного сродства человека со всем многообразием животной жизни».

Макьюэн часто цитирует и ссылается на Уилсона в романах и интервью. Так, мысленный диалог с Уилсоном о границах биофилии ведет герой «Субботы» Макьюэна, чувствуя себя палачом, выбирая в витрине рыбного магазина рыбу на ужин: «Современному человеку все сложнее жить – беспрерывно расширяется круг объектов сострадания. Теперь наши братья и сестры не только жители дальних стран, но и лисы, и лабораторные мыши, а теперь еще и рыбы» [2,182].

Идеи Уилсона близки Роберту Райту (р.1957) – другому имени в списке Макьюэна – известному американскому журналисту и эволюционисту, преподавателю Принстонского университета, автору книг об эволюционной психологии, истории, религии, теории игр, среди которых книга, на которую ссылается Макьюэн – «Моральное животное. Почему мы такие, какие мы есть. Новый взгляд эволюционной психологии» (1994). В основу своей увлекательной и остроумной книги Райт положил историю судьбы Чарльза Дарвина как иллюстрацию его собственной теории естественного отбора, и как подтверждение тезисов современной эволюционной психологии и антропологии – «чтобы показать, насколько изящно теория естественного отбора обрисовывает контуры человеческого мышления». [16, 8]

Как и Уилсон, Райт убежден, что «эволюция человеческих существ в большой степени состояла в адаптации друг к другу», что «альтруизм, сострадание, сочувствие, любовь, совесть, чувство справедливости ...имеют твердый генетический базис» [15,19]. Эволюционную психологию как новую естественнонаучную парадигму Райт

¹ Заметим, что задолго до Уилсона идею генезиса культуры как результата адаптации человека к условиям среды выживания сформулировал Дарвин европейской философии Фридрих Ницше, определив че-

ловека как «слабое, несостоявшееся животное, обреченное на поиск противоестественных способов существования», к коим, безусловно, он относил и художественную культуру.

уподобляет *«очень мощной лупе для изучения человеческого вида»*. Новый взгляд на людей, пишет Райт в «Моральном животном», – полагает их *«видом, обладающим великолепным набором моральных инструментов, но трагически склонным использовать их не по назначению»* [15,10].

Личность подобная Райту, сочетающая научные интересы со вкусом к сочинительству, по всей видимости, весьма импонирует Макьюэну, во всяком случае, похоже, именно Райт, по роду занятий и интересов, послужил прототипом личности Джо, главного героя «Невыносимой любви».

Еще одно имя в списке Макьюэна – Антонио Дамасио (1949), американский нейробиолог и поведенческий невропатолог, автор «нейрофизиологического бестселлера» 1994 года «Ошибка Декарта: эмоция, разум и человеческий мозг». Автор гипотезы соматического или телесного маркера, Дамасио оспаривает Декартово понимание сознания как единственного источника принятия разумных решений. В подтверждение своей гипотезы Дамасио экспериментально доказал исключительную роль эмоций (бессознательных *«определенных состояний тела»*) в принятии решений. Поясняя гипотезу телесных маркеров, изложенную в книге 2003 года «В поисках Спинозы: радость, печаль и чувствующий мозг», Дамасио, в интервью от 15 августа 2010, говорит о нейробиологических основах этики и об эмоциональной природе морального поведения [11]

Макьюэну близка теория Дамасио, объясняющая природу эмоционального состояния и преступного поведения человека болезнями мозга – тезисы Дамасио он использует в интерпретации поведения Джеда в «Невыносимой любви» и Бакстера в «Субботе».

Адаптация друг к другу как фундаментальное условие эволюции человеческих существ, «радикальный императив» гуманизма, *«альтруизма, сострадания, сочувствия, любви, совести, чувства справедливости»*, эмоциональная природа морали – таковы «протокольные предложения», «последние научные истины», в контексте которых писатель Иэн Макьюэн разворачивает свою концепцию человека.

«В трудах современных палеонтологов и биологов–эволюционистов можно обнаружить проблемы, которые так знакомы физикам,» – пишет выдающийся американский физик–теоретик, Нобелевский лауреат 1979 года Стивен Уайнберг, – *Используя теорию естественной эволюции, биологи имеют дело с поразительно успешной теорией, которая, однако, далеко не завершена, чтобы объяснить все факты»*. [17,155]

«Существующие теории ограничены, они все еще не полны и не окончательны,» – пишет Уайнберг, – *Но за ними, здесь и там, мы улавливаем проблески окончательной теории, которая будет иметь неограниченную применимость, и будет полностью удовлетворять нас своей полнотой и согласованностью»* [18,6].

В списке Макьюэна всемирно известная диатриба Стивена Уайнберга «Мечты об окончательной

теории» (1992), в которой, на широком историческом фоне от досократиков до Суперколлайдера, в живой и глубоко личной форме, Уайнберг представляет историю движения европейской научной мысли в поисках окончательной теории – *«начальной точки, к которой можно свести все объяснения»*. *«Хотя мы и не знаем, как могут выглядеть окончательные законы или сколько лет пройдет, прежде чем они будут открыты, все же мы полагаем, что уже в современных теориях улавливаются проблески контуров окончательной теории»* [17]. Так Людвиг Витгенштейн искал *«универсальное уравнение»*, которое *«могло бы дать философии то, что дало математике введение символов»*. Так Рудольф Карнап стремился к созданию *«единой научной теории»* – *«фундаменту единой науки»*.

«В физике,» – пишет Уайнберг, – *мы надеемся открыть несколько простых общих законов, которые объяснили бы, почему мир такой, какой он есть»* [17, 39]

Возможно, обаяние идей и стиля Уайнберга вдохновило Макьюэна на поиск собственной *«окончательной теории»* человека – универсального уравнения гуманизма и либерализма как ответа на сакраментальный вопрос о том, как по совести поступать с «другим», покушающимся на твой образ жизни, на саму твою жизнь и собственность, и, в конце концов – как по совести поступать с рыбой. В жанре романа, с его *«уникальной возможностью проникнуть во внутренний мир собеседника»*, писатель видит идеальное пространство для поиска ответов на вечные вопросы. Подобное идеальное пространство Макьюэн создал в «Субботе».

«Суббота» (2005), пожалуй, самый значительный на сегодня роман Макьюэна, с наибольшей полнотой запечатлевший зрелость художественного мастерства писателя и его размышлений о человеке.

Макьюэн измеряет человека бесстрастным взглядом эволюциониста и видит в нем то самое «моральное животное», о котором писали Эдвард Уилсон и Ричард Райт, обосновав, похоже, его собственные прозрения. Человек Макьюэна – животное, подгоняемое агрессивным инстинктом выживания, тонко организованный, «продуманный» Естественным Отбором «пищеперерабатывающий комбинат», обреченный на сизифов труд неустанного поиска пищи. Но, кроме того, человек – животное, разомкнувшее пищевую цепочку и возвысившееся над ее бесстрастными императивами, благодаря ничтожнейшей против его животного естества толике Духа – издержке или благословения? его собственной эволюции. Животное, получившее в процессе эволюции инстинктивного разума способность к самосознанию и осмыслению своих инстинктов. Моральное агрессивное животное – средоточие напряженного противостояния устремлений его Духа и Плоты. Канат, протянутый над пропастью. Переход. Заточенный и безумствующий во тьме лабиринта своего эгоцентричного подсознания Тавр, ждущий свою Ариадну. Ессе Номо! Таким Макьюэн видит человека. В темный

Ид его инстинктов он стремится проникнуть. Работу его интеллекта, преобразующего инстинкты в чувства, стремиться постичь, чтобы понять, *«почему мы такие, какие мы есть»*. Предмет его наблюдения – неустанная познавательная работа рационального ума, который не только отражает и синтезирует действительность, но и осмысляет свою животную природу. Его любопытство разогрывает вопрос вопросов – является ли толика или искра Духа, имманентно присущая человеку, неизменной величиной или растущей, разрастающейся по мере дальнейшей эволюции? Возможна ли здесь перспектива? Или человек обречен навсегда оставаться животным, пусть и моральным, в определенной степени?

Вероятность получения последних ответов Иэн Макьюэн видит в союзе литературы с современной наукой о человеке.

«Суббота» - роман об одном дне, одной субботе, к примеру, 15 февраля 2003 года, обыкновенного человека рубежа XX–XXI веков. Не верящего ни в бога, ни в черта, не доверяющего журналистам, политикам и утопистам – *«Бойтесь утопистов, ревностных искателей пути к идеальному обществу строю»* - и не ищущего опоры вовне, под *«обезбоженными небесами»* (С. Малларме) своей эпохи – *«трудные времена – так пишут газеты. Редкий случай, когда газеты правы»* [2, 393].

Генри Пероун - успешный врач-нейрохирург, счастливый глава прекрасной семьи, своими руками построивший свой маленький счастливый мир, который теперь подвергается реальной угрозе: *«Они снова здесь, тоталитаристы всех форм и мастей: пока еще слабые и разрозненные, они растут, набираются сил и жаждут крови миллионов»* [2,388].

Его общественное кредо - нейтралитет: *«у него, как и у каждого человека, есть право жить своей жизнью, не беспокоясь о том, что творится в мире – или даже на улице. Забыть про вселенную, наплевать на все мировые проблемы и сосредоточиться на своих делах – что может быть важнее этой возможности?»*. [2,159] В подобном взгляде на жизнь, полагает он – *«и есть свобода мысли»*.

Генри Пероун – инфицированный вирусом социального нигилизма человек эпохи «конца социального»: *«После гибельных экспериментов недавно опочившего столетия, <...> на вопросы справедливости и перераспределения благ трусливо наложено вето агностицизма. Больше никаких великих идей. Если так уж необходимо улучшить мир – пусть он улучшается постепенно. <...> Эпоха пророков кончилась»* [2,109].

Герой Макьюэна в курсе, что Левиафан зондирует его щупальцами своих симулякров: *«примета времени – информация сужает интеллектуальную свободу, не оставляя простора для фантазии»* [2,256]. Он видит свое отражение в кровавом взоре Левиафана и осознает всю свою незначительность и бессилие повлиять на ход событий: *«Наивно полагать, что ты можешь что-то изменить»* - лейтмотив социальной позиции Пероуна [2, 257]. Его внутреннее смятение отражается в ключевых

вопросах: *«Что дальше?»*, *«Что же теперь?»* и главной задаче - уберечь свои достижения, не утратить человеческого лица. *«Мир поднял хлыст»* и держит Пероуна в непрерывном болезненном напряжении, *«пугает до головокружения»* - войска уже переброшены в Залив, в Хитроу стоят танки, а джихадисты угрожают устроить в Лондоне атаки смертников. Многотысячный марш протеста против вступления Великобритании в войну в Ираке заставит Пероуна слегка отклониться от привычного субботнего маршрута и случайно вовлечет в большие неприятности.

Его собственное отношение к вопросу двойственно: он *«не знает, что думать о предстоящем вторжении»*. История его пациента Мири Талеба – эмигранта из Ирака, склоняет Пероуна поддержать вторжение. Разве не это имел в виду еще Джон Стюарт Милль, когда писал в эссе «О свободе»: *«Единственная цель, которая служит оправданием для вмешательства одних людей, индивидуально или коллективно, в деятельность других людей, – это самозащита?»*[14] Спустя сто лет, в середине XX века *«право насильственного подтягивания отсталых стран до уровня развитых»* подтвердит Уолт Ростоу в скандально известном бестселлере 1960 года «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» [16], а вслед за ним - Фрэнсис Фукуяма в «Конце истории и последнем человеке» (1992) – апологии либеральной демократии как *«логического финала человеческой эволюции»* и как итога поисков *«наилучшего решения человеческой проблемы»* [20]. Носителем идей Ростоу и Фукуямы в романе предстает американец Джей Стросс, приятель и коллега Пероуна: *«Ирак – насквозь прогнившая страна, естественный союзник террористов. Значит, надо разделаться с ним. «Разделаться», означает освободить и демократизировать»*. Либеральная чувствительность натуры Пероуна не приемлет подобного радикализма, она требует морального обоснования любого деяния, в том числе и политического. (Мораль и политика – вечная проблема либерального умонастроения, незавершенная полемика вождей либерализма *«опочившего столетия»* Милля и Сэмюэля Смайльса)

Происходящее в мире обостряет чувство социальной ответственности героя, порождает ощущение вины от собственной беспомощности перед лицом таящихся в нем угроз – *«Виновен в том, что беспомощен. Беспомощно виновен»* [2,37]. Проблема Пероуна в этом чувстве беспомощности: он *«забыл о разумном скепсисе, запутался в противоречивых мнениях и уже не способен мыслить ни здраво, ни, что еще хуже, самостоятельно»* [2,257], и, главное - теряет контроль над своей правильной и счастливой жизнью. *«Бог операционной»*, за стенами больницы он – обычный уязвимый маленький человек, который, воздвигнув баррикаду двойных входных дверей, тщит укрыться за ними от внешних угроз. Пероун не встанет в ряды демонстрантов pro или contra – но имеет свое мнение.... Чтобы не чувствовать себя земляной блохой. Отсюда его *«глубоко запрятанное недовольство»*

собственной жизнью», томление духа и нериторическое вопрошание: «*может в жизни есть еще что-то, кроме спасения чужих жизней*», задающие внутреннее напряжение и драматизирующие личность Генри Пероуна. Макьюэн называет подобное состояние «*тревожностью сознания либерала*» (“*liberal intellectual anxiety*”), жаждущего надежной моральной опоры в мире, потерявшем, по выражению Делеза, свой стержень, и обретающего ее в науке и личной жизни.

Такой типаж, к слову, описывает американский физик Джеральд Холтон, анализируя в статье «Что такое «антинаука»?» черты современного («модернистского») человека: «*высокая оценка значения науки и рациональности как таковых, и в частности, убежденность в исчисляемой, предсказуемой каузальной законосообразности физической и живой природы*», и, кроме того, «*приверженность родственным связям и семейным обязанностям*»?[21]

Типизируя своего героя как обычного интеллигентного человека среднего класса, Макьюэн вооружает его рациональным складом ума и передает ему свою собственную увлеченность эволюционной биологией, сциентизмом и физикализмом: «*если бы меня призвали создать религию, я бы создал ее из эволюции*». «*В человеческих отношениях немало такого, что прекрасно объясняется на уровне сложных молекул, – размышляет Пероун, – Кто возьмется подсчитать ущерб, нанесенный любви, дружбе, надеждам на счастье из-за повышенного или пониженного содержания того или иного нейротрансмиттера? И кто станет искать этику и мораль среди энзимов и аминокислот, если принято смотреть совсем в другом направлении*» [2,135].

Апофеозом веры Пероуна в науку являются его размышления в заключительной части романа: «*Наука движется вперед, но никто еще не объяснил, каким образом килограммовая блямба мокрого мяса, надежно запечатая в черепе, кодирует информацию, как хранит в себе опыт, воспоминания, желания и сны. Генри не сомневается: рано или поздно – хотя, наверное, не при его жизни – тайна мозга будет раскрыта. Так же, как разгаданы цифровые коды воспроизведения жизни в ДНК. Но и тогда чудо останется чудом: никакие цифры не объяснят, как способно скопище нервных клеток создать чудесный внутренний кинотеатр, яркую иллюзию реальности, вращающуюся вокруг другой иллюзии – призрачного «я». Можно ли объяснить, как материя становится сознанием?» [2, 361]*

В интервью Зади Смит Макьюэн говорил о том, что представляется ему особенно важным в писательстве: «*Мне интересно показать, в художественной форме, конечно, каково это – думать. Или что это значит – сознавать, чувствовать, или каково это быть обреченным на неполноценную*

чувствительность. И насколько это сложно – одновременно видеть и понимать все, что происходит вокруг тебя, и еще – как наш опыт соотносится с реальностью и насколько наша воля искажает наше восприятие. Вот что я нахожу интересным» (перевод мой – М.Ц)[31]²

Главным событием субботы Генри Пероуна является встреча с уголовником Бакстером, которая обернется для Пероуна настоящим испытанием всех его принципов и веры в себя: «*В чем, собственно, он уверен? ... Он слаб, он так мало знает, он боится непредсказуемых последствий, порождая новых действия, новые последствия, пока не оказываешься там, куда вовсе не предполагал и не желал попасть – с ножом у горла*» [2,395].

Литературный обозреватель Джеймс Брэдли отмечает, как характерную черту произведений Макьюэна, введение в сюжет случайного происшествия – «*неожиданного, атактистического, неконтролируемого*» – которое вторгается в комфортабельный мир героев и дестабилизирует его. [27]. Композиционный прием, на который обращает внимание Брэдли, связан с отношением Макьюэна к жизни как череде счастливых и трагических случайностей. В интервью разных лет он заявляет: «*Я не верю в судьбу. Отчасти потому, что не верю в Бога, поэтому я считаю, что жизнь состоит из счастливых и трагических случайностей*». «*По чистой случайности вы оказываетесь там, где оказываетесь, и другие тоже. Тысячи вещей влияют на это. Случайность проявляет бессмысленную randomness жизни*». Так и его герой не верит ни в бога, ни в судьбу – верит в науку и в случай («*так легли кости*»). Жизнь, в его понимании – тонкое сочетание физических законов и чистой случайности, «*невообразимого множества совпадений, стоящих за каждым событием*».

Так, в прекрасный дом Пероуна, легко преодолев надежные двойные входные двери, вторгаются выследившие его хулиганы, с которыми он случайно столкнулся утром по пути на игру в сквош – «*по чистой случайности вы оказываетесь там, где оказываетесь*» - и, угрожая ножом, бесчинствуют в его гостиной, унижая его семью. Дорожное происшествие оборачивается злостью, поставившим под угрозу жизнь Пероуна и членов его семьи.

В «Субботе» нравственный аспект необходимого ответного насилия – моральный казус, безотносительно к религии – вновь в центре внимания Макьюэна. Мысли о терроризме и войне в связи с Ираком, о правомерности применения насилия, как отмечалось выше, не оставляют его героя на всем протяжении романа. Однако размышления Пероуна о реальных угрозах и возможных последствиях до вторжения Бакстера носили отвлеченный, умозрительный характер: Ирак – далеко, входная дверь – двойная. Теперь, когда Пероун непосредственно, лицом к лицу сталкивается с жестокой агрессией,

² Макьюэн, в сущности, ставит проблемы, над которыми сегодня работает философия сознания и размышляет австралийский философ Дэвид Чалмерс в

“The Conscious Mind” – каким образом и почему физический процесс переработки информации дает начало внутренней жизни, субъективному опыту, квалиа. [22].

ему уже не остаться в стороне – ситуация требует от него немедленного решения, поступка. В аналогичной ситуации герой «Невыносимой любви» Джо Роуз без колебаний стреляет в психопата Перри. Пероун в «Субботе» тоже действует, как подобает мужчине – защищает свою семью. Ответом на агрессию вновь становится встречная агрессия – порочный круг, в который против воли вступает Генри Пероун, как раньше Джо Роуз. Как и в «Невыносимой любви», агрессор – психически больной человек, по имени Бакстер. Пероун дает отпор Бакстеру, в результате чего тот, с травмой головы, попадает («по странной случайности») в больницу, в которой работает Пероун. Понятно, что именно Пероуна вызовут на операцию, с которой он, как и обычно, блестяще справится. Итогом субботы станет еще одна спасенная жизнь – в этот раз жизнь обреченного агрессивного дегенерата.

Эпизод вторжения содержит ключевой момент. По глумливому требованию Бакстера, напуганная до смерти, хрупкая нежная поэтесса Дейзи, дочь Пероуна, принуждена прочитать свои стихи. Из внутреннего протеста и по неведомому движению души она читает «Дуврский берег» Мэтью Арнольда. Следует отметить, что «Дуврский берег», исполненный экзистенциальной тревожности и предвосхитивший важнейшие умонастроения современности, латентно определяет общую духовную атмосферу «Субботы»: *Встарь Море Веры/В приливе омывало берега/Земные, словно яркий пояс в блестяках./А нынче... (пер. Д. Донского). О «Дуврском берегу» с большим чувством размышлял и Стивен Уайнберг в XI главе своей книги: «Около полутора веков назад Мэтью Арнольд увидел в океанском отливе прекрасную метафору, описывающую угасание религиозного чувства, и услышал в звуках воды «ноту печали». Было бы замечательно обнаружить в законах природы план, заготовленный заинтересованным Создателем, в котором человеческим существам отводилась бы специальная роль. Я испытываю печаль, когда высказываю сомнение в этом»* [«А как насчет Бога», 17, 160].

«Ноту печали» услышит и смертельно больной Бакстер, чтобы, быть может, впервые в жизни, перед лицом вселенской печали Мэтью Арнольда понять, что он, Бакстер, не одинок в своем страдании: *«Какой-то поэт девятнадцатого века (надо бы разузнать, кто он вообще такой, этот Арнольд) затронул в Бакстере струну, которой он, Пероун, даже не может подобрать определения. Отчаянная жажда жизни, жажда восприятия, познания и действия проснулась в нем в тот самый миг, когда дверь сознания уже начала захлопываться, отделяя его от мира»* [2,397].

Наблюдая реакцию Бакстера и его пробуждающуюся человечность, Пероун распознает в нем жертву, «биологического неудачника» – несчастного человека, «безумствующего во тьме» смертельной болезни, и безмерно одинокого в своей обреченности. Ярость уступает чувству сострадания и Пероун решает, что *«нельзя допустить, чтобы последние свои дни он провел в камере, дожидаясь нелепого суда»* [2,397].

Человечность порождает человечность, а что порождает агрессия? Чего ожидать от морального животного? Как врач и гуманист, он знает, что может изменить, или даже спасти жизнь «биологических неудачников», извлечь их из «мусорной свалки естественного отбора», как писал Роберт Райт. Но Пероун также понимает: *«Никакая социальная справедливость не излечит и не рассеет эти армии биологических неудачников»*. Как же быть, в таком случае? *«Остается научиться распознавать несчастье, когда его видишь, и заботиться об этих без вины виноватых, ... по возможности уменьшать страдания»* [2,388]. Здесь можно говорить об эмпатии, т. е. о сопереживании и сочувствии как категории нравственности, впервые сформулированной Фрейдом, и на которую ссылаются зарубежные и отечественные литературоведы и критики в связи с творчеством Макьюэна [11, 24]

Иеремия Бентам назвал бы такое отношение принципом «наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов», и бодро призвал бы Пероуна к «достижению личного преуспевания, увеличивающего общую сумму счастья». Карл Ясперс сказал бы о «любящей борьбе» – борьбе не «всех против всех», а «друг за друга». [23]

Только как же быть с «тоталитаристами всех форм и мастей», которые «набираются сил и жаждут крови миллионов»? Этих не одолеть ни «любящей борьбой», ни «мудрой лояльностью», ни «Дуврским берегом». Им не поможет и оперативное вмешательство. Так, «что же делать?» и «что дальше?», когда и Лондон, и Тегеран «ждут своей бомбы»...

На эти вопросы у Пероуна ответа нет, как нет его и у Иэна Макьюэна. Рамочная конструкция романа завершается ровно там, где начинался этот субботний день Генри Пероуна – *on a darkling plain* супружеской постели. *Ah, love, let us be true/ To one another! «Нет ничего, кроме этого»* – черта, которую Генри Пероун подводит в завершении дня. *«Ведь мир... – угрюм, безрадостен, уныл, В нем ни любви, ни жалости; и мы, Одни, среди надвинувшейся тьмы, Трепещем»*. Нет ничего, нет рецепта спасения, нет Бога и, значит, нет надежды – слышен лишь «один тоскливый и протяжный рев отлива...». Впереди только старость и смерть, «записанная в хрупких протеинах».

В середине прошлого Карл Ясперс писал о человеческом уделе: *«Невыполнимая и все-таки единственная задача, которая остается еще сегодняшнему человеку, состоит в следующем: найти перед лицом ничто, на свой страх и риск, исходя из своих истоков, путь, на котором жизнь, невзирая на всю рассеянность в беспокойном метании, станет целостностью»*. Свою мысль Ясперс завершил в духе экзистенциалистского гуманизма – *«Как во времена мифических героев, все теперь как бы зависит от отдельного человека»* [23].

От отдельного человека теперь ничего не зависит, возражает Иэн Макьюэн. Пространство жизни редуцировалось до личной жизни, дома, семьи – единственной и бесспорной ценности «перед лицом ничто»: *«Нет ничего, кроме этого»*. Он и она. *«Одни, среди надвинувшейся тьмы/Трепещем»*...

Пероун и Розалинда – Пенелопа его возвращения из одиссеи одного дня. Да, и, разумеется, есть еще работа по зову сердца – не худший удел во все времена. Филемон и Бавкида долгих исканий Фауста.

Это ли тот путь, «на котором жизнь, невзирая на всю рассеянность в беспокойном метании», может стать «целостностью»? Осилит ли простая житейская мудрость, с которой «вернулись из своих мысленных странствий» Генри Пероун и Иэн Макьюэн, путь к целостности жизни?

В сумерках февральской субботы Генри Пероуна проступают очертания воскресенья: «Быть может, утро возродит в нем надежду на решительные действия. Сейчас он ощущает лишь страх» [2,395]. Быть может, не все так безнадежно. И, похоже, вся надежда на некую загадочную, дарованную природой моральному животному «струну», «которой он, Пероун, даже не может подобрать определения». Быть может она из того «великолепного набора моральных инструментов», о котором писал Роберт Райт – инструмент адаптации, созданный эволюцией. Быть может, в ней ответ на проклятые вопросы?

«Генри не в силах представить даже мало-мальски удовлетворительного ответа, но знает: однажды эта тайна раскроется – через десятки, может быть, сотни лет, если только останутся на земле ученые и научные институты. Путешествие уже начато, в лабораториях не так далеко от этой операционной кипит работа, и однажды трудный путь завершится. В этом Генри не сомневается. В сущности, это его единственная его вера. В подобном взгляде на жизнь есть величие» [2,361].

Мечта об окончательной теории человека не оставляет сциентиста. Наука продолжит свое восхождение в глубину природы человека, чтобы ответить на последний вопрос – проклятый вопрос о природе души морального животного. С такой надеждой расстается со своим героем Иэн Макьюэн, британский писатель, выразивший в романе «Суббота» тревожную атмосферу своего времени и его доминирующие уmonoстроения.

Список цитируемой литературы

1. Макьюэн Иэн. Невыносимая любовь / И. Макьюэн; пер. с англ. Э. Новикова. – М.: Эксмо, 2007.
2. Макьюэн Иэн. Суббота / И. Макьюэн; пер. с англ. Н. Холмогорова. – М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2007.
3. McEwan, Ian. Saturday – London, Vintage Books, 2006
4. McEwan, Ian. Atonement – London: Vintage Books, 2002.
5. Макьюэн И. Искушение; / пер. с англ. И. Дорнина. – М.: Эксмо, 2007.
6. Беллоу, Сол Герцог. – Penguin Classics, 2003
7. Берлин И. Назначение философии. Вопросы философии. – М.: Наука – 1999–№ 5. – С. 91–98.
8. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр: [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

9. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. – Екатеринбург, изд. Уральского Универ., 2000. – 68 с.

10. Дамасио, А. // Интервью с Антонио Дамасио. – [Электронный ресурс] – режим доступа [u=integral.livejournal.com](http://integral.livejournal.com)

11. Джумайло О. За границами игры: английский постмодернистский роман. 1980-2000 // Вопр. лит. – 2007- №5 - С.7-45.

12. Коплстон Ф. История философии. XX век. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. 269 с.

13. Милль, Дж. Ст. О Свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века); пер. с англ. А. Неведомский. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 288–392.

14. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике. – М., 2000. С.164–232.

15. Райт Р. Моральное животное. Почему мы такие, какие мы есть. Новый взгляд эволюционной психологии; пер. с англ. А. Протопопов – М., 2007. – 104 с.

16. Росту У. Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест; пер. с англ. В. Марченко. – Нью-Йорк: Прегер, 1961. – 242 с.

17. Уайнберг, С. Мечты об окончательной теории; пер. с англ. А. Берков. – Едиториал URSS, 2004. – 253 с.

18. Уилсон, Э. О природе человека; пер с англ. Т. Новикова. – М.: Кучково поле, 2015. 352 с.

19. Фуко, М. Воображаемое текста. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс, 1977

20. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек; пер. с англ. М. Левин. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.

21. Холтон, Дж. Что такое «антинаука»? / пер. с англ. Толстов А. Б. // Вопросы философии – 1992 – №2 – с.26–58

22. Чалмерс, Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. – М.: URSS, 2013. – 513 с.

23. Ясперс К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. М., 1994. – с.288–418.

24. Bradbury, M. The modern British novel. 1878–2001 / M. Bradbury. – London: Penguin books, 2001.

25. Bradley, A. The New Atheist Novel: Literature, Religion, and Terror in Amis and McEwan // The Yearbook of English Studies: Vol. 39. Literature and Religion. 2009. №1/2. P. 20–38.

26. McEwan I. Conversations with Ian McEwan / edited by Ryan Roberts. – University Press of Mississippi, Jackson, 2010. – 212 p. *Reviews:*

27. Bradley, James. A Detailed Life in the Day. Saturday, by Ian McEwan. The Age, February 12, 2005. [Электронный ресурс] – режим доступа allreaders.com.

28. Kirsch, Adam. A Thoughtful Novel for a Panicky Time/Saturday, by Ian McEwan. The Sun (New York), March 2, 2005. [Электронный ресурс] – режим доступа www.andyross.net

29. Smith Zadie. The Believer – Zadie Smith Talks with Ian McEwan. August 2005 [Электронный ресурс] – режим доступа www.believermag.com

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

РАЗВИТИЕ ИДЕИ БЕССМЕРТИЯ В ФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Красильников Владимир Анатольевич
старший преподаватель Набережночелнинского института
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Набережные Челны, Российская Федерация

THE DEVELOPMENT OF THE IDEA OF IMMORTALITY IN THE PHILOSOPHY OF THE SILVER AGE OF RUSSIAN CULTURE

Vladimir Anatolyevich Krasilnikov
Senior Lecturer at the
Naberezhnye Chelny Institute "Kazan (Volga region) Federal University"
Naberezhnye Chelny, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является раскрытие основных положений идеи бессмертия человека в учениях наиболее известных представителей направления отечественной философии – русского космизма. Ключевым методом исследования является структурный анализ содержания учений русских космистов. Результат исследования состоит в выведении выдвинутого космистами концепта бессмертного существования духовной субстанции человека в идеальном мире, во многом схожего с религиозно-философскими традициями православия. Обозначенные в русском космизме идеи бессмертия отражают общие подходы и элементы положений философии неклассического периода развития науки, закладывают основы для последующей интерпретации данного концепта в современной постнеклассической философии.

ANNOTATION

The purpose of the article is to reveal the main points of the idea of human immortality in the teaching of the most famous representatives of the direction of Russian philosophy called Russian cosmism. The key research method is the structural analysis of the content of the Russian cosmists' teaching. The result of the research consists in deducing the concept of the immortal existence of the man's spiritual substance in an ideal world put forward by cosmists which has much in common with the religious and philosophical traditions of Orthodoxy. The ideas of immortality identified in Russian cosmism reflect the general approaches and elements of the philosophies of the non-classical period of the science development, laying the foundations for the subsequent interpretation of this concept in modern post-non-classical philosophy.

Ключевые слова: бессмертие, русский космизм, бытие, человек, жизнь.

Key words: immortality, Russian cosmism, being, man, life.

На рубеже XIX и XX веков отечественные философы смогли предложить три варианта трактовки идеи бессмертия. Это версия основателей русского космизма, представителей школы метафизики всеединства и участников Религиозно-философских собраний [8, с. 178]. Относительное запаздывание в развитии новейших научных изысканий по вопросам жизни, смысла человеческого существования по сравнению с западной философией в отечественной культуре компенсировалось усиленной художественно-литературной разработкой данных проблем и неспециализированной рефлексией. Можно сказать, что размышления о бессмертии велись в пространстве фронта, на границе религиозного и поэтического дискурсов. Скептицизм в его крайнем рациональном варианте, когда речь шла о понятии бессмертия, был совершенно не свойственен русской рубежной философии. Это объясняется доминированием православной традиции, свободной от рациональной аргументации, как в пользу конечности человеческого бытия, так и бессмертия человека. Кроме того, идея бессмертия души всегда оставалась ядром православного мировоззрения, его положительно-оптимистической интенцией.

Особенно ярко данная черта проявилась в учении русского космизма. Его основоположник Н.Ф. Федоров [9, с. 383] убеждал не только в вероятности индивидуального бессмертия, но и в его необходимости сознательного утверждения данного постулата, его разработки и общественного обсуждения. Философ интуитивно догадывался о тех опасностях для отечественной религиозной традиции, для оптимистического мирозерцания человека, осмысленности его существования и нравственного здоровья, которые исходили от научно-технического прогресса. Знание, полученное современной наукой, по его мнению, тоже должно быть положительно осмыслено и применено с учетом православной культурной парадигмы.

По Федорову бессмертие, во-первых, есть результат совместной деятельности людей, несущей нравственный характер, базирующийся на итогах процесса познания «ученых», практических навыках и вере «неученых»; во-вторых, имеет распространение на когда-либо существовавших и всех ныне живущих людей; в-третьих, подразумевает вечную жизнь индивидуального человека, имею-

щего душу и тело. При этом, душа вследствие деятельности по воскрешению приобретает безгрешность, а обновленное тело получает такие характеристики, при которых исключаются дальнейшие заболевания, дряхление и смерть. Ввиду непосредственной связи между смертью и рождением, философ считал, что деторождение обновленному организму не будет свойственно, а высвободившаяся энергию жизни можно использовать для воскрешения усопших. Таким образом, Федоров органично совместил религиозный и сциентистский взгляды, сделав их в своей философской концепции равноправными.

Другой представитель русского космизма, К.Э. Циолковский, также придерживался сциентистских воззрений в вопросах решения проблемы бессмертия. К.Э. Циолковский был уверен, что способность к ощущениям и жизнь присущи даже атомам и их составляющим элементам. Отсюда тезис, что космос – живой и чувствующий. Для атомов смерти как бы и не существует, собственное бытие они субъективно воспринимают как безначальную и бесконечную, непрерывную жизнь в виде «блаженного существования». Циолковский утверждал, что человек живет бесконечно, однако с каждым разом в новой форме, а также без памяти о предыдущих существованиях.

Еще более научно ориентированной в плане утверждения возможности бессмертия человека, выступает теория ноосферы В.И. Вернадского. Он отмечал в своих работах «Начало и вечность жизни» и «Биосфера» [2, с. 244], что человеческий разум – продукт неизбежной эволюции Космоса как части вечного Бытия, породившего жизнь как планетарное явление. Человеческое бессмертие Вернадский видел в идеях, закрепленных в ноосфере. Но, подобно Циолковскому, он говорил о существовании определенных неуничтожимых тонких частиц, представляющих собой материальные носители разума.

После смерти человека они с неотвратимостью включаются в природный круговорот материи и энергии, и могут быть обнаружены повсеместно, в любом индивиду. По мнению Вернадского, это позволяет по-новому осмыслить понятие «бессмертие» и тезис о разуме человека как движущей силы мирового развития. На наш взгляд, Вернадского можно причислить к одним из основателей постнеклассической науки, поскольку он впервые с необходимой полнотой продемонстрировал в своих работах тезис об исторически возрастающем предназначении разума и жизни в Космосе и в физическом бытии нашей планеты. Объективированные идеальные структурные элементы типов и личностей (мысли, чувства, желания, установки) предыдущих эпох или «архетипы мышления и действия», своего рода эгрегоры, отражаются в жизнедеятельности современных людей, оставаясь практически бессмертными до момента гибели социума и запечатлеваясь в идеальных аспектах Бытия.

Концепцию В.И. Вернадского разделяют многие современные российские философы, которые полагают, что избыточность человеческого разума

и видовые нехватки в будущем приведут к появлению человека, создающего собственный мир по образу и подобию своему, не ограниченного предопределенностью животного существования и неизбежностью смерти. Кроме того, ряд отечественных философов считает жизнь вечной в структуре вечного Бытия, существующего в различных своих уровнях, формах и состояниях, что позволяет по-иному взглянуть на бессмертие человека.

Свое разрешение вопроса о бессмертии можно найти в трудах представителей школы метафизики всеединства. Так, В.С. Соловьев, в отличие от Н.Ф. Федорова, настаивает на том, что задача по достижению нетленного существования для всех людей превосходит естественные возможности человека и приводит к необходимости развертывания единства Бога и человека [7, с. 912]. Последователями Соловьева были внесены новые акценты в интерпретацию бессмертия. Согласно П.А. Флоренскому, физическая смерть приобретает позитивное значение как единственный путь отречения плоти от ее греховной стороны и духовного обновления: человек не оживет, пока не умрет [10, с. 250].

Еще один, пожалуй, самый специфический подход к идее бессмертия связан с работой В.В. Розанова – одного из основоположников знаменитых Религиозно-философских собраний. Усопшее тело в интерпретации религиозных взглядов этого философа, становится святым; необходимо вначале умереть на земле, чтобы познать тайны воскрешения, а это делает смерть необходимостью. Важным положением учения Розанова становится идея создания «религии семьи», освящения семьи, а значит, и таинства рождения. В миг зачатия, утверждает он, в мир капает капля «метафизического существа», а потому «секунда... зачатия – естественное построение ноуменального плана» человеческой души [6, с. 238]. Бессмертие в данной трактовке, фактически идентифицируется с продолжением рода.

При этом В. Розанов предвосхитил популярную в сегодняшние дни идею актуального бессмертия (бессмертие личности) тем, что отказывался интерпретировать идею бессмертия (посмертного воскресения) человека в значении преимущества абсолютного начала над земным началом. Он считал, что смысл творческих усилий человека в каждый момент его земной жизни нельзя умалить, как они трактуются в религии: «Воскреснуть – это как бы в секунде бытия хлебнуть столько жизни, почерпнуть такую глубь бытия, засверкать таким сверканием душевности, оживления, напряжения всех его способностей, что годы и века тягучей жизни «так себе» не могут пойти с этим в сравнение» [5, с. 361]. Бессмертие человека в контексте таких представлений состоит в его нерасторжимой связи со всем бытием.

Самобытная идея русских космистов, в соответствии с которой человечество, распространив свою деятельность за пределы Земли, реально способно достигнуть родового бессмертия, – и это является лишь вопросом времени и развития техники, породило грандиозную интеллектуальную деятельность, воплотившуюся в математические формулы

и технические решения. Общеметодологический итог заключается в том, что космисты отвергли наличие абсолютных ограничений развитию цивилизации и разума [4, с. 427].

Философские проблемы бессмертия лежат и в основе значительного пласта русской литературы рассматриваемого периода. О необходимости веры в бессмертие, без которой человеческая жизнь бессмысленна, повествует великий писатель и философ Л.Н. Толстой. Отрицание бессмертия приводит к общественному упадку, обострению многих социальных проблем. Будучи реалистом Л.Н. Толстой утверждает принципиальную невозможность привести доказательства в пользу существования загробной жизни, но само понятие бессмертия необходимо для культуры.

В русле православной религиозной традиции идеи бессмертия развивал И.А. Ильин [3, с. 430]. По его мнению, смерть – начало лучшей, новой жизни. Люди – существа грешные и несовершенные, лишь смерть может очистить от всего земного, низкого и возродиться к высшей жизни.

По мнению Н.А. Бердяева, сам факт неотвратимости смерти подтверждает существование другой жизни, являющейся вечной устремленностью к Абсолюту. Философ рассуждает о том, что раскрытие вечного элемента в душе означает вечность не только в будущем, но и в прошлом. «Если человеческая душа несет в себе образ и подобие Божье, если она есть Божья идея, то она возникает в вечности, а не во времени, в духовном мире, а не в природном мире» [1, с. 318].

Заслуживает внимания трактовка Н.А. Бердяевым проблемы в аспекте онтологической этики. Природный индивидуум, согласно ему, становится личностью (духовным существом, принадлежащим к нетленному миру) только в целостности мироздания, она сочетается с другими людьми и с космосом, а поскольку в духовном мире не может быть замкнутой личности – при этом лишь вид, род оказывается не абсолютно, но естественно бессмертным. Таким образом, бессмертие в философии русского космизма является эпифеноменом всеединства, целостности всего сущего.

В целом, философию Серебряного века в России нельзя назвать целостным и непротиворечивым

учением. Отказ от мысли о личном бессмертии сочетается здесь с признанием всеединства мира как условия родового бессмертия, реализм с утопией, религиозные православные постулаты с признанием широких возможностей науки, космическая духовная перспектива с игнорированием проблем, требующих анализа качества земных основ российской действительности. Вместе с тем, в истории культуры космическая устремленность философской мысли нередко давала толчок для работы практического разума и прогресса мировой цивилизации. Это подтверждает современная постнеклассическая наука, демонстрирующая выдающиеся результаты реализации возможности бессмертия в рамках, обозначенных трансгуманизмом.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О назначении человека (Опыт парадоксальной этики). – Париж: Современные записки, 1931. – 318 с.
2. Вернадский В.И. Биосфера. – М.: Издательский Дом «Ноосфера», 2001. – 244 с.
3. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 430 с.
4. Назаретян А.П. Русский космизм и современная прогностика // Вестник российской академии наук. – 1998. – Т. 68. – №5. – С. 427-436.
5. Розанов В.В. Вечная тема: собр. соч.; Во дворе язычников. – М.: Республика, 1999. – 361 с.
6. Розанов В.В. Религия и культура. – М.: Правда, 1990. – 1 т. – 238 с.
7. Соловьев В.С. Философское начало идеального знания. – Мн.: Харвест, 1999. – 912 с.
8. Суворова О.С. Тема бессмертия в отечественной религиозной философии рубежа XIX-XX в.в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 12 (26): в 3-х ч. – С. 178-183.
9. Федоров Н.Ф. Сочинения. – М., 1982. – 711 с.
10. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной феодицеи в двенадцати письмах священника Павла Флоренского. – УМСА-Press, 1989. – Репринт: Москва: Путь, 1914. – 250 с.

УДК: 291.1:130.2:2.

ТЕМА ДУХОВНОГО ПОИСКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА СОЗНАНИЯ КРИШНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ РАДХАНАТХА СВАМИ «ПУТЕШЕСТВИЕ ДОМОЙ. АВТОБИОГРАФИЯ АМЕРИКАНСКОГО ЙОГА»)

Леснянский Денис Александрович

Аспирант кафедры философии

Забайкальский государственный университет, г. Чита

[DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.49-54](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.49-54)

АННОТАЦИЯ

Тема богоискательства занимает центральное место в повести наставника Международного общества сознания Кришны Радханатха Свами «Путешествие домой». В статье приведен подробный анализ повести и ее философское осмысление, поскольку в наше время существует проблема выбора религии среди мно-

жества традиционных и нетрадиционных религиозных движений. Повесть содержит философские вопросы, возникающие у каждого человека при выборе религии, духовном поиске и разрешении тех внутренних проблем, которые человек пытается разрешить с помощью религии.

ABSTRACT

the theme of God-seeking is central in the story «Journey home» by Radhanath Swami, the mentor of the International Society for Krishna Consciousness. The article provides a detailed analysis of the story and its philosophical understanding, because in our time there is a problem of choosing a religion among the many traditional and non-traditional religious movements. The story contains philosophical questions that arise in every person when choosing a religion, spiritual search and resolution of the internal problems that a person tries to solve with the help of religion.

Ключевые слова: новые религиозные движения, НРД, Международное общество сознания Кришны, МОСК, ИСККОН, Радханатха Свами, богоискательство, духовный поиск, религиозная литература, религии, религиоведение, философия религии.

Keywords: new religious movements, NRM, International Society for Krishna Consciousness, ISKCON, Radhanatha Swami, God-seeking, spiritual search, religious literature, religions, religious studies, philosophy of religion.

Повесть Радханатха Свами «Путешествие домой» представляет собой воспоминания одного из самых знаменитых учителей бхакти-йоги, принадлежащего Международному обществу сознания Кришны. Книга описывает нелегкий путь паломничества автора в Индию в поисках религии, способной дать ответы на все его философские вопросы. Повесть содержит описание не только самого путешествия, но и мысли, рассуждения героя, постепенно приводящие его к выбору того религиозного учения, которое, на взгляд автора, помогает ему постичь бога. Повесть содержит описание множества мест, где побывал герой, а также рассказывает не только о вероучении МОСК, но и множестве других традиционных религий и йогических учений.

О своем путешествии в книге «Смирение» Радханатха Свами пишет: «Когда мне было 19 лет (это было в 1970 году) я отправился искать Бога и все мои скитания привели меня в Индию. Около года я жил в Гималайских пещерах, пытаюсь стать йогом и поклоняюсь господе Шиве. Одновременно с этим я практиковал буддизм. Из Европы в Индию я добирался на попутных машинах. За это время я изучил христианство, иудаизм и ислам. По милости Кришны я приехал во Вриндаван и жил год во Вриндаване, а через шесть месяцев уда приехал Шрила Прабхупада, и именно там я принял его своим духовным учителем» [5, с. 22].

Обратимся к краткому содержанию повести, с целью провести анализ тех ключевых событий, которые привели героя повести к принесению его обетов и обретению им веры.

Повествование автор начинает со своего детства, когда он впервые начинает испытывать духовных кризис, встречается ненавистью на религиозной и национальной почве. Кумирами мальчика, росшего в американской семье среднего достатка, были бедные и обездоленные, ему было стыдно иметь то, чего лишены другие. Поскольку оба родителя героя имели еврейское происхождение, он получил духовное иудейское образование. Подрастком герой видит нищету, расовую дискриминацию, алкоголизм, его друг гибнет в автокатастрофе, что повлияло на появление первых вопросов о смысле жизни. Сам автор пишет об этом: «тогда я

всерьез задумался над тем, кто я и для чего я живу» [3, с. 20-21].

В юности автор окунулся в контркультур 60-х. Длинные волосы, отвержение ценностей предыдущих поколений, употребление марихуаны и ЛСД были не просто данью моде, а открытым протестом обществу.

На протяжении всей повести автор пишет, насколько большую роль для него играют знаки, подталкивающие его к духовному поиску. Первыми из них были песня Джонни Риверза «Look to Your Soul for the Answer» («Посмотри в свою душу, чтобы найти ответ») и книга «Великие религии мира», которой автор зачитывается, утоляя жажду духовных знаний. Так он открыл для себя медитацию на священный слог Ом, что стало одним из первых опытов духовной практики. Индивидуальную мантру для медитации он получил на лекции Махариши Махеш Йоги, посвященной трансцендентальной медитации.

По словам автора, он «стремился разрушить преграды, разделявшие людей и открыть потаенную суть всех религий, познать единство Бога» [3, с. 23]. Одной из возможностей стало участие в марше за защиту гражданских прав чернокожих.

Путешествие героя начинается в девятнадцать лет, когда он с друзьями Гэри и Фрэнком уехал в Европу на летние каникулы вопреки запретам родителей [3, с. 28-29]. В Люксембурге у Фрэнка крадут деньги, поэтому он возвращается в Америку. В Амстердаме герой впервые встречается с кришнаитом, который предлагает ему прасад, то есть вегетарианскую пищу, которую предлагают Кришне [3, с. 34]. Учитывая отсутствие денег и неопределенность, спасительные круги на пароме, везущем героя в Великобританию, воспринимаются им как символ его спасения.

За время путешествия по Европе герой из религиозного интереса посетил множество храмов, соборов и церквей. Давление группы хиппи вынудило героя курить гашиш и марихуану, но подражание группе закончилось тогда, когда во время чтения библии в церкви Святого Мартина он наткнулся на наставление Иисуса «И потому выйдите из среды их и отдалитесь». В кафедральном соборе Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции, он

молился о том, чтобы бог указал ему путь, ощущая благоговение перед христианскими святынями, фресками и евангелием [3, с. 45-46]. Впечатление от этого было настолько сильным, а духовная жажда настолько неутолимой, что он отказывается от отношений с понравившейся ему девушкой Ирэн, очарованной его игрой на губной гармонике. Она искала человека, близкого по духу, и просит героя взять ее с собой на поиски смысла жизни и бога, что приводит к душевным терзаниям героя. Встреть он ее днем ранее, то у него не было бы сомнений, но так как он наполнился божественной благодатью в соборе и решил посвятить жизнь богу, то решил отказаться от отношений с Ирэн, вдохновляясь примерами святых, лам, йогов, что отреклись от мира ради просветления.

В Риме герой знакомится со старым монахом в ветхой сутане, который ранее был членом аристократической семьи и вел греховную жизнь в молодости, но смерть всех членов семьи привела его к переосмыслению жизни, подтолкнула к духовным поискам и вступлению в монашеский орден францисканцев. Герой задает вопрос о вражде иудеев и христиан, на что монах отвечает: «Сын мой, есть только один Бог. Все религии учат, как любить Его и повиноваться Ему. Лишь маловерие, эгоизм или борьба за власть и влияние вынуждают людей ссориться друг с другом из-за поверхностных теологических различий» [3, с. 51]. Идея о том, что все религии в равной степени проповедуют веру в одного и того же бога, встречается в повести неоднократно. Потрясенный встречей с монахом-францисканцем, герой отправляется в город Ассизи, в паломничество по местам, связанным с жизнью святого Франциска. Поездка в Помпеи повлияла на решимость следовать духовным путем, укрепив веру героя в бренность бытия, как и в то, что нельзя откладывать поиски смысла жизни.

Определенные события в жизни герой воспринимает как уроки, посланные богом для духовного совершенствования. Например, в Риме герой крадет из магазина самоучитель по игре на губной гармонике, а после осуждает друга, укравшего распятие в церкви, однако вскоре понимает, что осуждая друга за тот же грех, он сам действует как лицемер.

На острове Крит герой слышит внутри себя голос, повелевающий ему отправиться в Индию, который он воспринял, как ответ бога на его мольбы указать ему путь. Его друг Гэри в это же время услышал повеление отправляться в Израиль. Так, веря в свое предназначение, герой расстался с лучшим другом, отдав ему свой жилет как символ того, что он расстается со своим прошлым, начиная новую жизнь, а также отказывается от прозвища «Манк», представляясь новым друзьям Джэффу и Рэмси своим настоящим именем Ричард.

В странах, где преобладающей религией является ислам, герой также обрел множество знаний. В турецкой чайхане он понял, с каким сильным религиозным чувством нужно произносить имя бога, когда один из посетителей заставлял его кричать «Аллах» и стучал по столу [3, с. 79-80]. В Иране герой гостил у семьи мусульман и его потрясло

наблюдаемое им впервые поклонение богу, когда вся семья с благоговением пять раз собиралась на молитву [3, с. 82]. Религия, занимающая большое место в жизни мусульман, по словам героя, придает им внутреннюю красоту. Его очень вдохновляли духовные ценности простых мусульман и их любовь к богу [3, с. 89]. Все это привело к тому, что герой, вспомнив свою семью, понимает, как скучает по ним и пишет письмо домой, в котором просит не волноваться за него и рассказывает, что устал от взглядов западного человека и решил посмотреть на жизнь глазами человека Востока.

В Мешхеде герой знакомится с исламским богословом Ибрагимом, рассказавшем ему основы вероучения ислама [3, с. 90-92]. Герой, наблюдая картины нищеты и высокой духовности в Афганистане, осознает свое духовное начало [3, с. 94-96]. В Кандагаре мангуст торговца Хариза забирается в длинные густые волосы героя и засыпает, а так как спящего мангуста будить нельзя, герою пришлось всю ночь терпеть его тяжесть у себя на шее, а насекомые жалили его голову и лицо. Спустя несколько часов герой понимает, что это испытание послано ему для научения его терпению [3, с. 97-99]. Герою свойственно самоуничтожение, потому что, находясь в духовном поиске и наблюдая за тем, как молятся мусульмане, обретшие свою религию, он сравнивает себя с животным, не знающим своего духовного пути [3, с. 104].

Один из обетов, который дают последователи МОСК, это обет не вступать в половые отношения вне брака и без цели зачать детей. Герой дает такой обет после приставаний женщины из Голландии в Кабуле [3, с. 109]. Он также дает обет никогда не принимать наркотики, после увиденной им сцены курения гашиша стариками до потери сознания. Наблюдая за коровой и теленком, герой сам приходит к решению стать вегетарианцем, таким образом, дав еще один обет, понимая, что животные это тоже дети бога, и видя связь между тем, что он ест и страданиями других живых существ [3, с. 126].

Подобные случаи воспринимаются как уроки, помогающие герою на его духовном пути, которые он воспринимает также как взросление, говоря: «За шесть месяцев, проведенных в Европе и на Ближнем Востоке, я повзрослел лет на тридцать» [3, с. 111].

Герой находит для себя ответ на вопрос, почему существует множество религий. Он обжег себе язык перцем чили, который спокойно ели индейцы. Он вспомнил, что пища одного человека – яд для другого, то есть, то, что доставляет удовольствие одному, другому причиняет страдания. «Восприятие этого мира весьма относительно и зависит от субъективного опыта. Поэтому Бог, который является Высшим Абсолютом, разным людям являет Себя по-разному» [3, с. 125].

Посещая лекции и конференции йогов, герой знакомится с учителем Кришнамурти, который вдохновил его искать собственный путь постижения бога и истины, не опираясь на учения гуру. «В Индии слишком много гуру. Они диктуют нам что

делать, о чем думать и чем заниматься. Они – диктаторы. Истина – это неизведанная страна, а йога, с ее дыхательными и гимнастическими упражнениями, – всего лишь психосоматическая акробатика. Ашрамы и монастыри – концентрационные лагеря для ума. Никакая организация и никакая религия не принесут вам просветления. Вы не обретете его ни с помощью каких-то догм, ни благодаря священнослужителям или ритуалам, ни изучением философии или психологических практик. Просветление нужно искать в собственном уме, наблюдая за его работой. Оно приходит благодаря созерцанию, а не благодаря интеллектуальному анализу или логическим умозаключениям» [3, с. 135-136].

Одним из видов медитации в индуизме и других религиях это медитация на изображения божеств. Например, в православии верующие медитируют на иконы, а в католичестве – на картины с религиозной тематикой, поскольку такие изображения возбуждают религиозное чувство. Герой также медитировал на изображения божеств, изображенных на репродукциях, а особенное воздействие на него оказало изображение Кришны [3, с. 138].

Первое паломничество в Гималаи стало новой страницей в духовном поиске героя. В «Миссии божественной жизни» от гуру Свами Чидананды Сарасвати он узнал о практике джапа-медитации – повторении мантр, перебирая бусины четок [3, с. 141]. У берега Ганги незнакомец дал ему одежду садху (послушника) – лунги и чадавр, а европейскую одежду выбросил в Ганг, что символизировало для героя становление Ганги его матерью [3, с. 143]. Неподдалеку от ашрама Веда-Никетане герой нашел пещеру и жил в ней, каждый день медитируя на камне, окруженном Гангом, дав обеты молчать в течение месяца и есть каждый день одну морковь, что дарил ему старик, продававший ее возле пещеры. Сама река представлялась ему изменяющимся потоком жизни и духовным путем, отдавшись которому, ученик попадает с его потоком в океан духовной истины [3, с. 146]. Ради этого пути герой отдает Гангу в жертву свою губную гармонику, которая очень дорога ему, но стала для него препятствием, поскольку он испытывал к ней материальную привязанность. Он говорит: «отдавая тебе самое дорогое, я хочу тем самым вручить Богу свое недостойное сердце» [3, с. 148]. Тогда же герой получает маха-мантру во время медитации, услышав ее пение из глубины Ганга, хотя и не понял что это за слова [3, с. 149].

Йог Махавирдас Тат Валла Баба, с которым познакомили героя, рассказал ему о природе реальности, которая является иллюзией (майей), и о повсеместном пребывании бога, искать которого не нужно, поскольку бог живет в сердце каждого человека [3, с. 155]. Такое представление о материальном мире как об иллюзии соответствует вероучению МОСК.

В своем путешествии по Гималаям герой встретил толпу прокаженных, которых он старательно избегал, однако преклонил голову перед прокаженной пожилой женщиной, благословившей

его, что растрогало и привело его к размышлениям о том, насколько внешность скрывает душу и внутренний мир [3, с. 159-161]. Этот эпизод напоминает христианский рассказ о встрече святого Франциска с прокаженным.

Кайлаш Баба научил героя, как выживать в джунглях, питаясь рисовыми хлопьями, и рассказал ему о пантеоне индуистских богов. Здесь же состоялась встреча с женщиной гуру Анандамои Ма, общиной нагов, Балашива Йогом.

Путешествие по Гималаям отрицательно отразилось на физическом здоровье героя и было очень тяжелым, поскольку он был вынужден терпеть холод и спать на холодной земле без теплой одежды, был беззащитен перед насекомыми и дикими животными, а в случае болезни ему не к кому было обратиться за помощью [3, с. 170]. Он сравнивает себя с пчелой, поскольку странствует в поисках нектара духовной мудрости. Слыша плач младенца, он молится о том, чтобы взывать к богу так же искренне, как ребенок, зовущий мать [3, с. 171]. По словам самого героя, прощаясь с Гималаями, у него было ощущение, что там он провел лучшее время в своей жизни [3, с. 182].

После паломничества в Гималаи, герой приехал в Нью-Дели, где встретил своего старого знакомого и понимает, насколько его духовные упражнения и странствия изменили его, поскольку его знакомый казался ему скучным, поверхностным, а потому герою хотелось уйти от него [3, с. 183]. Этот пример показывает насколько человек, продвигающийся по пути духовного самосовершенствования, может отличаться от своего окружения, которое может тормозить его развитие. Поэтому в литературе МОСК, например, в книге «Вриндаване бхаджана», говорится о том, что связи с родственниками и друзьями принадлежат материальной природе, а потому следует порвать с мирскими отношениями ради служения богу [2, с. 14].

На берегу Ганги, в городе Варанаси, герой наблюдает за обрядами кремации умерших, что помогает ему понять бренность тела и ценность души. Сам он в это время живет на подаяние, ночуя на берегу или под деревом.

В Бодх-Гае герой проходит обучение у японского гуру дзен-буддизма, что помогает ему совершенствоваться в медитации, однако он отказывается обрить голову, поскольку решает не посвящать свою жизнь практике дзен-буддизма [3, с. 190-192].

Большим потрясением для героя было жертвоприношение черного козла богине Кали, что шло в противоречие с его представлениями о духовных практиках и всем тем умиротворением, которое он наблюдал у встреченных им гуру и йогов [3, с. 195-196].

В Калькутту герой приезжает специально ради встречи с Матерью Терезой, которая, будучи христианкой, научила его черпать силу в имени бога, рассказала о силе божественной любви, а также проповедовала: «Бог любит тебя. Вспоминай о Нем с благодарностью» [3, с. 198-200].

С вероучением кришнаизма герой впервые встречается в Бомбее. Ему в руки попадает книга, в

которой изложен один из постулатов МОСК: «Кришна – Бог, потому что Он привлекает всех. Того, что не является всепривлекающим, нельзя назвать богом» [3, с. 203]. Там же состоялась его встреча со Шрилой Прабхупадой, основателем МОСК, от которого он узнал о Харе Кришна махамантре, которую до этого он услышал из Ганга. Его поразила доброта ачарья-основателя и, по его словам, голос в глубине его сердца произнес, что он нашел своего гуру. Проведя несколько дней среди последователей МОСК, герой понял, что должен выбрать какой-то один путь, не понимая, боязнь, ответственность или легкомыслие до сих пор не давало ему сделать выбор в пользу одного учения или одной религии. Однако в герое еще было сильным желание встретиться с другими гуру и просветленными душами. Он пишет: «ведь у меня должна возникнуть глубокая убежденность, как на уровне разума, так и на уровне сердца, прежде чем я смогу, оставаясь честным перед самим собой, выбрать какой-то один путь или какого-то одного гуру» [3, с. 209]. Герой встречал на своем пути немало искателей духовности, черпавших множество информации и практик из различных традиций и от разных учителей, но глубина их духовных познаний не впечатляла его. Напротив, все люди, поразившие героя своей духовностью, были стойкими приверженцами одного духовного пути.

Поэтому герой предпринимает второе путешествие в Гималаи. От гуру Свами Муктананды он узнал учение о чакрах – энергетических центрах человеческого организма, шакти – духовной силе, кундалини – космической энергии, которая заложена у каждого человека в основании позвоночника.

Одна из важных заповедей христианства, учащая не осуждать других людей, открылась герою, когда на берегу он встретил туристов, употребляющих наркотики. Как говорит сам герой, он не желал подобных мыслей, выдавших его гордыню, другой христианский грех [3, с. 216].

Значительным эпизодом была для героя встреча с Далай-ламой, который рассказал ему, что истинная дхарма – это готовность пожертвовать собой ради блага других, а сострадание – это неотъемлемая черта всех религий [3, с. 222-223]. Здесь же, в Гималаях, герой научился побеждать свой страх. Он жил в пещере, куда часто приползали скорпионы и пауки, а медитируя в лесу, он видел ползущих кобр. В таких случаях он понимал, что из соображений собственной безопасности, ему лучше не шевелиться и, таким образом, он преодолел свой страх [3, с. 224].

Отметим также, что герой заботился не только о своём собственном духовном росте. Например, он написал отцу письмо, в котором просит его сохранить приверженность к иудаизму, а медитация поможет глубже проникнуть в суть этой религии, которая, как и другие религии, способна приблизить к богу. В письме он также делает акцент на том, что эта религия унаследована отцом от предыдущих поколений: «Пожалуйста, продолжай черпать воодушевление в религии своих предков» [3, с. 224-

225]. Самая почитаемая в МОСК книга – это «Бхагавад-гита», часть Махабхараты, потому что именно в ней Кришна, в форме беседы со своим другом Арджуной, рассказывает о принципах бхакти-йоги (искусству поклонения богу) и говорит о том, что он есть величайшее и наиболее полное проявление верховной личности бога, хотя в традиционном индуизме Кришна считается лишь одним из воплощений бога Вишну [1]. Оказавшись на Курукшетре, месте, где и происходила беседа Арджуны и Кришны, герой погрузился в изучение Бхагавад-гиты, в которой он нашел ответы на многочисленные вопросы, возникшие у него во время духовных поисков. Герой всюду искал знаки и извлекал уроки из всего, что с ним происходило. Например, после того как у него украли тяжелую сумку с книгами, которую он носил с собой повсюду, он понял, как легко ему стало идти. Отсюда он сделал для себя вывод о том, что привязанности к материальному не позволяют идти легко по духовному пути [3, с. 233-234].

В книге поднимается тема религиозного конфликта. В Айодхье герой наткнулся на мечеть, охраняемую вооруженными солдатами, а неподалёку, за ограждением, садху пели мантры богу Раме. На этом месте ранее был храм Рамы, но завоеватели из династии Великих Моголов поставили здесь мечеть. С тех пор между индусами и мусульманами не стихают споры по поводу данной территории. Герой же находится в недоумении, как «во имя бога» люди могут идти на военные конфликты с приверженцами другой религии, которая в той же мере учит вере в бога [3, с. 235-237]. В Патне знакомый героя, Нараян Прасад, познакомил его со своим другом мусульманином, который принял ислам, потому что не был согласен с кастовой системой индуизма. О конфликте религий он сказал весьма поучительные слова: «Собака узнает своего хозяина в любой одежде. Если мы не способны узнать Бога, нашего возлюбленного хозяина, когда он облачен в другие одежды - одежды из другой религии, – то мы хуже собаки» [3, с. 248]. Сам же Нараян Прасад рассказал герою о детских забавах Кришны, а также о том, что он является почитателем Кришны, хотя сам еще не знает об этом, но придет время и герой осознает это [3, с. 231].

В повести также есть пример того, что можно назвать "темной магией", использование духовных сил во имя зла. Например, странник Васудева рассказал, что вынужден скитаться, опасаясь йога, использующего ритуалы черной тантры, чтобы завладеть его душой. По словам Васудевы, только практика повторения имен бога помогла бороться с ритуалами черных тантриков [3, с. 262-267].

Затронут в романе и вопрос о природе бога. Например, Сита-Рама Баба объяснил герою, что у бога не может быть меньше индивидуальности, чем у человека, поэтому бог является верховной личностью, а не просто всемогущей и бестелесной силой [3, с. 273].

Во Вриндаван, священный город для последователей вишнуизма, кришнаизма и МОСК, герой

попадает после встречи с другом Гэри, отправившемся в Израиль в поисках своего духовного пути, но приехавшим в Индию с компанией хиппи. Герой уговаривает его встать на духовный путь, отринув все материальные привязанности, особенно привязанности к друзьям, употребляющим наркотики. В городе Матхур они попадают на празднование Джанмаштами, дня рождения Кришны, где узнают о Кришне больше информации и далее едут во Вриндаван. Там герой встречает вайшнавов, преданных Кришны, от которых он узнает основы вероучения кришнаизма, упражняется в духовных практиках, а также снова встречает Шрилу Прабхупаду, основателя МОСК. Спустя некоторое время герой понимает, что нашел свой путь постижения бога и стал последователем общества сознания Кришны.

Поскольку индийская виза героя закончила срок своего действия, он был вынужден вернуться в Америку к родителям спустя два года после начала путешествия. В послесловии описывается дальнейшая судьба героя, а именно – его становление одним из лидеров и наставников МОСК.

Таким образом, книга является описанием нелегкого процесса богоискательства человеком, субкультура которого была открыта для восприятия всякого религиозного и оккультного знания. Например, среди хиппи чрезвычайно было распространено учение New Age, которое является несистематизированным и крайне эклектичным. По этой причине герой отправляется на поиски древних учений, способных дать ему ответы на во-

просы, волнующие его. Стоит отметить, что руководством в его пути были не только разум и логика, но также интуиция, а выбор герой делал сердцем. Вот почему, не смотря на собственное утверждение о правильности всех религий, герой исключил для себя иудаизм, христианство, ислам, буддизм и другие религии, пока не понял на какое учение и на какие молитвы отзываются его сердце и душа. Безусловно, поиск пути к богу занимает любого верующего человека в большей или меньшей степени и нам известны и другие примеры личностей, нашедших свою религию, которая была им по душе или которую они выбрали благодаря каким – либо знакам и знамениям. Повесть полезна для таких искаателей еще и тем, что поднимает множественные философские вопросы, на которые должна отвечать та религия, которую человек избирает для себя. Сам же герой может служить примером для тех, кто находится в начале своего пути богоискательства.

Список литературы:

1. Бхактиведанта Свами Прабхупада, А. Ч. Бхавад-гита как она есть; пер. с англ. – М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2007. – 816 с.
2. Джаяпатака Свами. Вриндаване бхаджане; пер. с англ. – Майяпур: BBT, 2008. – 140 с.
3. Радханатха Свами. Путешествие домой. Автобиография американского йога; пер. с англ. – М.: Арт Дизайн +, 2012. – 432 с.
4. Радханатха Свами. Служите вайшнавам! О системе наставников. – М.: Гауранга, 1999. – 48 с.
5. Радханатха Свами. Смирение: Сборник лекций. – М.: Философская книга, 2008. – 208 с.

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ИСЛАМЕ

Надеева Марина Иосифовна

*доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы, педагогики и психологии
Казанского научно-исследовательского технологического университета*

АННОТАЦИЯ

Изложены основы нравственных ценностей ислама, даны представления о теории и практике благотворительной работы.

ABSTRACT

Sets out the basis of the moral values of Islam given ideas about the theory and practice of charitable work.

Ключевые слова: социальная работа, этика ислама, мусульманская благотворительность.

Keywords: social work, ethics of Islam, Muslim charity.

Социальная работа имеет богатую историю и охватывает широкий круг вопросов – от духовного наследия до конкретных практических проявлений. Социальная работа как институт является важнейшим элементом, характеризующим современный тип государства и общества. Социальная работа как феномен связана со многими социально-политическими преобразованиями в мире. Однако глубинный смысл социальной работы, ее основа заложены в сострадании, сочувствии и любви к человеку, в желании пробудить в нем силы для возрождения, новой жизни. В основе социальной работы лежит активное, деятельное начало, заключающееся в сострадании и реализующееся в милосердии и благотворительности. Поэтому для понимания социальной работы как феномена необходимо, в первую

очередь, рассматривать милосердие и сострадание под углом духовного, культурного, историко-политического, социально-экономического опыта общества.

Истоки социальной работы как филантропической деятельности лежат в области религии и этики. В качестве религиозных предпосылок социальной работы следует отметить общие гуманистические принципы, характерные для всех религий. Это сострадание, любовь к ближнему, благотворительность, сочувствие, помощь страдающим. Все мировые религии объединяют человеколюбие и сострадание как нравственные основания веры.

Милосердие в исламе имеет два направления: божественное, связанное с покровительством, защитой и помощью всему сущему, и человеческое

милосердие, которое заставляет следовать заповедям Бога [1, с. 4].

Процесс возрождения ислама в мире и в России противоречив, недостаточно изучен, поэтому требует своего дальнейшего исследования, так как возрождение морально-этических, нравственных норм религии вообще и ислама, в частности, может, на наш взгляд, заметно повлиять на духовно-нравственное оздоровление общества. Кроме того, ислам является существенным фактором сохранения национального самосознания татар, башкир, дагестанцев, других тюркских народов и этносов, придерживающихся исламского вероисповедания. Ислам как фактор мотивации социального поведения мусульман оказывает влияние на различные стороны поведения, как отдельной личности, так и общества в целом.

Идеология ислама формировалась как целостная мировоззренческая система взглядов и образа жизни. Поэтому ислам выходит за пределы обычного вероучения и представляет собой сложный социально-культурный феномен, главными элементами которого являются: система догматических основ религии – калам; система правовых, нормативно-регулятивных, социально-нравственных и экономических предписаний – шариат [2, с. 125-128]; обрядово-культурная система.

Исследование мусульманской благотворительности как отдельного вида благотворительной деятельности обусловлено наличием особых ценностей благотворительности, заключенных в исламском вероучении, наличием особых форм осуществления благотворительности, присутствием среди верующих понимания дара как исламской ценности и установки на поддержание этих ценностей.

Известно, что ислам, как и другие мировые религии, уделяет огромное внимание формированию высоконравственной личности. В Коране и Сунне определены самые различные моральные нормы, которые охватывают жизнь человека от рождения до самой смерти. Постоянное нравственное совершенствование вменяется в обязанность каждому правоверному. В соответствии с вероучением, Аллах, будучи сам милостивым и милосердным, требует и от мусульман проявлять такие же качества. При этом в Коране речь идет не только о сопереживании, сочувствии попавшему в сложное положение, но и об оказании ему реальной бескорыстной помощи и поддержки. В изречениях пророка речь идет об обязанности мусульманина проявлять гуманное отношение к побежденному, к рабу, прощать обиды, об отказе от получения долга, если человек находится в затруднительном положении, а также о проявлении готовности помочь не только тому, кого постигло несчастье, но и тому, кого охватили благородные устремления.

В религиозной морали ислама выдвигаются пять нравственных императивов – обязанностей личности:

1) перед Аллахом, что предполагает выполнение предписаний веры;

2) перед собственной совестью, что опирается на внутренние мотивы и требует самопознания;

3) перед семьей – добросовестное выполнение сыновнего долга перед родителями, а также родительских функций перед собственными детьми;

4) перед государством и народом – выполнение гражданского долга и иных функций, необходимых для сохранения общества;

5) перед всем человечеством, что выражается в осознании своей неразрывной связи как части с целым.

Мораль предписывает каждому человеку знание и соблюдение этих императивов. Самым важным и определяющим свойством моральных обязанностей считается безусловное и абсолютное повеление совести (виждан).

Этический аспект ислама составляет один из наиболее значимых сторон этой религии. Пожалуй, не будет преувеличением даже то, что все мировоззренческие, философские установки ислама (и уж тем более бытовые, культовые рекомендации), в конечном счете, направлены на религиозно-нравственное совершенствование человека – мусульманина.

В структуре мусульманской теологии традиционно выделяют четыре четверти: ибадат (поклонение), адат (обычай), махликат (пагубные действия, пороки), мунджийат (пути спасения). Ибадат охватывает основы вероучения и культа, определяет отношение людей к Аллаху. Остальные три четверти – моральная часть исламской теологии – правила взаимоотношений людей друг с другом, охватывают вопросы индивидуальной, семейной и социальной этики мусульман.

Очень важным и необходимым для правоверного человека Коран считает такую степень благодеяния, когда доброта проявляется ко всем, даже посторонним людям так, как к родным: «Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие – кто уверовал в Аллаха, и в последний день, и в ангелов, и в писание, и в пророков, и давал имущество, несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов, и выстаивал молитву, и давал очищение, – и исполняющие свои заветы, когда заключат, и терпеливые в несчастии и бедствии и во время беды, – это те, которые были правдивы, это они – богобоязненные» [3, 97: 2-172].

Правила поведения мусульман состоят из прав и обязанностей, которые шариат делит на четыре вида: права Бога, права личности, права других людей, права всех созданий. Кратко рассмотрим их.

Правами Бога являются следующие: человек должен верить в него одного, от всего сердца принимать его руководство, честно и безоговорочно ему поклоняться и повиноваться.

Права личности сводятся к тому, что шариат запрещает все то, что угрожает физическому, моральному и умственному состоянию человека. Бог доверил человеку определенный отрезок времени, и он должен его использовать наилучшим образом, а не разрушать по своему усмотрению.

Права всех людей заключаются в следующем: шариат предписывает выполнение личных прав человека, но при этом не должны нарушаться права других людей. Ислам строго запрещает ложь, воровство, мошенничество, клевету, азартные игры, спекуляцию. Запрещены все виды эксплуатации в торговле, монополия, черный рынок. Криминальными считаются убийство, причинение повреждений, разрушение. Строго запрещается прелюбодеяние, супружеская неверность. В мирном и благополучном обществе люди должны сотрудничать. Мусульмане должны уважать чувства других, избегать оскорбительных слов, помогать и поддерживать друг друга, помогать беспризорным и вдовам, кормить голодных. В отношениях с не мусульманами мусульмане не должны быть нетерпимыми и ограниченными, а жить в мире и дружбе.

Права всех созданий трактуются следующим образом. Бог наделил человека властью над его бесчисленными созданиями и правом использовать их в своих интересах [4, с. 126]. Что касается этих прав, ислам (шариат) включает много предписаний. Так, разрешено убивать животных для питания, но запрещено убивать их лишь ради забавы или спорта. Ислам разрешает убивать опасных зверей лишь потому, что человеческая жизнь стоит больше, но и в этом случае не разрешается убивать длительным и мучительным способом. Что касается зверей и животных, используемых для перевозки грузов, верховой езды или транспорта, ислам запрещает держать их голодными, истязать или перегружать. Запрещается ловить птиц и держать их в клетке без надобности. Ислам не одобряет бесполезный сруб деревьев, поток воды.

Шариат запрещает все то, что вредно для человека, и разрешает то, что полезно и в интересах людей. Фундаментальный принцип шариата заключается в том, что человек имеет право, а в некоторых случаях обязанность, удовлетворять свои потребности и желания. Но осуществлять все таким образом, чтобы не только не наносить вред и ущерб другим людям, но стремиться к социальной сплоченности и взаимной помощи в достижении своих целей. Основной подход шариата – выбирать меньший вред ради большей пользы и жертвовать незначительной пользой в избегании большого вреда.

Важным исходным началом шариата служит конкретизация идеи дозволенного (мустахиб, халляль) и запрещенного (харам) Аллахом в делении всех поступков человека на 5 категорий: обязательные (фарз), рекомендуемые (суннат), разрешенные (мухоб), порицаемые (макрух) и запрещенные (харам). Причем применительно к религиозному и мирскому поведению преобладают разные оценки.

Так, шариат предьявляет строгие требования, главным образом, к выполнению мусульманами религиозных обязанностей и соблюдению культовых запретов, а по отношению к светским делам занимает несколько иную позицию. Здесь ведущим является стремление шариата чрезмерно не обременять человека, не сковывать его жесткими ограничениями, в чем отражается характерная для шариата склонность к умеренности и неприятию

крайностей. Это подтверждается следующими положениями Корана: «Аллах хочет для вас облегчения, а не хочет затруднения для вас» [5, 2: 181-185]; «Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для нее» [6, 2: 286].

Однако, демонстрируя заботу об индивидуальном праве, шариат следит за тем, чтобы оно не использовалось в ущерб интересам других и общему благу. Стремление избегать причинения вреда является одним из исходных начал шариата. Оно тесно связано с идеей справедливости, четко сформулированной в Коране: «А когда вы говорите, то будьте справедливы» [7, 6: 152-153]; «И скажи: «Я уверовал в то, что ниспослал Аллах из писания; мне повелено быть справедливым между вами!» [8, 42: 14-15]. Принцип справедливости, в свою очередь, лежит в основе идеи равенства, которая настойчиво и в различной форме проводится в Коране и Сунне. Например, одно из преданий (хадисов) гласит: «Люди равны, как зубья у гребня». Известно, что исламу чужды формальные различия между людьми по социальным или этническим признакам, имущественному положению, что не признает он и сословных делений. Предпочтение отдается тем, кто более привержен вере: «Ведь самый благородный из вас перед Аллахом – самый благочестивый» [9, 49:13].

Благовторительность и щедрость – один из центральных моментов в исламской системе ценностей. Доказательством важной роли благовторительности и щедрости в исламе служит хотя бы тот факт, что эта тема красной нитью проходит через целый ряд аятов Корана, в которых о благовторительности и щедрости зачастую упоминается одновременно с обязанностью молиться. Ислам устанавливает целый ряд событий, сопровождаемых совершением актов благовторительности, как-то: во время праздников, если нет возможности соблюдать пост во время Рамадана по причине беременности, кормления ребенка, хронической болезни или пожилого возраста, в качестве прощения долга и освобождения пленных и т.д. Такой постоянный акцент на роли благовторительности в исламе не позволяет мусульманину забыть о нуждах своих менее удачливых братьев и сестер и заставляет воспринимать их как свои собственные.

Но благовторительность в исламе представляет собой не просто помощь нуждающимся, скорее под ней понимается все, что человек может совершить во благо другим людям. В одном из хадисов говорится, что даже такие, казалось бы, «мелочи», как уборка колочек с дороги и улыбка своему брату тоже являются благовторительными делами. А щедрость в расходовании и отдаче средств должна проявляться не только по отношению к бедным, но и по отношению к членам своей семьи, к родственникам, друзьям, сослуживцам.

Исламская благовторительность проявляется в четырех направлениях. Первое заключается в оказании добровольной безвозмездной помощи в виде различных даров, милостыней, пожертвований (садака). Вторым направлением работы является бес-

процентный заем нуждающимся в нем (кард аль хасан). Третье – это обязательные выплаты с дохода и имущества определенного процента – своего рода религиозного налога (закят). И четвертое – создание благотворительных фондов (вакуф).

В число 5 «столпов веры» ислама входит традиция сбора средств с богатых членов мусульманской общины для распространения их между бедняками. Закят «очищает», делает безгрешным пользование богатством, с которого уплачен. Право на получение помощи от этого фонда имеют бедные, несостоятельные должники, участники войны за веру, путники, не имеющие средств на возвращение, сборщики закята. «Милостыня предназначается лишь для бедных и нуждающихся, и для трудящихся в связи с ней, и для тех, сердца которых нуждаются в утешении, и для освобождения рабов, и для обремененных долгами, и для тех, кто по пути Аллаха, и для странствующих: таково предписание Аллаха» [10, 9:60]. Закят отличается от обычной милостыни тем, что это обязанность. Социальная сущность такого установления состоит в том, чтобы сглаживать противоречия между имущими и неимущими членами мусульманской общины (уммы).

Кроме обязательной ислам рекомендует задачу добровольной милостыни (садака). Прощение долгов, освобождение невольников, посещение больных и умирающих, помощь при погребении, оказание гостеприимства и защиты гостя, указание дороги путнику – все это должно совершаться из душевной потребности, как проявление чистого милосердия без всякого расчета на какие-то преимущества для себя. Рекомендуемая милостыня раздается всяким, кто имеет к этому возможность. Она бывает трех видов: единичный акт благотворительности; искупительное действие, т.е. штраф (каффара) за умышленное нарушение предписания, скажем поста, идущий на благотворительные цели; выделение имущим части своих доходов в пользу неимущих. Принимать милостыню может лишь человек, не имеющий возможности сам ее давать.

Можно говорить о том, что благотворительность предписана исламом. Данное предписание на практике вылилось в то, что в мусульманском мире социальная работа стала реализовываться через специальные институты, которые называются вакуфом (в переводе с арабского языка – остановка, приостановление, удержание). Вакуф – это имущество, переданное частными лицами или государством на религиозные или благотворительные цели. В вакуф может входить как недвижимое, так и движимое неотчуждаемое имущество, но лишь приносящее пользу (доход) и нерасходуемое (например, в вакуф не могут быть переданы деньги). Человек, который отдал свое имущество в вакуф, называется учредителем вакуфа. Существует два варианта вакуфов: 1) законный вакуф предполагает полную утрату учредителем прав на

переданное имущество; 2) обычный вакуф (вакфалет) закрепляет за потомками учредителя право получения части дохода от вакуфа.

Фактически, в мусульманском мире во многом именно через данный институт реализовывалась доктрина социального служения. Более того, вакуфы стали той материальной базой, благодаря которой мусульманские общины порой могли вообще функционировать.

14 июня 2015 года в Татарстане в ходе празднования Дня принятия в 922 году ислама Волжской Булгарией подписана «Социальная доктрина российских мусульман». Доктрина охватывает вопросы общественной морали и здорового образа жизни, семьи и детей, отношение к государству и государственной службе, законам России, отношения мусульман к представителям других религий и мировоззрений, борьбе с экстремизмом. В настоящее время поставлен вопрос о разработке доктрины социального служения мусульман Татарстана, которая формировалась бы на основании тех проблем и вызовов, с которыми столкнулась наша страна.

В связи с этим особое значение получает работа благотворительного отдела ДУМ РТ. В функции данного отдела входит сбор денежных средств для помощи нуждающимся слоям населения и их надлежащее распределение через различного рода благотворительные акции, организация волонтерской работы мусульманской молодежи Татарстана, стимулирование социально ориентированной работы районных мухтасибатов и других мусульманских организаций Татарстана, а также методическое обеспечение данной работы.

Мир ислама – живой, открытый воздействиям и влияниям извне организм. В современных условиях, когда процесс перемен открыл путь к духовному возрождению и обновлению общественного сознания, ислам наряду с другими религиозными конфессиями вполне в состоянии способствовать тому, чтобы наше общество вышло из периода выпавших на его долю испытаний обновленным, очищенным и оздоровленным, морально окрепшим.

Список литературы:

1. Надеева М. И. Милосердие и благотворительность в зеркале мировых религий: монография. Казань: Изд-во КНИТУ, 2017. – 216 с.
2. Надеева М. И. Коран: историко-критический анализ: уч. пособие. Казань: КГТУ, 2010. – 152 с.
3. Коран. Пер. с араб. и коммент. М.-Н. О. Османов. М.: Ладомир, 1995. -615 с.
4. Надеева М. И. Духовные ценности ислама: монография. Казань: КНИТУ, 2011. – 216 с.
5. Коран. Пер. с араб. и коммент. М.-Н. О. Османов. М.: Ладомир, 1995. – 615 с.
6. Коран. Пер. с араб. и коммент. М.-Н. О. Османов. М.: Ладомир, 1995. -615 с.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.

ОРХОН-ЕНИСЕЙ ЕСКЕРТКІШТЕРІ МӘТІНДЕРІНІҢ ҚАЗАҚТЫҢ БАТЫРЛЫҚ ЭПОСТЫҚ ЖЫРЛАРЫМЕН САБАҚТАСТЫҒЫ

Оразбай Сәуле Тұрсынбекқызы

*Президенті – Елбасы атындағы Ұлттық қорғаныс университетінің 3 курс докторанты
Қазақстан Республикасының Тұңғыш
Астана, Қазақстан*

[DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.58-62](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.58-62)

ТҮЙІН

Мақалада Орхон-Енисей ескерткіштері мәтіндерінің қазақтың батырлық эпостық жырларымен ұқсастықтары өзектелді. Олардың ұқсастықтары мысалдар келтіре отырып дәйектелді. Осы ескерткіштер қазақтың жазба мәдениеті, әскери тарихының бастау бұлағы және түркі тілдес халықтардың тарихи жәдігері ретінде қарастырылды.

ABSTRACT

The article texts of Orkhon-Yenisei monuments are closely connected with the Kazakh heroic epic poems. Their similarity is proved by examples. These monuments were considered the source of the Kazakh written culture, the history of military history and the historical heritage of the Turkic peoples.

АННОТАЦИЯ

В статье тексты орхон-енисейских памятников тесно связаны с казахскими героическими эпическими поэмами. Их сходство доказано на примерах. Эти памятники считались источником казахской письменной культуры, истории военной истории и исторического наследия тюркских народов.

Кілт сөздер: ескерткіш, эпос, батыр, эпитафия, түркі тілі, ұқсастық.

Ключевые слова: памятник, эпос, герой, эпитафия, тюркский язык, сходство.

Key words: monument, epic, hero, epitaph, Turkic language, similarity.

Құнды тарихи шежірелі дерек ретінде сақталып, аласапыран замандар өтсе де, өшпей осы күнге дейін бүкіл түркі әлемінің рухын көтеріп, ұлылығын танытып келе жатқан жазба ескерткіштер бар. Ғылымның табысты жетістіктері ретінде осы көне ескерткіштер шексіз мекендегі меңіреу тастарға бүгінде тіл бітіріп, іргелі ел болып канат жайған түркі халықтарының ұрпағына тарихи деректерінен мәлімет береді. Үш жүз жыл бойы ұзын найзалы, жарау атты түріктердің орналасқан жерлері Моңғолияның Орхон, Онгин, Селенга өзендерінің алқабы, Алтай, Тува және Хакасияның Тұрпан ойпаты, Дунхуань, Миран аймағы, Қазақстанның Ертіс, Талас, Сыр, Іле, Еділ өзендері, Ферғана одан әрі Солтүстік Кавказ және Шығыс Европаның біраз бөлігі еді. Осындай кең байтақ жерді еркін билеген көне түркілер өздерінің ел билеушілерін, әскери қолбасшыларын ардақтап, оларды мәңгі есте сақтау үшін ерліктерін тасқа қашап жазып ескерткіш орнатып, ұрпақтарына қалдырып отырған. Олардың тілдері, яғни көне түркі тілі бірнеше тайпалардан құралған болса да бірі-біріне түсінікті болған. Көне түркі жазуы Сібір, Монғолия, Шыңжаң, Қазақстан, Қырғыстан, Оңтүстік Ресей жеріне дейін таралған. Бұл жазудың ерекшелігі сөздегі дыбыстар таңбаланып жазылады. Жазылу үрдісі, таңбаларды қолдануы ұқсас. Оның таралған үлкен аймағы V-VIII ғасырлар аралығындағы тарихы кезең болып саналатын Ұлы Түрік қағандығы, одан бөлініп шыққан Батыс, Шығыс Түркі, Түргеш, Хазар қағандықтары мен Көк түркілер (Түрік қағандығы) мемлекеттерінің өмір сүрген дәуіріне сәйкес келеді. Осы тайпалар тәңірге сиынып Тәңірлік дінді, көшпелі және жартылай отырықшы өмір-салтын ұстанып, өз мемлекетін және өз тілін дамытып жас ұрпаққа тарихи-мәдени мұра ретінде Орхон-Енисей және Талас ескерткіштерін қалдырды. Осы жазба

ескерткіштері бүкіл түркі халықтарының асыл мұрасы, әлемдік мәдениеттің байлығы, елдік пен ерлікті жыр еткен шежірелі тарих, түркі халқының, оның ішінде қазақ халқының жазба мәдениетінің бастау бұлағы. Қазақ халқының жазу тарихы осы ескерткіштерден бастау алып, көненің көзі ретінде бізге жетіп, тіл мен тарихқа таптырмас үлес қосып, қайталанбас жәдігер ретінде қолданысын арттыруда.

Қазақ халқының ата-бабалары байырғы көк түріктердің тікелей ұрпақтары. Оған дәлел Түрік қағанатын құрған қыпшақтар, он оқ деп аталатын үйсін мен дулаттар, сегіз-оғыз деп аталатын наймандар, тоғыз-оғыз деп аталатын керейлер және қазақ халқының өзге де рулары. Көне түріктердің бұрынғы салт-дәстүрлерін, әдет-ғұрыптарын, тілін, мәдениетін сақтап қалған да қазақтар. Осы көне түркі жазба ескерткіштеріндегі түркі тайпаларының жеке мемлекет ретінде алғашқы қалыптасу кезеңдерін, тарихи жағдайларда халықтың тұрмыс-тіршілігін, мәдениетін, дінін, тілін, арман-мұратын, жерін қорғаудағы ерліктерін жырлаған мәтіндерінде қазіргі қазақтың эпостық жырларымен ұқсастықтар бар. Ол туралы Орхон-Енисей жазба ескерткіштерін әдеби мұра ретінде алғаш рет зерттеген, Күлтегін, Тоникук мәтіндерін алғаш рет қазақ тіліне аударған филолог М. Жолдасбеков «Мақтау-Мадақ» жыры деп атау берген, ал, осы тақырыпта қалам қозғаған М. Әуезов жырлардың сипатын айқындай түсіп мынадай тұжырым айтады: «Күлтегін, Тоныкөк немесе Суджа жазуларында қанша адам, қанша ерлік бейнеленген десеңізші?! Оларда әр алуан рулар, тайпалардың кескілескен шайқастарының, соғыс суреттерінің, батырлар ерлігінің, жорықтардың шежіресі бар» [1, 136 б.].

И. Стеблева «Поэзия тюрков VI-VIII веков» еңбегінде жазба ескерткіштерді поэзиялық шығарма

деп дәлелдейді. Ол тұңғыш рет көне түркі тіліндегі жырлардың поэтикасын, өлең құрылысын, ұйқасын, ырғақ пен шумағын, тармақ пен бунағын теориялық тұрғыдан зерттеп, ғылыми жүйеге келтірді.

Жазба ескерткіштерді деректік негізде зерттеген жаңа буынның тюркологтары, қазақ ғалымдары М. Жодасбеков пен Қ. Сартқожаұлының «Орхон ескерткіштерінің толық Атласы» еңбектерін атауға болады. Олар сызба суреттері, олардың археологиялық сипаттамасы, фотосы, орналасу жүйесі, түпнұсқа мәтіндері, транскрипциясы, аудармасы және түсініктемесі жүйесімен берілген. Онда он екі кешеннің жоспар-суреті, үш жүздей мүсін тастардың орны анықталып көрсетілген. Гуманитарлық-ғылымдардың бар салалары үшін және биік рухты түрік-қыпшақтардың өркениетін дүние жүзіне паш еткен құнды еңбек. Сондай-ақ, М. Жолдасбеков В. Радлов, П. Мелиоранский, С. Маловтардың көне жазба ескерткіштердің аудармаларында түркі халқын біріктіру идеясын білдіретін лексемалардың жоқтығын айтады.

Сол дәуірдегі көне түркілердің батырларының, әскери қолбасшыларының ерлігін дәріптеген тарихи оқиғалардың желісінен туындаған көркем сөзбен бейнеленіп жазылған тарихи көркем туындылар Орхон, Енисей, Талас жазба ескерткіштері асыл мұраларымыз батырлар жырының бастау бұлағы және әскери дәстүрдің сабақтастығы деп айтуға болады. Батырлық жырларды қыршылар танды атырғанша жатқа айтқан. Ал, біздің қарастыратынымыз тасқа қашалып жазылған эпиграфиялық эпостық жырлар. Осы жырлардың қазіргі қазақ халқының батырлық эпостық жырлармен байланысы өзектеледі.

Көне түркі халықтарының жазба ескерткіштері бір-біріне ұқсас сарында дамиды. Мысалы, Күлтегін мәтіні ел билеушілердің қол астындағы халыққа үндеуі, түркі тайпаларының мемлекет ретінде қалыптасуының тарихи көріністері мен ата тегі жайындағы баяндаулары, әскери жорықтары, табғаш халқының түркі тайпаларының арасына іріткі салу мен жаулап алу әрекеттері, түркі тайпаларының өздерінің кейбір қағандарына көңілдерінің толмауы және Елтеріс ханның тұсындағы халықтың тұрмыс-тіршілігінің жақсаруы, Қапаған мен Білге қағандар туралы құнды деректері, ескерткіштерді тұрғызу себептері бірінен соң бірі өрбіп баяндалады. Ал, Тоникук мәтінінде Тоникуқтың жасаған жорықтары мен жасаған жақсылықтары мазмұндалады. Білге қаған, Тоникук, Күллі-чор, Онгин, Бұғыты, Күлтегін жазба ескерткіштері қазақтың эпостық жырларында айтылған ортақ идеялар – жаулардан өз елін, жерін қорғау, отанды сүю, тәуелсіздікке қол жеткізу. Өзінің елі, жері үшін ешнәрседен тайынбайтын батырлардың ерліктері және батырлық жырларда ақылды, мықты тұлпарлар мен олардың иелерінің арасындағы мызғымас достық, бір-біріне көмектесу көріністері көп. Көне түркі дәуірі жаугершілік заманын басынан кешірген, түн, күн ұйқы көрмей жерін, елін қорғаған сәттерде

күлдір-күлдір кісінетіп ат жалында өмірлерін өткізген. Сондықтан да жазба ескерткіштерде батырлардың астына мінген аттарына ерекше мән берілген. Осы сарын көне қазақтың эпостық жырларында да бар. Мысалы, Қобыландының Тайбурылы, Алпамыстың Байшұбары, Ер Төстіктің Шалқұйрығы, Қамбардың Қарақасқасы, Ер Тарғынның Тарланы. Ал, көне түркі жазба ескерткіштерінің бірі Күлтегін мәтінінде қырық екі жыл өмір сүрген өмірінде он алты жасынан бастап, қару-жарак асынып, әскерін басқарып, бүкіл өмірін аттың жалында, жорықтарда өткізген кезеңдерінде Күлтегіннің сәйгүліктері Алып Шалшы, Азман аттары бірге соғысып, бірге жеңіске жеткен. Мысалы, Күлтегін жыры мәтінінде:

Ең илкі тadyqyn čoryn boz [atyγ binip tegdi. Ol at anda] ölti. «Ең ілкі рет Тадықын-чордың боз атын мініп айқасты. Ол ат онда өлді. (КТ. I. 32) [2, 188 б.].

Ekinti yčbara jamtar boz atyγ binip tegdi. Ol at anda ölti. Üčünči jegin silig begiγ kedimlig toryγ at binip tegdi. Ol at anda ölti. Jaraqynda, jalmasında jüz artyq oqun urty. [Jüziγe, bašyγa bir tegmedi...] Екінші рет Ышбара Ямтардың боз атын мініп айқасты. Ол ат онда өлді. Үшінші рет Иеген-сіліг /жиен-сіліг/ - бектің кежімді торы атын мініп айқасты. Ол ат онда өлді. Сауытына, қалқанына жүзден артық оқ тиді. Жүзіне, басына бірін де тигізбеді.[...]» (КТ. I. 33) [2, 188 б.].

Qaγanyn birle soγa jyšda sünüşdimiz. Kül-tegin bajyrquynyγ aq adyγyγy «Қағанымен Соңа-жыныста найзаластық. Күлтегін Байырқудың ақ айғырын» (КТ. I. 35) [2, 188 б.].

binip oplaju tegdi bir erig oqun urdy. Eki erig udyšru sančydy. Ol tegdükde bajyrquynyγ aq adyγyγy udluqyn syju urtu. Qyγyγz qaγanyn ölürtimiz. «мініп опыра шапты. Бір ерін окқа ұшырды. Екі ерін найзамен шаншыды. Ол айқаста Байырқудың ақ айғырының іші жарылды. Қырғыз қағанын өлтірдік.» (КТ. I. 36) [2, 188-189 б.].

Türges qaγan süsi bolčuda otča borča kelti. Sünüşdimiz. Kül-tigin bašyγ boz at binip tegdi. Bašyγ boz k[...] «Түргеш қағанның қолы Болчуда отша, боранша келді. Соғыстық. Күлтегін боз қасқа ат мініп шапты. Боз қасқа [...]» (КТ. I. 37) [2, 188-189 б.].

Kül-tigin azman aqyγ binip oplaju tegdi. Alty erig sančydy. Sü [ta]šysynda jitinč erig qylyčlady. Ekinti qušluγyγqda ediz birle sünüşdimiz. Kül-tigin az jaγyγyγ binip oplaju tegip bir erig sančydy. «Күлтегін Азман ағын мініп опыра шайқасты. Алты ерін шаншыды. Сол шабуылда жетінші ерін қылыштады. Екінші рет Құшлұғығда Едіздермен соғыстық. Күлтегін Аз қаракерін мініп, опыра шайқасып, бір ерін шаншыды» (КТ. II. 5) [2, 189 б.].

Күллі-чор жыры мәтінінде:

[...(8 см-дегі әрін өикен)bili]ge Küüli-čor anda kisre qarluq[qa] jem[e] sünüş[dük]de idil aqyn binip oplaju tegip, sanča ydyγ at uplu ünti. Jana aγyγyγ «Білге Күллі-чор онда Қарлұқпен соғысқанда Іділ [тайпасының] ағын /ақ атын/ мініп, опыра шабуылдап, шаныша жайратып жүргенде, аты құлап түсті. Және соғысып» (КЧ. II. 19) [2, 343 б.].

Білге қаған мәтiнiнде:

[...]jarqıŋy kelmedi any aıyıtajyn tip süledim. Qooryu eki üč kisiligü tezip bardy. Qara bodun qayanym kelti tip ög[irip sebinti...atsyz qalmys]qa aat birtim. Kičig atlyıy ulıyartdym [...] керуенi келмедi. Оны жазалайын деп аттандым. Қорушы екі-үш кісілер қашып кетті. Қара халық қағаным келдi деп қолпаштап, қуанды. Атсыз қалғандарға ат бердiм. Атағы кішілердi өсірдiм» (БК. I. 41) [2, 260 б.].

Түй-ұқұқ мәтiнiнде:

ötüntim. Sü joryıtdym. Atlas tedim. Aq termel keče oıurqalatdym. At üze bintüre qaryu sökdım. Joq[q]aru at jete jadaıyın yuač tutunu ayturtym. Öıreki er «ötındım. Қол аттандырдым. Аттаныңдар! – дедiм. Ақтермелдi кеше желе жорыттым. Ат үстiнде тұрып қарды сөктiк /бұздык/. Жоғары ат жетелеп, жаяулап ағаштардың арасымен жүрiп өттiк. Алдағы ерлер» (Түй. I. 25) [2, 317 б.].

«Қамбар батыр» жырында:

Қарақасқа атты Қамбар бек.

Ерлікті елден асырған [3, 45 б.].

«Ер Тарғын» жырында:

Томаға көздi Тарланды

Жауға қарай тебiнiп,

Толып жатқан әскерге

Келдi Тарғын желiгiп. [3, 29 б.].

«Алпамыс батыр» жырында:

Келдi Алпамыс сәлемет,

Құстай ұшты Шұбар ат [4, 142 б.].

Орхон ескерткіштерінің қазақтың эпостық ескерткіштеріне ортақ ұқсастықтары өз елін, өз жерін сыртқы жаулардан қорғау, батырлардың шайқас үстiндегi жасаған ерліктері, жаудан жеңiлудi бiлмейтiн ер тұлғалы батырлар тұлғасы және олардың жас шағынан бастап өмірінің аяғына дейiнгi ерліктері суреттеледi. Мысалы, «Ер Тарғын» жырында Ақжүніс Қожактың бес жасынан елу бес жасына дейiн өмірін айып бередi:

Отыз беске келгенде,

Қоңыраулы найза қолға алдың,

Қоңыр салқын төске алдың,

Жауды көрсең шүйiлдiң,

Жеңсiз берен киiндiң,

Көксерке атты борбайлап,

Қамалды бұздың айқайлап [3, 13 б.].

Күллі-чор жыры мәтiнiнде:

[...35 см-дегi әрiп өшкен][Qap]ayan qayan elinte aquryp edgü beıi körti. Uluı Küüli-čor sekiz on jasap joq bol[mys]. «[...] Қапаған қаған елiнде менi құрметтеп ұлықтады. Ұлы Күллі-чор сексен жасап жоқ болды» (КЧ. I. 3) [2, 342 б.].

[...(13 см-дегi әрiп өшкен)][Kü]üli-čor jeti jaşyña jigren ölırti. Toqız jasyña azyılyı toıuz ölırti. Qarluq jayyt[t]uqda tezde süıüsdükde «[...] Күллі-чор жетi жасында жiрiп өлтiрдi, тоғыз жасында азулы доңыз /қабан/ өлтiрдi. Қарлук жауық-қанда, Тезде соғысқанда [...]» (КЧ. II. 18) [2, 343 б.].

Бiлге қаған мәтiнiнде:

[Teıri]jarylqaduq üčün men otuz artuqy üč [jaşyта bölık jayy... j]oq erti. «Тәңірі жарылқағаны үшін менiң отыз үш жасымда әдейi [жауласқан] жау жоқ едi. Уақыт талабының күші» (БК. I. 34) [2, 260 б.].

[...]ti. Türük bodun aac erti. Ol jylqy alyp igit(t)im. Otuz artuqy tört jaşyта oıuz tezip tabyačqa kirti. Öküniп süledim. Suqyn[ym igrip o]ılyn jutuzyn anda altym. Eki elteberig bod[un...] «[...]...Түрік халқы аш едi. Оларға жылқы алып, тойдырдым. Отыз төрт жасымда оғыздар қашып табғачқа кірдi. Өкініп аттандым. Ашуланып келіп ұлдарын, қатындарын олжалап алдым. Екі елтеберлік халық ..[...]...» (БК. I. 38) [2, 260 б.].

[...]joly süledim. Otuz artuqy sekiz jaşyта qyysyn qytaj tapa süledim [...otuz artuq]y t[oıuz ja]şyта jazyn tataby tapa süfledim. ...] «[...] рет аттандым. Отыз сегіз жасымда қыста қытайға (қидан) қарсы аттандым. Отыз тоғыз жасымда жазда татабыға қарсы аттандым. [...] (БК. II. 2) [2, 260-261 б.].

Күлтегiн жыры мәтiнiнде:

Kül-tigin [alty otuz] jaşyта qyurqyz tapa süledimiz. «Күлтегiннің жиырма алты жасында бiз қырғызға қарсы аттандық» (КТ. I. 34, 35) [2, 188 б.].

[...] birle qoošu-tutuq birle süıüsmiš. Erin qoor ölırmis. Ebin barymyn qalysyz quıp kelürti. Kül-tigin jiti otuz jaşyта qarluq bodun erür barur erkili jayy boldy. Tamaı yduq başda süıüsdimiz. Kül-tigin ol süıüşde otuz jaşajur erti. Alp šalčy aqyn binip oplaju tegdi. Eki erig udyşuru sančdy. Qarluqy ölırtimiz, altymyz. Az bodun jayy boldy. Qara költe süıüşdimiz. Kül-tigin bir qyrq jaşajur erti. Alp šalčy aqyn «[...] бiрге Қоошу-түтүкпен соғыстық. Ерлерiн көп өлтiрдiк. Ебiн (жұртын), барын-мүлкін түгел олжалап алып келдi. Күлтегiннің жиырма жетi жасында қарлук халқы әрi-сәрi, толқып жүрiп [ақыры] жау болды. Тамағ Ыдуқ басында соғыстық. Күлтегiн ол соғыста отыз жасар едi. Алып шалысты ағын мiнiп опыра шапты. Екі ерiн найзаға шаншыды. Қарлұқтарды қырдық, алдық. Аз халқы жау болды. Қаракөлде соғыстық. Күлтегiн отыз бiр жаста едi. Алып шалысты ағын (КТ. II. 1, 2) [2, 189 б.].

Kül-tigin qooj jylqa jiti jigirmike učdy. Toqızynč aj jiti otuzqa joı ertürtimiz. Baryqyn, bedizin bitig taş[yn] bičın jylqa jitiñ aj jiti otuzqa uıup alqa[dym]yz. Kül-tigin özi qyrq artuqy jaşyñ boldy yt. Taş [baryq itgüčig] bunča bedizčig tujyın elteber kelü[r]ti. «Күлтегiн қой жылы [тоғызыншы айдың] он жетiсiнде ұшты. Тоғызыншы айдың жиырма жетiсi күнi жерледiк. Барқын, бедiзiн, бiтiг тасын мешiн жылы жетiншi айдың жиырма жетiсi күнi аяқтадық. Күлтегiн қырық жетi жасында өттi. Тас барық жасаушылар мен шеберлердi бастап Туйғын Елтебер келдi» (КТ. III. 14) [2, 190 б.].

Соғыстарда батыр жеңiске жетiп, халқын қуанышқа кенелтiп отырады. Ешбiр жаудан бетi қайтпағандықтың үлгi етiп көрсетудi түркi эпос жырларындағы негiзгi сарындардың бiрi. Қаһармандық жырлар да батырлардың қалың жауға қарсы қаймықпай қарсы шабатыны «Қобыланды батыр», «Алпамыс батыр», «Ер Тарғын» секiлдi көптеген дастандарда бiік көркемдiкке бөленiп берiлген. Мысалы, Күлтегiнге арналған жазба ескерткіші мәтiнiнде:

Qamaıy biş otuz süledimis. Üč jigirmi süıüşdimiz. Illigig ilsiretdimiz, qayanıy qayansyratdymyz. Tizligig sökırtimiz. Başlyıy jükündürtimiz. Türges qayan

türükimiz [bodunymyz erti. Bilmedükün] üçün biziñe jañyluqyn üçün ölti. Bujruqy begleri jeme ölti. On-oq bodun emgek körti. Eçümiz apamyz tutmys jir sub idisiz bolmazun tijin az bodunyy itip jar [atyp...] «Барлығы жиырма бес рет жорық жасадық. Он үш рет соғыстық. Елдігін елсіреттік, қағандығын қағансыраттық. Тізеліні бүктірдік, бастыны жүгіндірдік. Түргеш қаған түрікіміз, халқымыз еді. Білместігі үшін, жаңылғаны үшін өлді. Бұйрықы (қолбасшысы) бектері де өлді. Он-оқ халқы азап көрді. Атамыз, бабамыз тұтқан Жер-су иесіз болмасын деп аз халық құрап» (КТ. I. 18, 19) [2, 187 б.].

Білге қаған жыры мәтінінде:

[...tab]yaçyy süsi bir tümen artuqy jeti buñ süg ilki kün ölürtim. Jadaý süsin ekinti kün quup ölürtim. Bi[...].tirilip bard[y...] «[...] табғачтың он жеті мың әскерін алғашқы күні қырдық. Жаяу әскерін екінші күні қуып қырдық. [...] жиылып барды [...]» (БК. II. 1) [2, 260 б.].

«Ер Тарғын» жырында:

Қынабынан суырды
Қиялай тартып қылышты,
Жалғыз жаумен ұрысты. [3, 34-35 б.].

«Қамбар батыр» жырында:

Сол сөзді айтып ер Қамбар,
«Жекпе-жек» деп ұмтылды.
Жекеленген дұшпанға
Ақ тұйғындай құнтиды. [3, 81 б.].

Алпамыс батыр жырында:

Ақ қанжарын суырып,
Заманасын қуырып,
Атыменен қалмақты
Екі бөліп тастады. [4, 116 б.].

Көне түркі жазба ескерткіштері мен қазақтың эпостық жырларының келесі ұқсастықтары құдайға, тәңірге жалбарынып, содан рух күшін алып, әскери жорықтарға аттануы. Мысалы, Онгин ұстынында:

Türük bodun jitmezın tejin, juluq ermezün tijin üze teñri tir ermis «Түрік халқы өлмесін, жітпесін деп, жұлыс-керіс /бүліншілік/ болмасын деп жоғарыда Тәңірі жарылқады [...]» (Оа. I. 3) [2, 112 б.].

Түй-үкүк жыры мәтінінде:

keçe keltimiz. Kelmisi alp tedi, tuymady. Teñri umaj jer sub basa berti erinç. Neke tezerbiz? «кеше келдік. Келушілер батыр болар – дедім. [Олар бізді] түсінбеді. Тәңірі, Умай, киелі Жер-су [ықыласын] берген екен. Неге кашамыз?» (Тұй. I. 38) [2, 318 б.].

Arquj quryyuy ulyartdym. Basynyyma jayyuqa kelürir ertim. Qağanymyn süledimiz teñri jarylqazu! «Қырғи қарауылдарды ұлғайттым. Қол астыма (бағынуға) жаулардың [өзі] келетін еттім. Қағаныммен аттандық. Тәңірі жарылқасын!» (Тұй. I. 53) [2, 319 б.].

Білге қаған жыры мәтінінде:

Türük teñrısı, yduq jir suby ança etmiş erinç. Türük bodun joq bolmazun tijin, bodun bolçun tijin qañym ilteris qağanu, ögüm ilbilige qatunyy teñri töpesinde tutup jügerü kötürti erinç. «Түрік Тәңірісі, киелі Жер-суы былай депті: «Түрік халқы жоқ болмасын деп, халық болсын» деп, әкем Елтеріс

қағанды анам Ел-білге қатынды Тәңірі төбесінде ұстап жоғары көтерді. (БК. I. 10) [2, 257 б.].

ögim qatunyy kötürügme teñri, il birig[me t]eñri türük bodun aty küsi joq bolmazun tijin özümın ol teñri qağan oluryt[dy erinç. «анам қатынды ұлықтаған Тәңірі, ел берген Тәңірі, Түрік халқының атақ-даңқы өшпесін деп Тәңірі мені қаған отырғызды» (БК. I. 21) [2, 258 б.].

Күлтегін жыры мәтінінде:

Üze kök teñri, asra jayyzjerqylyntuqdaekinarakisioylyqylynmys. Kisi oylında üzeeçümarambumynqağan, istemiqağanolurmays. Olurypan türükbodunynelin, törüsintutabirmis, itibirmis. «Жоғарыда көк Тәңірі, төменде қара жер жаралғанда, екеуінің арасында адам баласы жаралған. Адам баласы үстіне ата-бабам Бұмын-қаған, Істемі қаған [таққа] отырған. [Таққа] отырып түрік халқына, еліне, төріне (билік) тұтқа болған, қалыптастырған» (КТ. I. 1) [2, 186 б.].

Umaj teg ögüm qatyn quutya inim Kül-tigin er at boldy. Alty Jigirmi jaşyña eçim qağan ilin törüsın ança qazyandy. Alty çub soýdaq tapa süledimiz, buzdymyz. Tabyaç oñ-tutug biş tñmen sü kelti. Süñüşdimiz «Ұмай текті анам қатынның құтына (бағына) інім Күлтегін ер атанды. Он алты жасында Ағам қағанның елін, төрін анша меңгерді. Алты баулы соғдаққа қарсы жорық жасадық, бұздық. Табғач Оң-түтүк бес түмен қолмен келді. Соғыстық.» (КТ. I. 31) [2, 188 б.].

«Ер Тарғын» жырында:

Тұла бойын қараса,
Он жеті жерден жаралы.
Сонда да Тәңірім алмайды [3, 36 б.].

«Қамбар батыр» жырында:

Шекесінде Қамбардың
Бар екен алтын тұлымы.
Сұрап алған Құдайдан
Әлімбай ханның құлыны. [3, 47 б.].

«Алпамыс батыр» жырында:

Ерлік қылған жігіттің
Тәңірім берген бағы да,
Асықпасаң боларсың
Баяғыдай тағы да. [4, 157 б.].

Орхон, Енисей, Талас жазба ескерткіштерде және эпостық батырлар жырларында өздерінің әскери қолбасшыларын көк бөріге, ал, жауларын қойға теңеп, әсерілеп, көркемдеп, асқақтықпен мақтана жырлаған. Мысалы, Білге қаған жыры мәтінінде:

inmiş. Tirilip jetmiş er bolmys. Teñri küç birtük üçün qañym qağan süsi böri teg ermiş. Jañy qooj teg ermiş. Ilgerü, quuryyaru sülep itirmiş, qobratmys qamañy jeti jüz er bolmys. Jeti jüz er bolup elsirfemiş, qağansyramyş bodunyy küñedmiş, quuladmays bodu]nyy türük tö[rüsın uçyynnmys]. «сонда барып қосылды. Жиналып жетпіс ер болды. Тәңірі күш берген Әкем-қағанның әскері бөрі сияқты еді. Жаулары қой сияқты еді. Ілгері кейін шапқылап [қол] жинады, [халықты] көтерді. Барлығы жеті жүз ер болды. Жеті жүз ер жиналып елсіреген, қағансыраған халықты, күнденген, құлданған халықты, түрік төрінен айрылған» (БК. I. 11) [2, 257 б.].

Күлтегін жыры мәтінде:

Joryjur tijin kü esidip balyqdaqu taıyqmys, taıydaqu inmis tirilip jetmis er bolmys. Teıri küüç birtük üüün qanym qayan süsi böri teg ermis. Jayysu qooj teg ermis. Ilgerü quuryıaru sülep tirmis qobratmys. Qamaıu. «жортуда жүр дегенді бәрі естіп, қаладағылар жиналды. Таудағылар сонда барып қосылды. Жиналып жетпіс ер болды. Тәңірі күш бергені үшін Әкем-қағанның әскері бөрі сияқты еді. Жаулары қой сияқты еді. Ілгері-кейін шапқылап [халықты] жинады, көтерді. Барлығы» (КТ. I. 12) [2, 187 б.].

«Қамбар батыр» жырында:

Арыстан туған Қамбар бек
Аш бөрідей жалақтап,
Аралады қонысты.
Ақылынан айрылып,
Қалмақтар жаман шошынды. [3, 81,82 б.].

«Ер Тарғын» жырында:

Келді қалмақ қамады,
Сарала туы салбырап,
Қабағы тастай түйіліп,
Аллалап Тарғын шабады.

Ай бетіне кіреді,
Күн бетінен шығады.

Қойға кірді бір бөрі,
Бөріктіре қырады.

Талай қалмақ құлады. [3, 34 б.].

«Алпамыс батыр» жырында:

Енді Алпамс бақырып,
Алатау ұран шақырып,
Қойға шапқан бөрідей

Талқандап қуып бөледі [4, 42, 43 б.].

Осы жыр жолдарында сарбаздар мен батырлардың ерлігі адамның патриоттық сезімін оятып, рухын көтереді. Көне түркі халқы әскери жорықтарда көбінесе жеңіске жетіп отырған. Жеңіске жетіп, жеңіліске ұшыраған елдің ханын әскери қолбасшылардың өзі сайлап отыруы да көрініс тапқан. Мысалы, Білге қаған, Күлтегін батыр өздері жеңген елдерге шад, бек тағайындап отырса, Алпамыс қалмаққа Кеуқуатты патша етіп сайлаған.

Эпикалық жырларда ыдырап кеткен, өлімші болған халықты қайта басын біріктіріп, қайта қалпына келтіріп, мемлекет ретінде қалыптастырып қайта орнататын батырлар мен әскери қолбасшылардың үлесінде болған. Олардың міндеттері сыртқы жаудан өзінің туған жерін қорғау, елінің әл-ауқатын жақсарту, елдің тыныштығын сақтап қалу.

Түй-ұқұқ жырындағы Тоникүк бейнесі «Манас» эпосындағы ақылды, білікті, жауынгер

Алмамбет бейнесіне ұқсайды. Яғни, қазақтың батырлық эпостық жырлары сонау көне түркі дәуірінен бастау алып, тарихтың шежірелі өзегі ретінде ұрпақтан ұрпаққа жалғасып отырған.

Қорытындылай келе Орхон, Енисей, Талас жазба ескерткіштері мен қазақтың эпостық жырларын салыстыру нәтижесінде олардың дәстүрлі байланыстарының барлығын жоғарыда мысалдармен дәйектедік. Қазақ халқының тарихы, жазба мәдениетінің негізі осы көне түркі жазба ескерткіштерінде қаланғаны және біздің ата-бабамыз саналатын көне түркі халықтарының тарихи деректерінен мәлімет беретін эпикалық шығармалардың шағын фабулалық өрістерін қамтыған тарихи эпитафиялық, эпостық жырлардың ең алғашқы үлгілері ретінде қарастырылды.

Шартты белгілеулер мен қысқартулар

Орх Орхон жазбалары

О Онгин мәтіні

БҚ Білге қаған түрік жазуы

КТ Күлтегін түрік жазуы

Тон. Тоникүк мәтіні

КЧ Күллі-чор мәтіні

Әдебиеттер тізімі:

1. Әуезов М. Дәстүр мен жаңашылдық. А.: Жазушы, 1961. –509 б.
2. Жолдасбеков М., Сартқожаұлы Қ. Орхон ескерткіштерінің толық Атласы. А.: Күлтегін, 2005. –360 б.
3. Батырлар жыры, 2 том. А.: Жазушы, 2000. – 280 б.
4. Алпамыс батыр. А.: Жазушы, 1968. –196 б.
5. Гумилев Л.Н. «Көне түркілер». А.: Білім, 1994. –502 б.
6. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М. 1984, –124 с.
7. Сартқожаұлы Қ. Орхон мұралары. А.: Абзал-Ай, 2012. –120 б.
8. Сартқожаұлы Қ. «Орхон мұралары» 1 кітап. Тарихи-танымдық этнографиялық әдебиет. А., 2003. –392 б.
9. Сартқожаұлы Қ. Байырғы түрік жазуының генезисі. А.: Арыс, 2007. –304 б.
10. Сартқожаұлы Қ. Таста қалған тағылым. А.: «Қазақ тілі», 2017. –376.
11. Сартқожаұлы Қ. Тас кітаптың құпиясы. А., 2017. –383 б.
12. Султанов Т.И. Золотая орда. Государство Чингизидов в Евразийской степи. А.: Мектеп. 2001. –176 с. (Серия «Слово седьмое»).

**ЦИКЛОГЕНЕЗ ПАРАДИГМ РУССКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ: СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД –
ЧАСТЬ 2 (1939 – 1961)**

Пищик Александр Михайлович

*Доктор философских наук, профессор Дзержинского филиала РАНХиГС,
г. Дзержинск Нижегородской области*

Ефимов Александр Евгеньевич

*Доцент Дзержинского филиала РАНХиГС
г. Дзержинск Нижегородской области*

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.63-66](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.4.59.63-66)

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – выявить общие закономерности в циклогенезе парадигм русского мировоззрения и конкретизировать ключевые события, определяющие фазы цикла.

ABSTRACT

The article aims to identify General patterns of the cyclogenesis paradigms Russian Weltanschauung and to specify the key events that determine the phases of the cycle.

Ключевые слова: парадигма; мировоззрение; циклогенез.

Keywords: paradigm; weltanschauung; cyclogenesis.

В предыдущих статьях, опубликованных в журналах ЕСУ №№ 9-12 за 2018 год и №1 за 2019 год, была дана общая картина циклогенеза русского мировоззрения от Киевской Руси до наших дней, а также выявлены общие закономерности этого циклогенеза и ключевые события на стадии язычества и православия, на пороге Нового времени и в Имперский период, а также в советский период (1917-1939) [5]. В этой статье тема будет продолжена.

Схема циклогенеза в предыдущих статьях была представлена на рисунке 1 [5, с. 26]. Индикаторами циклогенеза исследуемого в статье периода являются ключевые события, представленные в таблице 1, каждое из которых нуждается в пояснениях.

Таблица 1. Ключевые события циклогенеза русского мировоззрения (фрагмент)

	Годы	Мировоззренческая парадигма	Ключевые исторические события
12	1939	Христианство	<i>Начало зимы:</i> По переписи 1937 г. верующими себя назвали 56% населения в возрасте 16 лет и старше. Доля православных среди верующих – 75%. Количество действующих православных храмов сильно увеличилось (на 3350) в 1939 г. за счет территориальных приобретений СССР [7, с. 134]. В 1941 г. количество открытых православных храмов РПЦ (Московского Патриархата) доведено до исторического минимума – 3732 [7, с. 429].
		Новое время	<i>Начало лета:</i> СССР стоял на первом месте в мире по числу учащихся в общеобразовательных школах и имел в 1,2 раза больше учащихся в этих школах, чем в Великобритании, Германии, Франции, Италии, вместе взятых, и в 1,4 раза больше студентов, чем в тех же странах плюс Япония. В одном только Ленинграде до войны было больше студентов, чем во всей нацистской Германии. К началу 1939 года насчитывалось 240 765 библиотек с общим количеством 442 миллиона 203,8 тысячи книг. Все это благотворно сказывалось на воспитании советских людей, выросло новое поколение, часть из которого составило советскую производственно – техническую интеллигенцию рабочего класса и крестьянства, представляющую «основную силу нашего хозяйственного руководства». Она была просто необходима для технического развития и совершенствования страны. На всех уровнях образования активно ведётся пропаганда атеистического мировоззрения.
13	1961	Православие	<i>Точка замерзания (пик зимы):</i> Пятилетка хрущёвских гонений на РПЦ (1959-1964): из 13 414 православных храмов и молитвенных домов, действовавших в 1958 г., к 1965 г. осталось открытыми 7551. Количество монастырей сократилось с 94 в 1956 г. до 16 спустя десятилетие [7, с. 430]. Православное мировоззрение становится маргинальным
		Новое время	<i>Пик лета:</i> Полёт Юрия Гагарина в Космос (1961)
		Новейшее время	<i>Рождение носителей мировоззренческой парадигмы новейшего времени</i>

Ключевые мировоззренческие события между узловыми точками 12 и 13 (1939 - 1961 гг.) связаны с судьбоносными вызовами и угрозами (вторая мировая война, холодная война) не только для бытия социального строя этого периода русской истории, но и для бытия русского народа. Жизнь народа ограничена мерой его бытия, имеющей качественные и количественные, пространственные и временные границы. Угроза бытию народа связана с разрушением его генофонда и социофонда. Современная проблематика вызовов и угроз бытию русского генофонда представлена в монографии Е.В. Балановской и О.П. Балановского «Русский генофонд на русской равнине» [2, с. 310-314]. Биологическая оригинальность народа (этноса) потенциально заложена в его генофонде и актуализируется в его жизнедеятельности, регулируемой биологической программой. Социальная оригинальность народа (этноса) потенциально заложена в его социофонде, и актуализируется в социальной деятельности, регулируемой социальными программами. Системогенез народа (этноса) – коэволюция его биологической программы жизнедеятельности и социальной программы его деятельности в окружающей среде (ландшафте). Стереотипы поведения народа (этноса) – результат названной коэволюции. Вот как определяет понятие «стереотип поведения» Л.Н. Гумилёв: «СТЕРЕОТИП ПОВЕДЕНИЯ (С.п.) — система поведенческих навыков, передаваемых из поколения в поколение путем сигнальной наследственности, специфичная для каждого этнического коллектива. С.п. складывается в процессе адаптации этнической системы к окружающей ее среде. Эта среда (ландшафтная и этническая) определяет неповторимый облик каждого этноса» [3, с. 294].

Инвариант в стереотипах поведения, удерживающий этнос (народ) от исчезновения, проявляется в его менталитете и национальном характере. В экстремальной ситуации, когда вопрос о выживании народа становится главным, происходит мобилизация всех сил народного организма, актуализируются все уровни мировоззрения русского народа: языческий, православный, новоевропейский.

В условиях Великой Отечественной войны массово актуализировалось чувство патриотизма. «Родина-мать зовёт!» — знаменитый плакат, созданный художником Ираклием Тоидзе в конце июня 1941 года – отражение архетипа коллективного бессознательного. Коллективное бессознательное, согласно Карлу Густову Юнгу, включает в себя универсальные для всех времён и культур архетипы. Юнг утверждал, что архетипы – наследуемая структура психики, которая формировалась на протяжении сотен тысяч лет, и которая влияет на наши чувства, мысли, действия, переживания и реализацию нашего жизненного опыта. «Это утверждение имеет далеко идущие следствия, ибо означает, что в каждой душе присутствуют формы, которые несмотря на свою неосознаваемость являются активно действующими установками,

идеями в платоновском смысле, предустановливающими наши мысли, чувства и действия и постоянно оказывающими на них влияние» [8, с. 216]. «Архетипы - нерушимые элементы бессознательного, которые, однако, постоянно изменяют свою форму» [8, с. 119].

В плакате «Родина-мать зовёт!» проявился архетип матери. Данный архетип – инвариант, который имеет множество исторических вариаций. В славянском языке – это Мать — Сыра Земля – персонифицированный образ Земли как источника жизни, средоточие плодородия. В православии – это Богородица, Матерь Божия, Пречистая Дева - защитница и хранительница Земли Русской. «...специфическое появление образа матери в любой конкретный момент времени невозможно дедуцировать из архетипа матери, это зависит от множества других факторов» [8, с. 217].

Содержанием патриотизма является любовь к родине и готовность пожертвовать своими интересами и самой жизнью ради неё. Любовь к родине формируется на всех ступенях этногенеза народа и закрепляется в его генофонде и социофонде (социальном опыте и стереотипах поведения), в архитектонике тела, души и духа народа, в его менталитете и в архетипах коллективного бессознательного. Этология (наука о биологических основах поведения человека и животных) объясняет формирование чувства любви к родине на основе импринтинга. «Запечатление каких-либо образов (в нашем случае — местности) мозгом в детстве и на всю жизнь этологи называют импринтингом — впечатыванием в формирующийся мозг. Заметьте, что инстинктивная родина — не обязательно место рождения, это место, где прошел чувствительный отрезок детства. Теперь импринтинг родины изучен у многих животных — рыб, черепаха, птиц, млекопитающих. Видимо, этот же механизм действует и у детей в возрасте старше двух и моложе двенадцати лет» [4, с. 19]. Речь идёт о малой родине, которую никто нас любить не учил. «Мы и так ее любим, причем бессознательной любовью. Эта родина — маленькая точка на карте, место, где я родился я провел детство. Объективно говоря, не хуже и не лучше тысяч других мест, но для меня — единственное, особенное и ничем не заменимое. Образ этой родины, ее запахи, ее звуки человек помнит до гробовой доски, даже если он с детства туда не возвращался. Но вернуться тянет всю жизнь. Вдали от нее все, что с ней связано, волнует» [4, с. 18]. Малая родина – ментальное ядро Родины большой – огромной страны. «Ради процветания Родины мы трудимся, ради неё терпим невзгоды и готовы умереть, защищая её границы. Эту Родину мы любим сознательной любовью и сознательно внушаем нашим детям любовь к ней» [4, с. 18].

Любовь к родине – это не только любовь к местности, где ты провёл детство, но и любовь к близким людям: родителям, братьям и сёстрам, другим родственникам, друзьям... Этологи утверждают, что и эти чувства формируются на базе импринтинга в сензитивный период развития - период

в жизни человека, создающий наиболее благоприятные условия для формирования у него определенных психологических свойств и видов поведения.

Угроза Родине – это угроза ментальному ядру, где сосредоточены фундаментальные ценности человека. Ответом на эту угрозу является актуализация защитных механизмов всего народного организма, включая защитные механизмы нашего мировоззрения на всех уровнях его бытия. «Неслучайно в день начала

Великой Отечественной войны И.В. Сталин обратился с патриотическим призывом к братьям и сестрам, а не к гражданам СССР, коммунистам и комсомольцам. Понятие «Родины-матери» наиболее полно и целенаправленно отвечает целям и задачам каждого человека и всего общества» [1, с. 36]. Каждый боец шёл в атаку со своей ценностной доминантой. За советскую родину шли в бой коммунисты и комсомольцы, воспитанные советской школой. Иное понимание родины было у бойцов-патриотов не приемлющих коммунистическую идеологию. Советская пропаганда учитывала это и на первое место ставила образцы патриотизма тысячелетней истории России (Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Александр Суворов, Фёдор Ушаков...). Для молодёжи образцами для подражания стали такие герои Великой Отечественной войны, как Александр Матросов, Николай Гастелло, Зоя Космодемьянская и многие другие.

С первого дня войны Русская православная церковь, будучи гонимой государством, заняла твёрдую патриотическую позицию. «В первый день войны глава Православной Церкви в России патриарший местоблюститель блаженнейший Сергей, митрополит Московский и Коломенский, обратился к пастырям и верующим со своим посланием, разосланным в тот же день по всем приходам. В нем он благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины» [6].

«Религиозный фактор сыграл очень существенную роль в изменении поначалу неблагоприятного для СССР хода боевых действий. Проявления патриотической деятельности Русской Церкви были очень многообразны: морально-нравственное влияние (через послания, обращения, проповеди); сбор денежных средств, драгоценностей, медикаментов, одежды, продуктов в фонд обороны; служба церковнослужителей в рядах действующей армии и участие в партизанском движении; помощь раненым бойцам шефством над госпиталями и созданием санитарных пунктов; участие в сооружении оборонительных укреплений, организации противовоздушной обороны и т.д. Личным примером духовенство Московского Патриархата призывало народ к мобилизации всех сил в помощь обороне и укреплению тыла» [7, с. 157].

Война актуализировала православное мировоззрение народа как на советской, так и на оккупированной территории. Властные структуры СССР и Третьего рейха относительно массового возрождения православия занимали схожую прагматическую позицию, используя религиозный фактор в

своих тактических интересах. У тех и других стратегическая цель была одна – уничтожить православие как несовместимое ни с коммунистическим, ни с национал-социалистическим мировоззрением. Из тактических соображений и нацисты, и коммунисты не препятствовали возрождению церковной жизни русского народа в ограниченных и подконтрольных размерах с тем, чтобы использовать массовую религиозную самодеятельность в пропагандистских целях. Коммунисты использовали православный патриотизм против оккупантов, а оккупанты – против большевиков.

Позиция оккупантов очевидно представлена в следующих целевых установках относительно будущей судьбы русского православия:

- «Христианский крест должен быть изгнан из всех церквей, соборов и часовен и заменен единственным символом — свастикой» (Альфред Розенберг) [7, с. 165].

- «Нашим интересам», — говорил Гитлер, — соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы» [7, с. 166-167].

- «Поддерживать и снова оживлять Православную Церковь было бы неверным, так как она всегда являлась организацией национального сплочения... Нам нужно поддерживать каждую религиозную форму и секту, которая будет пацифистской» (рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер) [7, с. 168].

Позиция коммунистов проявилась в активном сворачивании религиозной деятельности народа в послевоенные годы.

За годы Великой Отечественной войны усилиями православного народа активно восстанавливалась церковная инфраструктура, массово совершались богослужения. «Всего за три года оккупации в условиях голода, разрухи, отсутствия материальных возможностей было восстановлено более 40% от дореволюционного количества церквей» [7, с. 199]. «На 1 июня 1945 г., по подсчетам Совета по делам РПЦ, общее количество действующих храмов Патриархии составляло 10243, в том числе на Украине — 6072 и в РСФСР — 2297... Количество священников и диаконов в начале 1946 г. равнялось 9254. В 1945 г. еще функционировало 104 монастыря (вместе с 22 закарпатскими), в которых проживало 4632 насельника» [7, с. 221].

После войны стратегия правящей в стране коммунистической партии по ликвидации религии как несовместимого с построением коммунизма мировоззрением масс неуклонно продолжалась с временными тактическими шагами по «использованию» религиозного фактора в геополитических интересах в условиях холодной войны с Западом.

Этапы взаимоотношения Государства и Церкви:

1943-1948 гг. Поддержка государством патриотической деятельности Церкви. По инициативе Сталина в сентябре 1943 г. был проведён Архиерейский собор Русской православной церкви, который избрал митрополита Сергия на Патриарший престол. Создание Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) при СНК СССР. Предоставление церковным структурам ограниченные права юридического лица. Введение практики регистрации паспортных данных при совершении таинства крещения. Отказ политического руководства СССР от планов скорейшего уничтожения религии, переход к политике частичного возрождения религиозной жизни в стране под жёстким государственным контролем. Запрет на закрытие после освобождения учреждений культа, открытых во время немецкой оккупации. Резкое снижение тарифа на электроэнергию для религиозных учреждений с 1 января 1946 г.

1948-1953 гг. Смена курса религиозной политики, связанной с ядерным противостоянием. Резкое падение заинтересованности властей в международных акциях Русской Церкви. Комплекс внутривнутриполитических причин: переключение внимания Сталина к новому витку внутривнутриполитической борьбы, чисток и репрессий, вынужденные уступки части партийного аппарата не приемлющей послаблений Церкви. С осени 1948 г. и до смерти Сталина правительство не разрешило открыть ни одного храма, участились аресты священнослужителей.

1953-1958 гг. Значительное охлаждение отношений между государством и Церковью. 7 июля 1954 г. ЦК КПСС принял Постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» призвало партийные, комсомольские, профсоюзные организации, а также Министерство просвещения проводить антирелигиозную работу систематически со всей настойчивостью. В годы «научного атеизма» гонения были ориентированы на «перевоспитание» верующих, а также дискредитации их в общественном мнении.

1958-1961 гг. Секретное постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 4 октября 1958 г. – начало хрущёвской антирелигиозной кампании. «В этот период основными направлениями государственного давления на жизнедеятельность Церкви были: 1) резкое сокращение количества приходов и монастырей; 2) подрыв материально-финансовой базы; 3) ликвидация духовных учебных заведений; 4) изменение положения об управлении Церковью, жесткий контроль над кадровой политикой Патриархии; 5) давление на различные категории верующих, вплоть до полного запрещения некоторым из них (подростки, военнослужащие и т.д.) посещать храмы» [7, с. 5-6]. Церковь рассматривается государством как идеологически чуждое социализму и коммунизму явление.

Результаты антирелигиозной кампании: Московский Патриархат понёс тяжелый урон. За

1958—1964 гг. число ее приходов уменьшилось на 5863 [7, с. 381]. Опираясь на статистические данные о положении Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) (1914-2000 гг.) [7, с. 429-431] мы расчётным путем определили, что в 1961 г. по сравнению с 1914 г. сократилось:

- число храмов и молитвенных домов - до 14,7%,

- число священников - до 15,5%, число диаконов – до 5%,

- число духовных академий с 4 до 2, число учеников в них – до 26%,

- число духовных семинарий до 8%, число учеников в них – до 0,7%,

- число монастырей - до 3,2% (2,4% мужских и 4,2% женских) с численностью насельников в них - до 3,4% в мужских монастырях и 3,2% в женских.

Дальнейший анализ советского периода мы продолжим в следующей статье.

(Продолжение следует)

Список литературы:

1. Багичева, Н.В. «Свиток, на котором отмечены все тайны бытия»: архетипы Родины-матери в русском менталитете / Н.В. Багичева, Т.А. Чикарёва // Филологический класс, 2017. - №3(49). – С. 34-40. – URL: <https://goo.gl/5JqF7J>

2. Балановская, Е.В. Русский генофонд на Русской равнине / Е.В. Балановская, О.П. Балановский. - М.: Луч, 2007. – 416 с. – URL: http://historylib.org/historybooks/E-V--Balanovskaya--O-P--Balanovskiy_Russkiy-genofond-na-Russkoj-ravnine/

3. Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. - URL: <https://goo.gl/4iJsUP>

4. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. Издание 4-е, дополненное. — СПб.: ЧеРо-на-Неве, Петроглиф, 2004. —352 с. - URL: <http://ethology.ru/library/?id=321>

5. Пищик, А.М. Циклогенез парадигм русского мировоззрения: Советский период – Часть 1 (1917-1939) / А.М. Пищик, А.Е. Ефимов // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). Ежемесячный научный журнал. – 2019. - № 1 (58), 4 часть. – С. 25-30. – URL: <https://goo.gl/ScKrup>

6. Сергей митрополит Московский и Коломенский, патриарший местоблюститель. Послание к пастырям и верующим 22 июня 1941 г. // Седмица. RU. Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия». – URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/439892/>

7. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. — М.: Вече, Лепта, 2010. — 480 с: ил. – URL:

<https://tvereparhia.ru/biblioteka-2/sh/3129-shkarovskij-m-v/26612-shkarovskij-m-v-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-xx-veke-2010>

8. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Пер. с англ. - К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. - 384 с. – URL: https://cpp-p.ru/wp-content/uploads/2015/08/f-8XT1NhfwdLlxdTJOM_XLnBkZg.pdf

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ (ЕСУ)

Ежемесячный научный журнал

№ 2 (59)/ 2019

4 часть

Редакционная коллегия:

д.п.н., профессор Аркулин Т.В. (Москва, РФ)

Члены редакционной коллегии:

- Артафонов Вячеслав Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права (Москва, РФ);
- Игнатьева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических, преподаватель кафедры менеджмента (Москва, РФ);
- Кажемаев Александр Викторович, кандидат психологических, доцент кафедры финансового права (Саратов, РФ);
- Кортун Аркадий Владимирович, доктор педагогических, профессор кафедры теории государства и права (Нижний Новгород, РФ);
- Ровенская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз (Москва, Россия);
- Селиктарова Ксения Николаевна (Москва, Россия);
- Сорновская Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии;
- Свистун Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, советник при ректорате (Москва, Россия);
- Тюменев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук (Киев, Украина)
- Варкумова Елена Евгеньевна, кандидат филологических, доцент кафедры филологии (Астана, Казахстан);
- Каверин Владимир Владимирович, научный сотрудник архитектурного факультета, доцент (Минск, Белоруссия)
- Чукмаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор

д.п.н., профессор Каркушин Дмитрий Петрович (Москва, Россия)

Художник: Косыгин В.Т

Верстка: Зарубина К.Л.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

E-mail: info@euroasia-science.ru ; www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель Евразийский Союз Ученых (ЕСУ)

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия